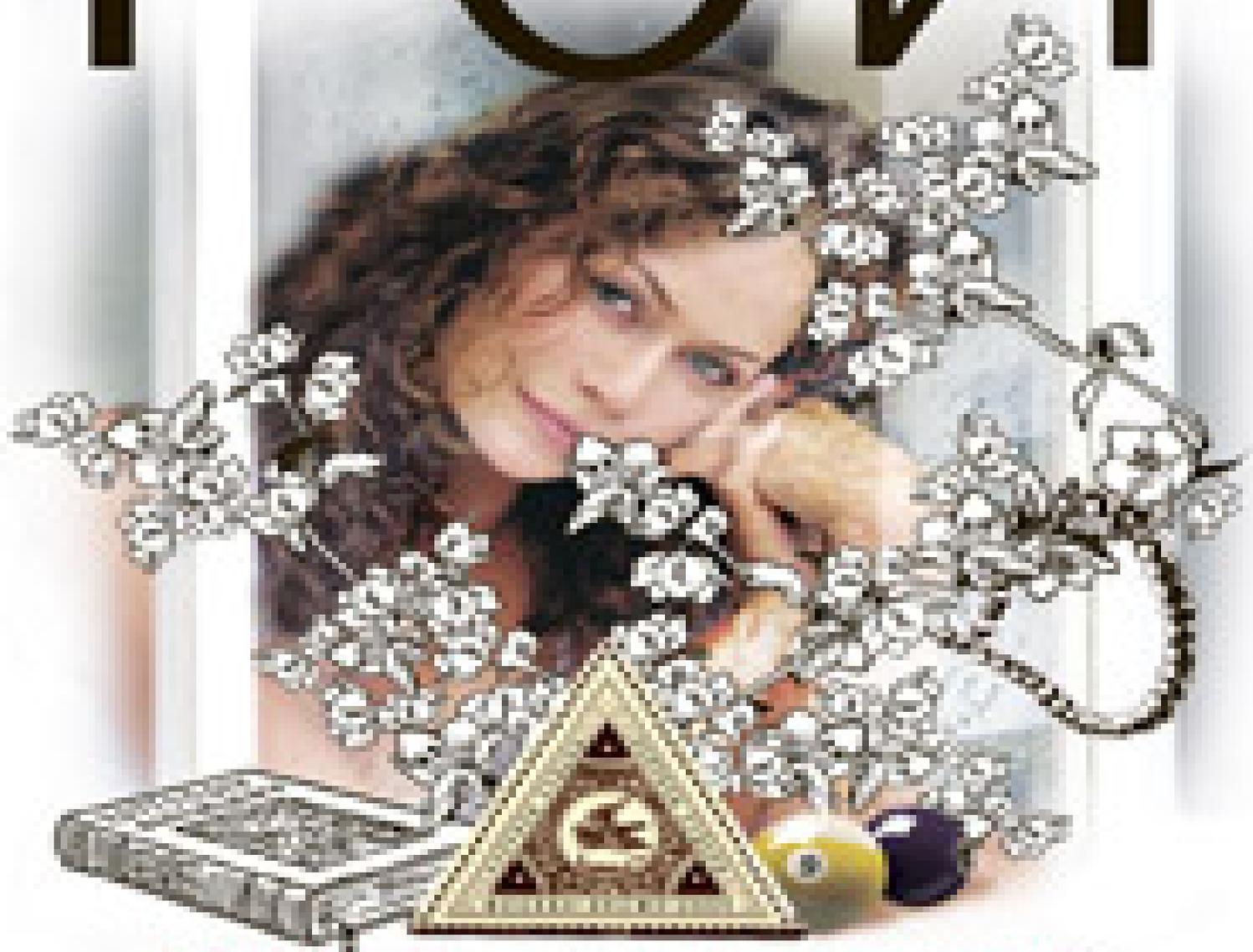

Род Олег С

РОИМ

МУЖЧИНА В ОКНЕ НАПРОТИВ

Annotation

Ирина Боброва, одинокая девушка глубоко за тридцать, была романтиком особого рода: все, о чем думала, мечтала, она расцвечивала своей фантазией так ярко, что примириться с обыденностью ей становилось трудно. Коллеги с замиранием сердца слушали ее рассказы о щедрых красавцах-поклонниках, завидовали счастливой женской судьбе Ирины. Одни верили, другие посмеивались над чудачкой. Но в какой-то момент ее любовные истории приобрели более реалистический характер, и скептики призадумались: а уж не случился ли и вправду у барышни роман! Случился. Только второй участник этой love story об этом даже не догадывался, потому что никогда не замечал девушку в окне напротив. Но однажды...

- [Олег Рой](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Олег Рой

Мужчина в окне напротив

Моему сыну
Женечке
посвящается

Рождественская
история, похожая
на сказку

*Посвящается
всем, кто еще
верит в любовь!*

«Я увидела голубоглазого золотоволосого бога – и все было кончено...»

Здесь она взяла небольшую, но эффектную паузу. Изменила позу, слегка облокотилась на спинку стула, поправила кокетливым жестом волосы и улыбнулась. Улыбнулась очаровательно и торжествующе, как могла улыбаться только одна из самых знаменитых, самых успешных, и уж бесспорно, самых красивых женщин страны.

«Когда они встретились, ему было тридцать, ей – на год больше. Оба зрелые, сложившиеся личности с яркой и непростой судьбой. Он недавно развелся и тяжело переживал разлуку с восьмилетним сыном Дугласом, названным так в честь голливудской звезды Дугласа Фербенкса. А у нее шел к закату бурный роман с некой загадочной личностью, австрийским бизнесменом. Каждый вечер после спектакля к служебному входу музыкального театра подкатывал черный «Мерседес» последней модели, и она уезжала, чтобы вновь и вновь окунуться в вихрь ночной светской жизни...»

Небольшая пауза. Перед глазами яркой чередой пронеслись, точно фрагменты клипа, шикарные автомобили, туалеты от лучших кутюрье мира, меха на обнаженных плечах дам, блеск бриллиантов,

ослепительные улыбки знаменитостей, вспышки фотокамер... Она сглотнула, перевела дыхание и вновь заговорила:

«Но в тот весенний вечер, когда они впервые увиделись, прошлое было забыто раз и навсегда. С этого мига у каждого из них началась новая жизнь, которую они уже не представляли друг без друга. На следующий день они вместе отправились в Большой театр на торжества, посвященные юбилею невероятно популярного в те годы тенора Леонида Собинова. После концерта и банкета они до рассвета бродили по Москве, говорили, говорили и никак не могли наговориться... Была теплая майская ночь, они шли рядом по пустынной набережной Москвы-реки, изредка встречаясь с такими же парочками... Вам ничего не напоминает эта сцена? Ну, конечно же! Через много лет она повторится на экране, в столь любимом россиянами фильме «Весна». Правда, режиссер там будет другой, его роль исполнил блистательный Николай Черкасов. Зато актриса – та же самая...»

Она улыбнулась, вновь перевела дыхание и бросила взгляд на часы. Отлично, все идет по плану, она не выбилась из графика. Значит, можно не торопиться.

«Григорий Васильевич очень боялся, что Любовь Петровна не примет предложения сыграть главную героиню в его новом фильме, сочтет роль, да и саму картину слишком легкомысленной. Он долго не осмеливался заговорить об этом, рассказывал о своих планах отстраненно, словно они не имели никакого отношения к ней. А когда все-таки решился, она действительно взглянула на него не только с изумлением, но и с сомнением...»

На лице говорившей тоже появилось скептическое выражение. Впрочем, не только скептическое. В нем были и удивление, и радость, и тень сомнения, и надежда на будущий успех – все то, что переживает актриса, когда ей предлагают новую роль.

«Но она согласилась! Правда, не сразу и подчеркнув: «Я чувствую, что мы часто будем спорить. Это не мешает работе?» – «Конечно нет! – поспешил заверить ее режиссер. – Ведь, как гласит старинная мудрость, только в спорах рождается истина».

Так возник самый знаменитый творческий дуэт советского кино: Григорий Александров и Любовь Орлова. А дальше начались съемки, их первая, но далеко не последняя картина. Тогда же началась и семья,

потому что, приехав в Гагры, влюбленные почти сразу поселились вместе – чтобы больше не расставаться никогда. В следующем году, сразу после выхода на экраны «Веселых ребят», Орлова и Александров поженились...»

Рассказ лился плавно, молодая женщина у микрофона говорила легко, не сбиваясь, и почти не заглядывая в лежащие перед ней распечатанные страницы. Ей это было ни к чему – она и душой, и телом, находилась там, в своей истории, почти полностью преображаясь в свою героиню, играла Любовь Орлову голосом, интонациями, мимикой, жестами, позами, всей своей натурой. Даже в ее лице каким-то непостижимым образом появилось сходство с актрисой. И никакие досадные мелочи, вроде тихого шороха за стеклянной перегородкой, были не в силах помешать. Там, помимо операторов, сидело еще двое посторонних слушателей, но сейчас ее это совершенно не интересовало. Она продолжала свою историю.

«За всю долгую, более чем сорокалетнюю совместную жизнь супруги так и не перешли «на ты». Обращения «вы, Любочка» и «вы, Гриша» в их устах звучали как особое проявление любви, основанной не только на привязанности, но и на безграничном уважении друг к другу...»

Время в студии летело быстро, запись шла гладко, как по маслу. Сидевшая у микрофона молодая женщина улыбалась и грустила, радовалась успехам и преодолевала трудности вместе со своей героиней, старилась и отчаянно боролась за уходящую молодость и красоту... И сама не заметила, как история плавно приблизилась к завершению.

«...После смерти Григория Васильевича деятели культуры заговорили о том, что на той самой даче во Внукове, принадлежавшей знаменитым супругам, надо сделать музей Орловой и Александрова. Увы, этому замечательному плану не суждено было сбыться... Квартиру и дачу продали, а бесценный архив первой советской кинозвезды выбросили на помойку. Старожилы подмосковного поселка помнят, как приходили на эту свалку, пытаясь спасти альбомы, фотографии, книги и письма – но вскоре архив, который Любовь Петровна старательно собирала всю свою жизнь, сожгли во время, как это называлось, «санобработки». А дача теперь сдается в аренду. Первое время там еще сохранялся интерьер, так

тщательно и с такой любовью продуманный хозяйкой. Но со временем мебель пришла в негодность, ее заменили, а в помещениях сделали евроремонт. И теперь единственное, что напоминает о бывших владельцах дома, их необыкновенной судьбе и необыкновенной любви, – это забытый в кладовке портрет Орловой, пробитый чьим-то каблуком...»

В голосе, произносящем последние слова, звучали слезы. Словно не ведущая заканчивала передачу, а великая актриса и великая женщина оплакивала в этот миг трагический финал своей звездной жизни.

Та, что сидела у микрофона, вздохнула, вытерла повлажневшие глаза бумажным платочком и бодро закончила:

«С вами была Ирина Боброва, ведущая передачи «Легенды любви». Встретимся на следующей неделе, двенадцатого ноября. Будьте счастливы, любите и будьте любимы!»

– Отлично! – крикнули из операторской за стеклянной перегородкой.

Свет, падавший на распечатку текста, потух. Молодая женщина в кресле перед микрофоном замолчала и как-то тоже погасла. Она вышла из образа и мгновенно превратилась из звезды русского кино, красавицы, мечты нескольких поколений советских мужчин в скромную сотрудницу популярной радиостанции. Теперь это была самая обычная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, слегка склонная к полноте и внешне ничем не примечательная. Она сидела, опустив голову, уставившись невидящим взором в лежавшие перед ней листы, и чувствовала себя опустошенной.

– Умница, Иришка, просто умница! – прозвучал знакомый бас Федора Борисовича Ривкина, которого весь дружный коллектив радиостанции за глаза и в глаза называл не иначе как «наш ФБР». Это было ласковое прозвище. На «Маяке» зама главного любили и уважали. Да и не только здесь. Многие редактора и ведущие на престижных радиостанциях с гордостью называли себя учениками Ривкина.

– Молодчина, отличная передача получилась. – ФБР, тяжело опираясь на массивную трость с набалдашником, не без труда поднял свое грузное тело со стула за перегородкой и шагнул к Ире.

– Спасибо, Федор Борисыч, вы всегда так меня хвалите... – смутилась Ирина.

– Было бы за что... – вступил в разговор второй гость студии, сухощавый мужчина с длинными волосами и в ярко-розовом галстуке, зачем-то пришедший на ее запись вместе с Ривкиным.

Ира его лицо показалось знакомым. Она присмотрелась... Ну, конечно же, это Иннокентий Туманов! Исполнитель романсов и песен из кинофильмов, так полюбившийся слушателям, а особенно слушательницам, где-то в семидесятые годы. Тогда это был тоненький кудрявый мальчик с огромными лучистыми глазами. С тех пор много воды утекло, кудри заметно поредели, на тоненькой фигуре выросло брюшко, не скрываемое никакой утяжкой, лучистые глаза потухли и обрели циничный прищур, романсы и лирические песни в репертуаре не обновлялись. Однако сходить со сцены Иннокентий Туманов не спешил. С упорством муравья лез во все теле– и радиопередачи, давал направо и налево интервью, где повторял, что «всегда шагает в ногу со временем». Он жаждал омолодить свою аудиторию, ярко одевался, делал пластические операции, постоянно менял репертуар на более современный, даже рэп пытался читать. Но аудитория как-то не спешила омолаживаться. У поклонников рэпа были свои кумиры, а те, кто еще помнил Туманова, предпочитали слышать в его исполнении «Я вас любил», «Очарована, околдована» и «Снился мне сад в подвенечном уборе», а не какое-нибудь «Ну-ка, крошка, потрясемся немножко!».

– Вам, ребята, никогда не поднять рейтинг, – произнес Туманов, покачивая носком ботинка из имитации крокодиловой кожи. – Вечные сопли, сюси-пуси, охи-ахи... В наши дни это никому не интересно. Современной публике нужно совсем другое. Вы что, не знаете, что хавают пипл?

Лукаво подмигнув Ире, чтобы она молчала, ФБР обратил на него заинтересованный взгляд.

– Думаешь, нам надо что-то менять? – спросил Ривкин, придав голосу озабоченную интонацию.

– Давно пора! – усмехнулся певец. – Вот, взять хотя бы название передачи... Ладно бы еще было «Любовные истории» или «Женские истории», как по телевизору. А то – «Легенды любви»! Ну что это такое? И звучит странно.

– Почему странно? – Ира все-таки вступилась за свое детище. – Мы же говорим: «легенда спорта», «легенда музыки». Скажем, Элвис Пресли – легенда рок-н-ролла. А у нас рассказы о тех людях, чья история любви передается из уст в уста и стала легендой, понимаете?

– Да фигня это все! – поморщился Туманов. – Тебе, Ира, надо было бы рассказывать совершенно другое. Например, то, что Александров был геем и любовником Эйзенштейна. Но только до тех пор, пока ходил у него в помощниках. Как только он снял собственный фильм, Эйзенштейн приревновал к его успеху, рассорился с ним в пух и прах и на просьбу помочь вывезти «Веселых ребят» на международный фестиваль ответил: «Ассенизатором не работаю, говно не вывожу...» Однако Александров скоро утешился с молодым артистом, забыл его фамилию... И оставался верен себе до конца дней. Его браки – и с Орловой, и, позже, с вдовой собственного сына, служили лишь прикрытием его истинных наклонностей.

Ира открыла было рот, но Туманов не дал ей и слова вставить.

– А Орлова! – продолжал он вдохновенно. – Ты из нее тут только что не святую сделала... Меж тем эта дамочка была любовницей Сталина, алкоголичкой и жуткой стервой, она пришла к своему успеху по трупам. Сколько людей предала, скольких погубила! Собственный внук называл ее «великой гадиной». Помешалась на проблеме вечной молодости, тратила уйму денег на косметику и пластические операции, даже документы подделала, чтобы ее считали моложе на пять лет. И к тому же – алчная, корыстная, на все готовая ради выгоды. А как она бравировала своим богатством! Кто ж не знает ее знаменитой жалобы, мол, бедная я, несчастная, так хочется поехать на дачу во Внуково, а приходится лететь в Париж, потому что нужны новые перчатки! Неудивительно, что все вокруг ее ненавидели. Раневская, например, говорила, что у Орловой голос такой противный, точно кто-то ссыт в пустое ведро...

Вот что нужно рассказывать! Вот что делает рейтинг, собирает аудиторию. А пока ты будешь щебетать обо всех этих своих «златовласых богах», «Кошечках и Щениках» и «сфинксах на перстнях», тебя так и будут слушать только полторы домохозяйки...

От этого монолога ведущая Ирина Боброва покраснела до слез. Она даже не знала, за что ей было обидно больше – за свои передачи или за Орлову с Александровым.

– Это неправда, неправда! – почти закричала она. – Все, что вы про них говорите, – выдумки желтой прессы и сплетни грязных завистников! Орлова и Александров были идеальной парой и всю жизнь любили друг друга, а вы... вы просто...

– Погоди-ка, Ирочка, не волнуйся так. – Федор Борисович легко сжал ее локоть, заставив замолчать, и обратился к Туманову:

– Милейший, а можно полюбопытствовать, откуда ты так хорошо знаешь содержание Ириных передач? Ведь про перстень со сфинксом – это было, если мне склероз не изменяет, в прошлом месяце, в истории о Тургеневе и Полине Виардо. А «Кошечка» и «Щеник», домашние имена Лили Брик и Маяковского, вышли в эфир на прошлой неделе, так, Ирочка?

– Так. – Она не удержалась и шмыгнула носом.

Туманов замялся:

– Ну-у... Бывает, иногда – едешь в машине, слушаешь... Все равно, пока стоишь в пробках, делать нечего...

– Частенько, получается, бывает? Не попсу, не шансон, не новости, а Ирочку слушаешь? Да еще и запоминаешь то, что было месяц назад? А говоришь – аудитория в полторы домохозяйки... – Ривкин уже не прятал ухмылку.

Когда-то модный певец нахмурился и прокашлялся. Затем, согнув локоть, сдвинул рукав пиджака, продемонстрировав часы, по виду слишком дорогие, чтобы быть настоящими.

– Ты это, ФБР, зубы мне не заговаривай... У нас когда запись-то начнется? А то мне сегодня в Останкино еще, потом на прием в итальянское посольство...

– Да готово все! – крикнули из аппаратной. – Игорю, ведущему, уже позвонили, говорит, к лифту подходит, будет с минуты на минуту.

– Ну, не буду вам мешать, – заторопилась Ира.

Собрала свои листочки, обменялась напоследок улыбками с ФБР (Туманов упорно не глядел в ее сторону) и вышла в коридор.

Шагая к лифту, она ссутулилась и зябко повела плечами. Как сегодня холодно! Радио «Маяк» размещалось на третьем этаже старинного семиэтажного здания по 5-ой улице Ямского Поля. Помещение неплохо сохранилось и было не так давно отремонтировано, только вот вентиляция... Летом – жара и духота, а зимой – холод, даже в легкие морозы ни отопление, ни обогреватели не

спасают. Вроде до зимы еще далеко, только середина октября, а уже такой колотун!.. Надо будет теплее одеваться на работу...

– Ой, Ирка, вот здорово, а я как раз тебя ищу!

Навстречу Ирине спешила женщина примерно ее лет, с вьющимися волосами, выкрашенными в медно-рыжий цвет, в не по сезону короткой замшевой юбке и сапогах-ботфортах до середины бедра. Это была Алка Тетеркина, лучшая подруга Иры.

– Иренция, чего твой мобильный не отвечает, зарядить забыла, что ли? – поинтересовалась Алла, активно жестикулируя. Следуя собственным, самостоятельно разработанным критериям прекрасного, Алла носила на всех пальцах кольца с крупными поделочными камнями, и оттого ее движения всегда сопровождались легким перестуком самоцветов и серебра.

– Я на записи была, отключила.

– Ну да, у тебя же сегодня запись!.. Отстрелялась уже?

– Только что.

– Счастливая, а мне еще с полчаса тут торчать как минимум... Еле покурить вырвалась. Слушай, дождись меня, хорошо? Важный разговор есть. – Алла многозначительно поглядела черными, густо подведенными глазами.

– Хорошо, я пока кофе с девчонками попью, – легко согласилась Ира. Спешить ей было некуда – дома все равно никто не ждал...

Небольшая комната для отдыха сотрудников оказалась забита под завязку. Диджей Машка, бухгалтер Катюша, менеджер по рекламе Леля и редактор Наталья Николаевна пили чай за столом и вели оживленную беседу, Танечка, секретарь главного, стояла в дверях, видно, забежала зачем-то, да так и осталась.

– И не говорите, девочки, прямо беда с этим кризисом... – Наталья Николаевна вздохнула и надкусила бутерброд с телячьей колбасой. – Вам-то хорошо, вы молоденькие... А я куда денусь, если меня уволят?

– Ну что вы такое говорите! – ахнула добрая толстушка Катя. – Кто ж вас уволит, куда же без вас?

– И правда – нельзя так говорить! – Машка решительно тряхнула короткими кудрями. – Не знаете разве, что вы себя этим программируете на плохое? Помните, как наш ФБР на этот счет выражается: и говорить, и мыслить надо только позитивно!

– Ой, Машка, до позитива ли тут... – Таня прислушалась – не у нее ли в кабинете звонит телефон? – Только вот сейчас, перед тем как уехать, шеф решил, что у нас водителей многовато. Говорит, надо одного уволить...

– Только бы не Рината! – ахнула Леля и отчего-то покраснела.

– Ну, не Васильева же? У него двое детей, старший в этом году в школу пошел. А Ринат по крайней мере холостой. – Наталья Николаевна потянулась к заварочному чайнику и только сейчас заметила Иру. – Ой, Ирочка! Ты к нам?

– Ирка, привет, заходи! – Машка подвинулась, пропуская Ирину. – А то мы тут все о грустном, да о грустном...

– Давай я тебе чаю налью, – захлопотала Катюша. – Или ты кофе хочешь? Вот, печенье бери, конфеты...

Ира не торопясь, с достоинством, уселась, взяла поданную ей чашку, подула на горячий кофе, пригубила. Она словно не замечала, что все присутствующие смотрят на нее и явно чего-то ждут.

– Ириш, ну расскажи, что у тебя новенького? – не выдержала наконец Таня.

Та подчеркнуто равнодушно пожала плечами:

– Да ничего особенного. Вчера была с Никитой в «Доме кино»...

– Погоди, Иринка, я что-то забыла, – перебила Наталья Николаевна. – Никита – это который олигарх? Или из «Газпрома»?

– Ну что ж вы вечно все путаете, Наталья Николаевна! – Леля даже возмутилась. – Пора бы уже и запомнить! Олигарха зовут Егор, а из «Газпрома» – тот вообще Руслан. А Никита – это каскадер знаменитый, Никита Давыдовский... Ну, Ир, а дальше что?

Ира не спешила с продолжением, глотнула еще кофе, отправила в рот крекер. На лице ее сохранялось все то же безразличное выражение.

– Ну так вот, посмотрели фильм...

– А какой? – снова встряла редакторша и тут же сникла под возмущенными взглядами, обратившимися на нее с разных сторон.

– Да не помню, бред какой-то шизофренический, знаете, как сейчас модно – «кино не для всех»... Но не в фильме дело! Представляете – сидим мы после сеанса в баре, а справа, за соседним столиком – Александр Домогаров!

– Ух ты! – хором выдохнули слушательницы.

– Неужто ты с ним закрутила? – скептически подняла бровь Машка.

– Увы, нет, – покачала головой Ирина. – Мы даже не познакомилась. Так жаль! В жизни он еще интереснее, чем на экране... Ну так вот. Сидим мы, значит, с Никитой, болтаем, коктейли пьем, и тут вдруг входит... Кто бы вы думали?

– Руслан? Егор? Олег? – посыпались предположения.

– Если бы! А то Вахтанг!.. Как увидел меня с другим, глаза заблестели... Ну, думаю, сейчас зарежет или меня, или Никиту. Они, кавказцы, народ горячий...

Рассказывая, Ира снова преобразилась, как недавно в студии. Распрямила спину, расправила плечи, порозовела и похорошела.

– И что же ты? – поинтересовалась Танюшка, переступив в дверях с ноги на ногу. Ей давно пора было вернуться на рабочее место, но разве ж можно уйти, когда тут такие интересные вещи рассказывают?

– Да ничего... – продолжала Ирина. – Поговорила с ним, кое-как успокоила. Объяснила, что женатые мужчины, да еще с детьми, для меня не существуют, и не надо мне больше звонить и подарки присылать, я все равно ничего не приму...

– Вот это ты молодец! – одобрила Леля.

А Катя спросила с придыханием:

– А Никита?

– А что – Никита? Взял меня под руку и увел. Отвез на своем джипе домой, конечно, напрашивался в гости, но я ни в какую...

– Что ж так? – в голосе Машки слышалось легкое ехидство.

Ира посмотрела на нее, как смотрят на человека, не понимающего самых элементарных вещей:

– Так у меня ж запись сегодня! Я себе за правило взяла – накануне ни-ни, никаких амуров, а то на другой день голова будет совсем не тем занята...

– Это правильно, – одобрила Наталья Николаевна. И подумав, добавила мечтательно: – Хотя я бы на твоём месте, наверное... Если бы вдруг... А тут еще Домогаров...

– Но это еще не все! – увлеченно продолжала сияющая, как рождественская елка, Ира. – Расстались мы с Никитой у подъезда, я поднимаюсь к себе, а на лестничной площадке стоит Егор! Представляете себе картину?! Вокруг охрана, он же шагу без

секьюрити не ступит, вот с такущей охапкой роз! У меня первая мысль: «Как хорошо, что я Никиту не позвала в гости...»

– Ну и ну! – заахали слушательницы. – И что же?

– Да ничего... – Ира выразительно пожала плечами. – Цветы, так уж и быть, взяла, а самого отправила. Вы ж знаете, с Егором у меня никаких отношений быть не может.

– Ирка, ну почему, почему? – недоумевала Леля. – Олигарх, да еще разведенный – что тебе еще надо?

– Ну, допустим, развод-то еще не оформили, – покачала головой рассказчица. – Да и разводится он с таким скандалом, вся желтая пресса об этом пишет... И к тому же, девочки, он страстный собачник, а вы знаете, я собак терпеть не могу. Фу! Никакая, даже самая великая любовь не заставит меня с ними примириться!

– Ириш, я готова! – в дверях показалась Алла в кожаной куртке. – Поехали?

– Да-да! – Ира поднялась. – Спасибо за кофе, девочки.

– А сегодня куда? – не сдержала любопытства Наталья Николаевна.

– Еще не решила... Олег звал в театр, во МХАТ, на Табакова, а Руслан – на какую-то светскую тусовку. Подумаю... Пока, целую всех!

– Пока! – Алла тоже помахала рукой, унизанной кольцами.

Подруги ушли и уже не слышали разговора, продолжавшегося в комнате отдыха.

– Господи, сколько приключений... – вздыхала Катя, разворачивая шоколадную конфету. – Вот это жизнь!.. Какая же Иришка счастливая... А у меня каждые сутки – День сурка. Ребенка из сада забрать, накормить, белье постирать, мужу рубашку на завтра погладить, ужин приготовить, подать, посуду помыть... А утром все сначала – ребенка в детский сад, сама на работу... И так каждый день одно и то же, одно и то же! А у Иришки что ни день, то праздник...

– Катюх, не будь дурочкой, – наморщила аккуратный носик Машка. – Разве ты не видишь, что она все врет? Нет у нее никого...

– Перестань, ты просто ей завидуешь! – возмутилась Леля.

– Вот именно! Тебя муж бросил – вот тебе и завидно, что у Ирки столько поклонников! – поддакнула Таня.

– Ой, девочки, не ссорьтесь, – примирительно сказала Наталья Николаевна. – Правду Ира говорит, нет ли – а послушать-то все равно

интересно. Хоть какое-то разнообразие в нашей серой жизни... Танюш, это не у тебя там телефон разрывается?

Тем временем Ира и Алла уже покинули здание проектного института и садились в автомобиль Ирины, синюю «ДЕУ», которую хозяйка любовно называла «моя дёушка».

– Значит, вот что, – решительно заявила Алла, как только машина тронула с места. – Я тут подумала и поняла, что дальше так жить нельзя!

– «Так» – это как? – поинтересовалась Ира, вырубивая в переулок.

– Так, как мы с тобой, – одинокими и никому не нужными. Необходимо срочно устроить свою судьбу. Я не я буду, если до Нового года не выйду замуж!

– Замуж? – от удивления Ира чуть не выпустила из рук руль. – За кого же?

– Да, это проблема, – нехотя согласилась Алла. – Кандидатуры на должность жениха пока нет. Но это вопрос решаемый.

– До Нового года? – Ирина скептически покачала головой. – Сомнительно... Одно только заявление надо за два месяца подавать...

– Не за два, а за месяц.

– Все равно не успеешь. Сейчас уже октябрь.

– Ничего, успею! Главное – действовать, не затягивать. И знаешь что, Ир? Давай вместе!

– Что – вместе? – удивленно покосилась на подругу Ирина. – Замуж выходить? Как ты себе это представляешь? Ой, ну что ж ты делаешь-то? – Последние слова относились к неожиданно выскочившему из-за поворота разбитому «жигулёнку-шестерке».

– Да не выходить, дурища, а женихов искать! – отвечала подруга, привычно не обращая внимания на дорожные реплики. – Понимаешь, вместе оно всегда лучше... Помнишь, мы с тобой весной вместе на диете сидели, как здорово похудели?

– Здорово, только я потом за месяц опять все набрала... – вздохнула Ира.

– А я тебе говорила! – Алла покачала медными локонами. – Не фиг было весь отпуск дома сидеть! Ты же, вместо того чтобы поехать куда-нибудь, с утра до ночи в компьютер играла, да свой любимый белый шоколад лопала. А он хоть и белый, а калорий в нем столько же,

сколько в черном. Ладно, сейчас не об этом. Я уже все продумала. Знакомиться лучше вместе...

– Да чем же это лучше, Алл? – перебила недоумевавшая Ирина. – Допустим, познакомимся мы с кем-то – но он один, а нас двое. Чего ж тут хорошего?

– А почему это один? Мы будем знакомиться в таких места, где мужчин много, чтоб выбор был, – парировала Алла. – Вот завтра, например, мы с тобой идем на вечеринку...

– Вот как?! Спасибо, что предупредила. Я и не знала, что куда-то иду, у меня были совсем другие планы на выходные. – Ира затормозила у светофора. – Ой, какая там пробка впереди...

– Да не смей меня, какие у тебя могут быть планы? – Алла вынула из сумочки сигареты. – Знаю я твои планы – в Интернете сидеть, в телевизор пялиться да книжки читать. Нет уж, хватит! А то так и останешься до пенсии в девушках с буйной фантазией. Завтра приводи себя в порядок, оденься поприличнее и часов в пять заезжай за мной, поняла?

– Поняла... Куда мы хоть идем-то?

– На день рождения к моей бывшей однокласснице.

– Я ее знаю?

– Нет. Но это неважно. Важно, что там наверняка будут интересные персонажи мужского пола... Ну что ты задумалась? Давай, жми на газ, да перестраивайся в тот ряд, а то мы тут до утра простоим!

Ира послушно рванула с места. Мысль о предстоящем «выходе в свет» взволновала ее. Вообще-то, она не слишком любила компании, да еще незнакомые... Но с другой стороны, Алка, возможно, и права – сколько можно дома сидеть? Чем черт не шутит, пока Бог спит, вдруг и правда именно на этой завтрашней вечеринке она наконец-то встретит свою судьбу?

Высадив Аллу у метро «Тульская» и медленно продвигаясь в сплошном потоке машин, Ира думала о завтрашнем дне. Очень скоро в обычные для подобной ситуации мысли – как одеться, что подарить совершенно незнакомому человеку и как успеть сделать все запланированное на выходные – вмешалось ее богатое воображение и принялось в ярких красках рисовать грядущую встречу с избранником. Наверняка он будет красив, высок и импозантен, и все женщины от одного его вида сразу потеряют голову, а он будет смотреть только на

нее, Иру... Или нет. Не надо ей красавцев, с ними одна ревность и хлопоты. Пусть будет обычный человек, симпатичный, не более того. Может быть, она даже не сразу обратит на него внимание, как вдруг, в разгар вечера, он подойдет к ней и скажет...

Домой, в один из кирпичных «сталинских», как их называют в народе, домов на Профсоюзной улице Ира добралась по пробкам только в восьмом часу. Включила свет в обеих комнатах, заглянула в холодильник, где одиноко грустили начатый пакет кефира да пара каких-то банок, вынула из морозилки последние полпачки пельменей, поставила на плиту кастрюлю с водой, щедро сыпанула туда приправ. Оно, конечно, нет ничего вреднее для фигуры, чем есть в такое время суток тесто с мясом, но очень уж хочется... Когда все было готово, Ира высыпала на тарелку ароматно пахнущие пельмени, полила их майонезом и соевым соусом, подцепила самый крупный на вилку... И тут зазвонил телефон.

– Доченька, что у тебя с мобильным? – зазвучал в трубке встревоженный голос мамы. – Весь вечер до тебя дозвониться не могу.

– Ой, я забыла его включить после записи... – Вилку с пельменем пришлось отложить.

– Ира, ну нельзя же быть такой рассеянной! Если ты в тридцать четыре года уже все забываешь, что ж с тобой к старости будет, а?

– Мам, ты извини, я только что пришла... – Ирина с тоской поглядела на остывающий ужин.

– Так поздно? Ты куда-то заезжала? – тотчас заинтересовалась мама.

– Сегодня нет, застряла в пробке на Вавилова... Но зато завтра, мама, мы с Аллой идем в одну компанию...

– Что за компания?

– Там будет один человек...

– Ну-ка, ну-ка... Рассказывай!

– Рассказывать пока нечего, я с ним еще даже не знакома. Но Алла говорит, что он видел мою фотографию и заочно влюбился.

– И кто же он такой?

– Фотограф, только я не знаю, профессионал или любитель, – увлеченно затараторила Ира, уже напрочь забыв про пельмени. – Представляешь, он загорелся сделать мои снимки, обязательно на фоне

осеннего леса... Ой, нет, мама, я перепутала! Он не фотограф, он художник. И будет рисовать мой портрет маслом.

– Опять твои фантазии... – вздохнула в трубке Александра Петровна. – И когда ж ты у меня уже повзрослеешь? Ладно, детка, пока, до завтра...

* * *

Спорить с мамой не имело никакого смысла: Ира действительно была фантазеркой с самого детства, с первых слов!

С чего обычно начинают говорить дети? Со слов «мама», «папа», «баба», «дай». У Иринки все получилось иначе. Было солнечное лето, семья Бобровых, состоявшая из дедушки Пети, бабушки Вали, мамы Александры и годовалой дочки-внучки Иришки, обитала на своей даче, на станции «Заветы Ильича». В тот момент, когда Ира произнесла свои первые в жизни слова, дедушка чинил перила на крыльце, а мама и бабушка накрывали к обеду стол в саду под яблонями, да поглядывали за девочкой, которая, еще не слишком уверенно ступая, бегала за бабочками по дорожке, покрытой резными тенями от листвы. Вдруг малышка приблизилась к взрослым, расставила пухлые, с младенческими перетяжечками ручки и пролепетала что-то похожее на «Ия áбака».

Бабушка с мамой так и ахнули – ребенок заговорил! Вот только смысла сказанного они не поняли и кинулись переспрашивать:

– Что, Ирочка? Что ты сказала, детка?

– Ия áбака. Ия áбака! – повторила девочка, уже готовая заплакать от досады, что ее не понимают. Но тут на выручку пришел дед.

– Экие вы недогадливые, женщины! – крикнул он от крыльца. – Иришка говорит, что она бабочка, что ж тут не понятно? Так ведь, внучка?

Внучка обрадованно кивнула, снова подняла ручки и повторила свое «Ия áбака», что в переводе с детского означало: «Ира бабочка».

Это была самая первая фантазия. Впрочем – самая первая высказанная вслух фантазия, поскольку то, что творится в голове у ребенка, который еще не умеет говорить, для взрослых всегда останется загадкой. А сам человек, к сожалению, очень быстро

забывает, что думал и как воспринимал в детстве окружающий мир и насколько интересным и удивительным был его личный мир, созданный собственным воображением.

Мир маленькой Иры Бобровой был неповторим и прекрасен. В нем каждый предмет, от домов и деревьев до чайных ложек и булавок, был одушевленным существом, имел свой характер, свои взгляды на разные вопросы и даже собственный голос, которым разговаривал с девочкой. У вещей шла очень яркая и насыщенная жизнь, они ссорились и мирились, заводили друзей и врагов и, конечно, постоянно делились своими переживаниями с Ирой. Она рассказывала об этом взрослым, а те только диву давались: до чего ж у ребенка богатая фантазия!

В детский сад Ира не ходила. Зачем, когда дедушка и бабушка на пенсии? Бабушка Валя носила очки, зачесывала седые волосы в тугий пучок, ходила по магазинам с сетчатой сумкой – «авоськой», пекла пирожки, рассказывала внучке сказки на ночь и вязала всей семье носки и варежки, то есть была самой что ни на есть обычной бабушкой. Зато дедушка! Дедушка Ире достался особенный. Настоящий герой, летчик-истребитель, в войну командовавший сначала эскадрильей, а к сорок пятому году целым полком. Высокий, статный, плечистый, с не по возрасту ясными синими глазами, дед Петя и в старости был очень красив, и женщины на улице часто оборачивались ему вслед. Маленькая Ира шла рядом и чуть не лопалась от гордости – даже в обычные дни. А особенно, конечно, на 9 мая, когда дедушка надевал выглаженную форму, весь год терпеливо ожидавшую этого счастливого дня в дальнем углу гардероба, и начищенные ордена. Бабушку Ира тоже любила, но как-то спокойно, а деда – деда просто обожала. И Петр Васильевич также души не чаял во внучке и проводил с ней целые дни, укладывал ее спать, водил гулять, мастерил мебель и домики для кукол, играл в ее любимую игру «фигуры высшего пилотажа», подбрасывая и крутя над головой визжавшую от восторга девочку, изображавшую самолет на крутых виражах, в «бочке», пике или «штопоре». Бабушка на такой ужас даже смотреть не могла, всегда выходила из комнаты.

Родители Иры развелись, когда ей было несколько месяцев. Отец быстро обзавелся новой семьей и видеться с дочерью от первого брака не стремился, ограничивался алиментами. Мама торопилась как

можно скорее снова устроить судьбу. Знакомилась, бегала на свидания, ходила с кавалерами в кино, театры и на выставки, ездила в санатории и дома отдыха – одна, без дочки, поскольку было с кем ребенка и на выходные оставить, и летом на даче поселить. Но личная жизнь как-то все не устраивалась и не устраивалась. Одной из главных причин, конечно, была Иришка. Не всякий мужчина готов жениться на женщине с маленьким ребенком – но и еще более не всякого сама Саша была готова признать вторым отцом для своей дочурки. Несмотря на относительную свободу, она вовсе не была «кукушкой», сбросившей ребенка на родителей – и хоть трава не расти. Напротив, Александра очень любила дочь, и, когда возникала дилемма «мужчина или Иришка», всегда однозначно выбирала ребенка.

Словом, у маленькой Иры Бобровой была не просто хорошая, а даже очень хорошая семья. Но это не помогло ей избежать сложностей.

Большинство своих личных особенностей и проблем люди прихватывают из детства. Практически все ошибки в воспитании ребенка обязательно дадут о себе знать во взрослой жизни. Если мать была холодна и сурова, то у ребенка есть все шансы вырасти человеком жестким или даже жестоким. Чем хуже семья – тем труднее стать в ней благополучной личностью, это общеизвестный факт. Но часто бывает, что и самые лучшие семьи, с воспитанием, чуть ли не близким к идеальному, все равно, сами того не желая, создают детям жизненные трудности, и не меньшие, чем семьи проблемные. Привыкнув к доброте и постоянно окружающей его заботе, любимый ребенок тяжелее приспосабливается к жизни, которая за пределами дома оказывается совсем не такой простой и приятной, как в семье. Такой ребенок гораздо острее переживает зло и несправедливость, с которыми ему обязательно придется столкнуться, он куда более впечатлителен и раним, потому что не подготовлен, не защищен от жестокости реальной действительности. Или другой пример: казалось бы, разве плохо, что родители очень сильно любят свое чадо? Это ведь не только не плохо, это здорово, так, и только так и должно быть! Но если взрослый человек в дальнейшей жизни не встретит столь же сильной любви у своего партнера, он, весьма вероятно, будет от этого страдать. Та порция любви, которую он сможет получить от мужа или жены, всегда будет ему мала... Или – девочке повезло с отцом, ее воспитывает настоящий мужчина, мудрый, сильный и добрый.

Хорошо? Конечно! Но при этом девочка вырастает – и нередко остается одна, так и не сумев выйти замуж, создать собственную семью. Потому что ни один из имеющихся на примете женихов не может конкурировать с папой, чей образ она довела в своем сознании до идеала. Так что, получается, любое воспитание в семье, хорошее ли, плохое ли, так или иначе обязательно приводит к жизненным сложностям. Просто у разных людей эти сложности разного характера.

Не избежала этого и Иришка Боброва. Сильно любя свою семью и чувствуя от взрослых не меньшую любовь и желание гордиться ею, она очень старалась быть хорошей и послушной девочкой. Но Ира была еще слишком мала, чтобы понимать: постоянно быть ангелом невозможно. И оттого отчаянно корила себя и чувствовала виноватой за любой проступок. Взрослые могли и не узнать, что она тайком гладила дворовую кошку или стащила из вазочки конфету прямо перед обедом, а малышка потом несколько дней мучилась от жгучих, как старая крапива за сараем, угрызений совести. Спасением для Иришки были только ее фантазии. Уж в них-то все складывалось именно так, как и должно было быть. В придуманном мире Ира всегда была *хорошей*.

Время шло, Иринка росла и вскоре стала первоклассницей. В школе ее буйное воображение разыгралось еще больше, что уже начало беспокоить маму и бабушку. Даже самые обычные вещи, вроде того, как прошел урок физкультуры или что давали в буфете на завтрак, Иришка не могла рассказать без преувеличения. А когда ее ловили на несоответствии, только пожимала плечами: «Но так же интереснее!»

Одноклассники посмеивались над фантазеркой, но, как ни странно, не дразнили ее, им даже нравилось слушать чудесные рассказы. С учителями было сложнее. В самом начале второго класса вышло недоразумение, после которого учительница вызвала Александру Петровну в школу. На уроке родной речи детей попросили рассказать, как они провели летние каникулы, и Ира Боброва ошеломила всех, выдав на полном серьезе историю путешествия на золотой карете в волшебную страну, где обитают добрые феи, злые волшебники, заколдованные принцессы, говорящие животные и прочие сказочные персонажи. Молоденькая учительница еще ни разу за свой небогатый педагогический опыт не сталкивалась ни с чем

подобным и потому растерялась. «Может, вам показать вашу дочку психоневрологу? – осторожно посоветовала она. – Вообще-то, никаких других претензий у меня к Ире нет, она способная девочка, старательная, дисциплинированная. Но эти ее вечные фантазии... Знаете, мало ли что...»

К счастью, психоневролог оказался, точнее, оказалась, куда более опытной и знающей. Побеседовав с девочкой около получаса, во время которых Ира рисовала, рассматривала картинки, отвечала на вопросы и решала задачи, врач заверила взволнованную Александру, что с ее дочерью все в порядке.

– Никаких отклонений от нормы я не вижу. У вас чудесный, умный и развитый ребенок. А ее фантазия – это не повод для беспокойства, а дар Божий. Вырастет – будет вторая Астрид Линдгрэн. Или какая-нибудь Агата Кристи.

Дома Саше крепко попало от отца.

– Ты, Шурка, совсем сдурела! – кипятился он. – Это ж надо, что удумала – ребенка в психушку таскать! Да после этого ты сама сумасшедшая, а не Иришка!

Смутившаяся Саша робко возражала, что водила дочь не в психиатрическую больницу, а всего лишь в районную детскую поликлинику, что это ей посоветовала учительница, которая жаловалась на Иру, и вообще, то, что девочка слишком много выдумает – это нехорошо...

– Да ладно тебе! – махнул наконец рукой дед Петя. – Делаешь из мухи слона... Тоже мне трагедия – ребенок выдумывает. Поговорить надо с Иришкой, объяснить, как и что, когда уместно фантазировать, когда нет, – и всего делов.

И он действительно поговорил с внучкой, с глазу на глаз, так, что ни мама, ни бабушка не слышали, поговорил спокойно, без повышения голоса и нотаций, как со взрослой. Неизвестно, что именно он сказал девочке, но после этой беседы в сознании маленькой Иринки и впрямь все стало на свои места. Не то чтобы она совсем перестала сочинять небылицы, нет, конечно. Но с тех пор Ира фантазировала только там, где это было допустимо, – дома, скажем, или болтая с подружками. А на уроках и в других официальных обстоятельствах она себе больше такого не позволяла.

Через три месяца после той истории в семье Бобровых случилось несчастье – дед Петя с гипертоническим кризом попал в больницу, и домой уже не вернулся. На маленькую Иру его смерть произвела очень сильное впечатление, ведь до этого в ее жизни еще не случалось никаких трагедий и потрясений, за исключением разве что столкновения со старой, выжившей из ума большой дворнягой, которая ткнула пятилетнюю Иринку за голую ногу. Но одно дело укус собаки и совсем другое – потеря близкого человека, к которому был так привязан...

Конечно, переживала в семье не одна Иришка. Мама тоже много плакала и постоянно корила себя за то, что всю жизнь, как она теперь поняла, неправильно вела себя с отцом, вечно спорила с ним, пыталась что-то доказать... А бабушка Валя вроде и не плакала, и не жаловалась, держалась молодцом. Но меньше чем через год после смерти супруга с ней случился инфаркт. И третьеклассница Иришка с мамой остались вдвоем, что вскоре превратилось в серьезную проблему для Александры. Ей пришлось учиться одной вести хозяйство, пришлось забыть о личной и общественной жизни, которыми она раньше так активно занималась, и каждый вечер спешить домой. Да еще договариваться с начальством, потому что библиотека научно-исследовательского института, где она работала, была открыта до шести, а «продленка», куда неохотно, но покорно ходила Ира, – до пяти. Вот и крутись, как хочешь. А нужно ведь еще и в магазинах очереди отстоять, и постирать, и погладить, и убрать, и приготовить, и за квартиру в сберкассе заплатить, и в химчистку сбегать...

Не успела Саша хоть как-то привыкнуть к новой обстановке, как грянули зимние каникулы, ставшие для нее просто катастрофой. Куда девать ребенка на целых десять дней? Оставить дочь одну дома она не решалась – привыкшая к заботам бабушки и дедушки Ира была еще слишком несамостоятельна, даже справиться с замком на входной двери не могла, не говоря уже о том, чтобы включить газовую плиту и разогреть себе обед. Александре не оставалось ничего другого, как в первый же рабочий день взять дочку с собой в библиотеку.

С той поры походы «к маме на работу» стали для Иришки настоящим праздником. Там к ней постоянно приходили добрые дяди и тети, угощали мандаринами, конфетами и пирожками, водили по

зданию института, показывая всякие интересные вещи, вроде удивительной машины, называвшейся ЭВМ, которая умела мигать лампочками, считать и играть в крестики-нолики. Но больше всего девочке нравилось в самой библиотеке, где ей разрешали помогать сотрудницам. Высунув от усердия кончик языка, Ира ремонтировала поизносившиеся книги, аккуратно подклеивала оторванные корешки, реставрировала с помощью полупрозрачной желтоватой кальки поврежденные страницы, лепила на внутреннюю сторону обложки специальные конвертики-«кармашки» и ставила на титул, пачкая пальцы в фиолетовой краске, штамп библиотеки, предварительно как следует вымакав его в туши, которой щедро была залита плоская губка в специальной жестяной коробке. Именно здесь, у мамы на работе, Ира не просто научилась любить Книгу, но стала относиться к ней с уважением и даже благоговением, точно к чему-то сверхъестественному, почти божественному.

Дома у них тоже были книги, несколько полок, две из которых принадлежали Ире. Книги на них были выучены чуть не наизусть – но разве это могло сравниться с целым библиотечным фондом? Девочка приходила в неопикуемый восторг от одного вида огромного, с ее точки зрения, двухэтажного помещения, которое почему-то называли не хранилищем, а «хранением». Вдоль всего этого «хранения» тянулись длинные ряды металлических стеллажей, разделенных узкими проходами, в каждом из которых отдельно зажигался свет и стояла табуретка-лестенка с тремя ступеньками или специальная стремянка, чтобы забираться на самый верх.

Фонд библиотеки действительно был значительным и, с чем Ире особенно повезло, кроме специальных технических изданий, в нем имелось немало художественных книг, включая и детскую литературу. В те времена книги были огромным дефицитом, просто так прийти в магазин и купить что-то хорошее было невозможно. А тут тебе как на подбор – и Буратино, и Чиполлино, и Карлсон, и Мэри Поппинс, и Алиса в стране чудес, и Магистр рассеянных наук... Все, что душа пожелает. И не было для девочки большего счастья, чем, устроившись прямо здесь же, у полка, на деревянной лестенке, взять тот или иной приглянувшийся том и углубиться в чтение.

Читала она быстро, запоем, и за первые же каникулы ухитрилась проглотить добрых полтора десятка книг. Но этого Ире показалось

мало, хотелось читать еще и еще. Однако дома это как-то не получалось, школа с ее ненавистной продленкой отнимала слишком много времени. Иришка еле дождалась следующих каникул, чтобы вновь окунуться в долгожданный волшебный мир. К четвертому классу она уже перечитала все детские книги в фонде и потихоньку принялась за взрослую литературу. Сначала выбирала интуитивно, по яркой обложке, по понравившемуся названию или по рекомендациям взрослых. Самыми любимыми ее произведениями были и оставались сказки, но с течением времени не меньший интерес стали вызывать романы о любви. Годом к четырнадцати Ира после Грина, Фраермана, Гайдара с упоением прочитала Дюма и Мопассана, Майна Рида, Эдгара По, открыв для себя новый источник мечтаний и фантазий.

Так продолжалось из года в год, все каникулы, кроме летних. Лето семья Бобровых, как и раньше, проводила на даче, в Заветах Ильича. После войны деду, как и многим другим героям-фронтовикам, выделили там большой участок, где он с помощью друзей собственноручно построил добротный бревенчатый дом с большими уютными комнатами, просторной кухней, двумя печками, верандой и «мезонином», как в шутку называли в семье холодную комнату наверху, под крышей. Места в доме было предостаточно, поэтому Александра каждое лето звала с собой на дачу подругу Ольгу, учительницу, у которой тоже не было мужа, но имелись дочки-близняшки, Настя и Даша на полтора года младше Иринки. Мамы брали отпуска по очереди, и это позволяло детям побыть на свежем воздухе почти целое лето.

Ира очень любила дачу. Еще бы, ведь с этим местом были связаны чуть ли не все самые лучшие ее воспоминания, яркие солнечные картинки безоблачного детства, проведенного в этом саду с бабушкой и бабушкой. После бабушкиной смерти участок сильно изменился, огород, которым некому было заниматься, зарос бурьяном, садовых цветов, когда-то радовавших взгляд с весны до поздней осени, не стало, на смену им пришли лишь дикорастущие, полевые. От бывлой садовой роскоши остались лишь кусты малины, смородины и крыжовника, растущие вдоль забора, да фруктовые деревья, из года в год покрывавшиеся в мае белой цветущей пеленой, которая напоминала Ире пенки на бабушкином варенье, а в августе склонявшие чуть не до земли ветки, отягощенные налитыми яблоками

или крупными, с хорошее куриное яйцо, сливами. Но эти перемены не огорчали Иринку, даже наоборот – ведь теперь можно было бегать, где хочешь, не боясь наступить на грядку или сломать мячом цветок, а буйные заросли травы и кустов так хорошо подходили для разных интересных игр!.. Именно в саду, где-нибудь под старой березой или за сараем лучше всего сочинялись захватывающие таинственные истории. Приехав в Москву, Ира торопилась поделиться ими с одноклассниками и приятелями по двору, а те, буквально разинув рты от удивления, слушали, как при строительстве соседнего дома был найден клад – целый сундук старинных монет; как живет на окраине поселка, в ветхом домишке у самого леса настоящая колдунья, которая умеет оборачиваться черной кошкой и летать по воздуху, поднимаясь до самых верхушек деревьев; и как появляется в лунные ночи на берегу пруда бледный призрак белокурой красавицы, лет двадцать назад утопившейся здесь от несчастной любви к знаменитому актеру.

Неудивительно, что при такой фантазии и такой страсти к чтению Ира Боброва была лучшей ученицей по литературе в своем классе, а то и во всей школе. Постоянно пробегая глазами по строчкам, девочка невольно обучалась грамматике, запоминая правильность написания слов и расстановки запятых, поэтому по русскому языку у нее тоже всегда были пятерки. Знания, почерпнутые из книг, нередко помогали и в других предметах, например истории или географии. Когда Ира выходила к доске отвечать по «устным» предметам, ее с удовольствием слушали и одноклассники, и учителя. А вот с точными науками дело обстояло похуже. Круглой отличницей и любимицей всех учителей Ира была только в своих мечтах, которыми охотно делилась с дачными подружками. На самом же деле по математике, физике и химии в ее дневнике всегда стояло твердое «три». Впрочем, ни сама Ира, ни ее мама из-за этого не переживали. «Я сама всегда была стопроцентным гуманитарием, – отмахивалась Александра. – Ира пошла в меня, а не в отца, ничего удивительного».

Саша была права – у дочери действительно было много общего с ней, и чем старше становилась Иришка, тем это сходство делалось заметнее. Особенно сближала маму и дочку общая любовь к кино и театру. В юности Саша мечтала о карьере актрисы и потом всю жизнь жалела, что не пошла по этому пути. Ира с шестого класса начала

посещать театральную студию Дворца пионеров на Ленинских горах и не расставалась с ней несколько лет.

Яркой внешностью, необходимой для главных героинь, Ира никогда не обладала, но это оказалось даже и к лучшему. Ей доставались пусть и второстепенные, но характерные роли, в которых особенно проявлялись способности юной исполнительницы. В этой студии не только ставили спектакли, как это бывает в обычных детских драмкружках, почему-то питающих склонность к постановке из года в год одних и тех же пьес вроде «Золушки» и «Снежной королевы» Шварца или «Кошкиного дома» Маршака. Студия Дворца пионеров действительно была настоящей учебной студией, там преподавали профессиональные педагоги, которые обучали ребят основам актерского мастерства, сценического движения, сценической речи и даже драматургии. Увлеченная Иринка с упоением постигала театральную науку, а Александра любовалась выступавшей на сцене дочкой и грезилась о том, что пройдет еще каких-то лет десять – и та станет знаменитой актрисой, настоящей кинозвездой. Ира тоже всей душой верила в подобное развитие событий, а в ожидании врила подружкам, какой интересной жизнью живет их театральная студия. Якобы на прошлое занятие к ним приезжали «гардемарины» в полном составе, сегодня их репетицию снимало телевидение, а летом спектакль «Второе апреля» поедет на гастроли за границу, только пока еще не решено куда – во Францию или в Италию.

Как известно, подростковый возраст – это сезон буйного цветения комплексов. Немного найдется на свете юных существ, которые в эти годы не придумают себе какого-нибудь переживания и не *заморочатся*, как сейчас принято говорить, по этому поводу. Не стала исключением и Иринка. Вертясь перед большим зеркалом в прихожей, она с ног до головы детально изучала себя и весьма критически оценивала увиденное: «Я уродина. Глаза навывкате, нос картошкой, волосы тусклые и некрасивые. А сама толстая и неуклюжая, как бочка. Неудивительно, что мальчишки смеются надо мной...» Ей было и невдомек, что внимание мальчишек вызвано совсем не уродством, а прямо наоборот – у Иры Бобровой одной из первых в классе оформилась фигура, появилась грудь, а немного пышные бедра еще больше подчеркивали тонкость талии. Однако Иришка совсем не считала все это достоинством, постоянно сравнивала себя с моделями

из журналов и вскоре действительно убедила себя, что очень некрасива. А поверив в это, сделалась стеснительной и неловкой. Только в собственных мечтах, да еще на сцене она забывала о своей застенчивости, мгновенно преображалась и расцветала. Но стоило закончиться спектаклю и отгреметь аплодисментам, она вновь становилась собой, не знала, куда деть глаза и руки, стыдилась своей мнимой полноты и слова не могла сказать, не покраснев.

И как большинство фантазерок, с ранних лет она была очень увлекающейся и влюбчивой, причем выбирала в качестве адресата своей нежной страсти объекты исключительно заоблачные и недостижимые: актеров, певцов, персонажей фильмов и книг... В крайнем случае, десятиклассника, первого красавца школы, чья великолепная игра на гитаре была гвоздем всех праздничных концертов. Сама Иринка на тот момент была всего лишь в пятом, и, конечно, парень, в которого она была влюблена, ее даже не замечал. Подрастая, Ира все больше мечтала о любви, и в то же время все яростнее убеждала себя, что «никогда и никому на свете не сможет понравиться», раз она «такая страшная». Но жизнь, разумеется, все повернула по-своему.

Первая настоящая случилась у нее все на той же даче в Заветах Ильича. Ире исполнилось четырнадцать лет, она как-то резко выросла и окончательно оформилась. Незнакомые люди на улице уже обращались к ней не «девочка», а «девушка», и это необычайно льстило ее самолюбию. Выбрав с маминной помощью подходящую прическу, Ира удачно постриглась, приобрела несколько обновок, главной из которых стали джинсы, хоть и польские, но по виду не отличимые от фирменных, и отправилась на дачу с каким-то смутным, но весьма приятным чувством в душе, напоминающим то ли непонятное волнение, то ли туманное предчувствие чего-то незнакомого, но обязательно очень хорошего.

В то лето... О, что это за чудесные слова – «то лето»! Сколько романтики, счастья и нежной грусти они в себе таят!.. Яркое солнце и безоблачное небо по утрам; полуденный зной, от которого, кажется, все плавится и тает вокруг, и сосны плачут ароматной смолой; горьковато-сладкий вкус раздавленной в ладонях земляники; пение птиц; студеная, до боли в висках, вода из колодца; теплая мгла вечеров, как по волшебству окутывающая знакомые предметы и лица покровом

неведомой тайны, яркие звезды, словно дырочки в бархате ночного неба... Никогда потом звезды не бывают такими крупными, а вода такой вкусной. И деревья так не шумят, и птицы так не поют. Так могло быть только в *то лето*, лето первой любви. Невероятной, головокружительной, сумасшедшей... И несчастливой, потому что «на то она и первая любовь, чтоб ей не быть особенно удачной».

Эти стихи вместе с другими любимыми стихотворениями и песнями, Ира аккуратно записала в тетрадку за девяносто шесть копеек – толстую, большого формата, с синей обложкой из клеенки. Подобные тетрадки лучше всего годились для девчачьих «песенников», поскольку на одной странице стихотворение или песня помещались целиком, и еще оставалось место для рисунков или вырезанных из журналов картинок. Собирая свои вещи, Ира отвела новенькому песеннику достойное место между романом «Анжелика и султан» и сборником поэзии Эдуарда Асадова, и поспешила на дачу к старым друзьям.

Каждое лето там собиралась одна и та же более или менее постоянная компания. В городе такие ребята между собой почти не общаются – там другие друзья и вообще другая жизнь, но лета ждут с нетерпением и, приехав на дачу, проводят вместе целые дни, постоянно затевая что-то интересное, играют, купаются, гоняют в футбол, катаются на велосипедах, исследуют таинственные места, ссорятся, мирятся, разбиваются на группировки, влюбляются, расстаются и тут же влюбляются вновь...

Ирин дачный круг общения был именно такой. Приехав в Заветы Ильича, она с первых же дней и до конца лета развлекала всех историями о необыкновенных событиях, якобы происшедших с ней за зиму. В тот год тема рассказов несколько изменилась. Мнимые встречи со знаменитостями и «несметные богатства» вроде шикарной фирменной одежды или записей модных групп, которые, по ее словам, якобы имелись у нее в Москве, отошли на второй план. Теперь у Иры появилась новая фантазия – любовь. Перед дачными подружками развернулась целая эпопея сложных и необычайно запутанных романтических интриг, в центре которых, конечно же, была сама Ира, которая и не догадывалась, что первая влюбленность – не выдуманная, а настоящая – уже поджидает ее за ближайшим поворотом.

Был в их тусовке один мальчик по имени Сережа... Вернее, мальчиков по имени Сережа в компании было два, но второй в расчет не брался. Недалекий, неловкий, завоспитанный родителями по самое некуда и весь увязший в собственных комплексах, Сережик, как его звали, чтобы не путать с первым Сережей, не вызывал у девчонок никакого интереса. Зато другой Сережа – Москаленко, был совсем иным. Самый красивый мальчик не только в компании, но и, наверное, в целом поселке, что признавали и взрослые, постоянно находился в центре всеобщего внимания. Единственный сын обеспеченных, регулярно выезжающих за границу родителей, он всегда был дорого и модно одет, владел, на зависть многим, разными умопомрачительными вещами вроде японского двухкассетника, плеера и видеомagneтофона, отлично разбирался в современной музыке и лучше всех танцевал. Нужно ли говорить, что все девочки в компании были от него без ума? Только Ира раньше почему-то не обращала внимания на Сережу. Наверное, по молодости лет, поскольку Сережа был старше на два года. Но в *то лето* все изменилось...

Только-только начался июнь, в садах пышным упругим облаком цвела сирень, распространяя на всю округу головокружительный аромат. Иринка с подружками сидели на лавочке у калитки, когда мимо вдруг промчался Сережа на своем роскошном велосипеде с переключением скоростей – предмете жгучей зависти всех мальчишек. Увидел девочек, остановился поздороваться. Ира взглянула на него... и точно прозрела. Где были раньше ее глаза? Как она могла не замечать, насколько Сережа красив – невероятно, потрясающе, до полной потери чувств? Какие у него изящные руки, узкие кисти с тонкими пальцами, какие длинные ресницы, совсем черные, несмотря на русые волосы, какая чудесная родинка над верхней губой!.. Она так и замолкла на полуслове, не в силах оторвать от него взгляда.

– Привет, девчонки! – проговорил тем временем Сережа. – Иришка, привет! Постриглась? Здорово, тебе идет. Ладно, я помчался, меня ребята ждут. Увидимся! «I'll be back!» – и сделал страшное лицо, как у Терминатора.

Велосипед давно скрылся, а Ира все не могла прийти в себя. В ушах звучало, точно волшебная музыка: «Здорово, тебе идет»...

С того дня Иринка потеряла голову. Все ее мысли были только о Сереже, она старалась находиться только там, где могла увидеть его.

Даже домой к нему заходила при любой возможности, несмотря на большую немецкую овчарку Джесси – собак Ира после укуса дворняги боялась как огня. Очень скоро вся компания догадалась об Ириных чувствах к Сереже, да она их не скрывала. Более того – в одну из особо лунных ночей зажгла свечу, которые на даче, где часто отключают электричество, всегда под рукой, вырвала без всякого сожаления из новенького песенника большой лист в клеточку и написала, а-ля пушкинская Татьяна, длинное письмо Сереже с признанием в любви.

На следующее утро долго не решалась отдать письмо, все бродила вдоль его забора под морозящим мелким дождем, поглядывала на окна, дважды хотела убежать, но все-таки отважилась, покричала, вызвала Сережу к калитке, сунула ему сложенную вчетверо бумажку и, пробормотав: «Это тебе», бросилась наутек. А потом весь долгий день сидела дома, наверху, в «мезонине», отмахивалась от вопросов мамы, удивлявшейся, что это вдруг дочка не идет гулять, хотя уже давно распогодилось, и то мечтала, то плакала, то надеялась, то сгорала от стыда и проклинала себя на чем свет стоит за этот глупый поступок... Так продолжалось до вечера, до тех пор, пока снизу не раздался мамин голос: «Иришка, слезай вниз, тут за тобой Сережа пришел!» Тут она перепугалась не на шутку, забилась в угол и решила: «Не пойду! Ни за что не пойду!» Пришлось маме подниматься к ней, выяснять, в чем дело, уговаривать. Сережа, как ни удивительно, терпеливо ждал внизу. И когда Иришка, вся малиновая от смущения, пряча глаза, на негнущихся ногах, все-таки спустилась к нему, сказал просто, точно ничего не случилось: «Ир, пойдем на великах кататься?»

О письме он не упомянул ни слова, ни в тот вечер, ни когда-либо позже, точно никакого любовного объяснения и не было. И вообще все вышло, с Ириной точки зрения, очень странно. К ее глубокому разочарованию, Сережа не стал, следуя логике жанра, объясняться с ней, не признался в ответных чувствах, но и не сказал ничего рокового в духе: «Я тебя не люблю, но ты хорошая, давай будем друзьями». Они стали намного больше общаться, но не сделались парочкой в полном смысле этого слова, не проводили все время вместе, не бродили, взявшись за руки, не сидели в обнимку. После той записки Сережа вел себя с Ирой как-то неровно, непредсказуемо, мог сегодня целый день не отходить от нее и всячески выражать симпатию, а назавтра вообще почти не обращать на нее внимания. Бедная Иринка не знала, что и

думать, то грустила, то была на седьмом небе от счастья, такое обращение еще больше распалило ее страсть, хотя, казалось бы, больше-то уже и некуда. Лишь спустя годы, уже став взрослой, Ира поняла, что Сережа, конечно, не был ни опытным соблазнителем, ни демоном-искусителем, каким она рисовала его в своем воображении. Просто в шестнадцатилетнем парне играли гормоны, и он сам не мог для себя решить, что ему делать с влюбленной в него девочкой. С одной стороны, ему льстило то, что его так сильно и страстно любят, с другой – он просто не решался потребовать от нее чего-то большего, чем пара робких поцелуев.

Завершилась эта история точь-в-точь как в песне, которую с таким чувством всегда пела на вечеринках, слегка подвыпив, Иринкина мама: «Красивая и смелая дорогу перешла...» В середине лета в дачной компании появилось новое лицо – подруга одной из старших девчонок, семнадцатилетняя Марина. Она была почти взрослой – перешла в выпускной класс! – обладала броской внешностью и, судя по разговорам, большим опытом в любовном деле. Разумеется, такой девушке не составило особого труда понравиться лучшему парню в компании. Сережа стал встречаться с Мариной, несчастная Иринка была забыта. Она страдала – но гордо и молча, не подавая виду.

Так продолжалось до конца лета. В Москву Ира уехала с разбитым сердцем, но это ничуть не помешало ей весь учебный год рассказывать подругам захватывающие любовные истории, в которых правдой была, в лучшем случае, десятая часть.

Под Новый год, созваниваясь с дачными подружками, Ира узнала, что Сережа с родителями уехал на несколько лет в Чехословакию. Как ни странно, это известие не огорчило, а даже, наоборот, обрадовало ее. Теперь можно было ездить на любимую дачу, не думая о предстоящей встрече с Сережей.

* * *

В ночь с пятницы на субботу Ире снились на удивление приятные, теплые и солнечные сны. Детство, дача, лето, дедушка с бабушкой – живые, веселые и какие-то совсем молодые, ветви яблонь в саду,

сгибающихся под тяжестью плодов, и мальчик Сережа с родинкой над верхней губой...

Проснувшись она в прекрасном настроении, которому не мешали ни заглядывающий в окно пасмурный день, ни вид неубранной квартиры, ни пессимистический прогноз погоды в телевизионных новостях. Все это казалось мелочами по сравнению с предстоящим сегодня вечером радостным событием.

«Алка права, – думала Ирина, аккуратно заправляя большую испанскую кровать, купленную по настоянию мамы. – Сколько можно сидеть дома у телевизора да у компьютера? Надо иногда выбираться в свет, тем более раз представилась такая возможность. Домашняя вечеринка – это тебе не ночной клуб, в таком месте действительно можно встретить свою любовь... В смысле – человека, достойного внимания, с которым действительно можно строить отношения. А не приключение на одну ночь...»

Краем глаза отметив, что полы в спальне уже давно требуют уборки, Ира отправилась умываться. Чистила зубы, с удовольствием плескала в лицо холодную воду, вытиралась мягким полотенцем с надписью «любимой доченьке» (мамин подарок на Восемое марта), а мысли ее были далеко. В своем воображении Ирина уже была на дне рождения, там, где поджидал ее *он*.

Виделась ей почему-то не обычная московская квартира и даже не загородный дом (куда именно они поедут, Ира еще не знала), а огромный бальный зал в старинном особняке, с мраморными колоннами, зеркалами в простенках между высокими окнами и множеством свечей в массивных бронзовых канделябрах. Почему именно так? А бог его знает. Но если уж мечтать, то ни в чем себе не отказывать, верно?

В мечтах сама Ира появлялась в этом зале одетая в роскошное платье в старинном стиле. Белоснежное... нет, лучше нежно-кремовое с широкой юбкой на кринолине, корсажем, глубоким вырезом и полностью открытыми плечами. На руках длинные, по локоть, кружевные перчатки, пальцы сжимают веер из страусовых перьев и слоновой кости, высокая прическа украшена живыми цветами. А *он* стоял у колонны – в черном фраке, высокий, изящный и невероятно красивый, очень похожий на Игоря Кеблушека, который играл Мистера Икса в «Принцессе цирка». Этот фильм Ирина обожала с

самого детства и каждый раз, когда его повторяли по телевизору, обязательно старалась посмотреть – хотя на полке рядом с DVD-проигрывателем, конечно, хранился диск с яркой фотографией на коробочке.

Итак, Ира входила в зал, *он* делал шаг в ее сторону, потом останавливался, замирал, словно пораженный, не отрывая от нее взгляда, и несколько минут они так и стояли молча, глядя друг другу прямо в глаза. Играла музыка – камерный оркестр исполнял какой-то вальс Штрауса, по залу кружились пары, нарядные дамы и кавалеры разговаривали, смеялись, флиртовали – но ни Ира, ни *он* не видели и не слышали ничего вокруг. С этого мгновения для них в целом мире существовало только одно – их великая Любовь...

Под такие радужные мечты утро и день пролетели на удивление быстро. Ирина успела позавтракать, кинуть белье в стиральную машинку, наконец-то навести дома порядок, вытереть пыль, пропылесосить полы, вымыть раковины, навести глянцевоый блеск на зеркала в спальне, ванной и прихожей. Потом развесила постиравшееся белье и заметила, что день уже клонится к вечеру. Пора собираться на день рождения.

От этой мысли ее вдруг охватила паника. А что же она наденет? Почему она не подумала об этом раньше? Любимая юбка в химчистке, как можно было об этом забыть! Значит, надо надевать черные брюки. Это тоже неплохо, они ей идут, в них она выглядит стройнее... Но к брюкам не подходят ни бежевая, ни сиреневая кофточка. Может, надеть полосатый свитер? Нет, в свитере наверняка будет жарко... Батюшки, да что ж она возится, уже четыре часа, скоро пора за Алкой ехать!..

Впопыхах раскидывая вещи по кровати и стульям, Ира мерила одно, другое, третье. И все ей не нравилось, везде было что-то не то. А время бежало, Алла обрывала телефон, возмущалась ее «тормознутостью», давала советы... Наконец, кое-как одевшись, причесавшись и накрасившись, Ира, жутко недовольная собой, пулей вылетела из дома, вскочила в свою «деушку» и помчалась за подругой. Счастье еще, что суббота, дороги почти свободны, можно в пробках не стоять.

– Ну все, Ириш, успокойся, возьми себя в руки, – заговорила Алла, сев в машину. – Ты же знаешь – красивая женщина не должна суетиться.

– Так то красивая, – со вздохом возразила Ира, выезжая из подружкиного двора.

– А на этот счет есть другая поговорка, кажется, от Коко Шанель: если женщина к тридцати годам не стала интересной, то она дура.

Алла всю дорогу не закрывала рта, замолкая лишь для того, чтобы затянуться сигаретой.

– Каждая уважающаяся себя женщина должна хоть раз в жизни сходить замуж, – рассуждала она, привычно жестикулируя и постукивая кольцами. – Хотя бы ради приличия. Я, как ты знаешь, там была. В общем-то, ничего интересного. Но зато статус! Согласись, «разведенная женщина» звучит совершенно не так, как «старая дева». В словах «разведенная женщина» есть и тайна, и даже некоторая сексуальность... А словосочетание «старая дева» вызывает лишь смех и презрение. Ну, может, жалость, у особо сердобольных. Ты чего нос морщишь? Считаешь, что я не права?

– Не то чтобы... – пожала плечами Ира. – Просто мне кажется, что дело не в факте замужества. Главное – встретить человека, которого полюбишь и который полюбит тебя. Чтобы он стал для тебя близким, чтобы он понимал тебя и принимал такой, какая ты есть, а ты – его...

– Ой, Ириш, опять ты со своими утопиями! – фыркнула Алла. – Понимающий, симпатичный, умный, порядочный, да при этом еще и желательно обеспеченный! Да таких в природе не существует. Они вымерли в одно время с динозаврами. А те, кто все-таки остался, давно разобраны. Задолго до нашего выхода на этот рынок... Ладно, хватит о грустном. Слушай программу на сегодня. Ты куда это поворачиваешь, нам прямо!

– Заправиться надо, бензина уже почти не осталось.

– Блин, а я только закурить хотела...

– Ты слишком много куришь, Алл. Это портит цвет лица – назидательно заметила некурящая Ирина.

– Зато снимает стресс. А жизнь в мегаполисе – сама по себе хронический стресс... – Алла махнула рукой, снова звякнув кольцами на пальцах. – Ладно, слушай. Я все узнала у Аньки про сегодняшний вечер. Будут два холостых приятеля ее мужа, соответственно, два кавалера, для тебя и для меня. Один бизнесмен, что-то вроде

коммерческого директора. Не миллионер, но с перспективами. А другой – стилист.

– Стилист? – Ира с недоверием покосилась на подругу. – Алл, а он точно не... не того?

– В смысле? Не женат, я ж тебе говорю!

– Я имею в виду ориентацию. Стилисты – они ж обычно нетрадиционные... – Ира въехала на заправку и остановилась у свободной колонки.

– Ах это! Нет с этим все в порядке. Анька говорит, совершенно нормальной ориентации и мировой мужик. Недавно с женой развелся, но это хорошо, она вроде бы жуткая стерва была... Иди быстрее заправляйся, нас там уже заждались!

– А как их зовут-то хоть? – вернулась к разговору Ира, когда их машина покинула заправку.

Алла наморщила лоб, нахмурилась, силясь вспомнить.

– Забыла. Ты же знаешь, у меня на имена, фамилии и особенно отчества совсем памяти нет. Вроде у одного из них имя какое-то вычурное, то ли Эдуард, то ли Эльдар... Не помню. А другого как-то совсем просто зовут, Саша или Сережа.

Сережа... Ира вздохнула. Сколько лет прошло, сколько Сергеев перевидала – а все равно один звук этого имени будит в ней целый рой воспоминаний о первой любви и родинке над губой. Если у нее когда-нибудь родится сын, она обязательно назовет его Сергеем. Только затем, чтобы по многу раз в день повторять: Сережа, Сережка, Серенький...

– Ирка, не мечтай, спускайся на грешную землю, а то мы так в столб врежемся!

– Прости, что ты говоришь? – Ира неохотно вернулась к реальности.

– Говорю, что стилиста мне, а бизнесмена – так и быть тебе. Согласна?

– Да мне все равно... Чем он хоть занимается-то?

– Что-то невообразимо скучное. – Алла потянулась за сигаретой. – Какая-то дорожная техника... Катки там всякие, бульдозеры, бетономешалки...

– Ну спасибо, подруга, удружила! – покачала головой Ирина. – Как по-твоему, о чем я с ним буду говорить? О бетономешалках?

– А ты что, стилиста хочешь? – По лицу Аллы было понятно, что стилиста она уже приватизировала и расставаться с ним совсем не жаждет. Ира взглянула на нее и рассмеялась:

– Нет, стилиста еще больше не хочу. Пусть уж лучше бетономешалки.

Квартира Ани и ее мужа Димы, конечно, ничем не напоминала бальный зал, который Ира рисовала себе в мечтах – и места намного меньше, и обстановка совсем другая. Только что народу много, потому что все гости уже собрались, сидели за столом и ели салаты. Ире и Алле, как опоздавшим, достались места в конце стола, на расшатанных кухонных табуретках, которыми их обеспечил хозяин дома, высокий плечистый блондин с тяжелой челюстью, похожий то ли на викинга, то ли на канадского хоккеиста.

Гостей оказалось человек пятнадцать, все незнакомые, и Ира в первый момент несколько растерялась, что обычно всегда происходило с ней в новой обстановке. Казалось бы, тридцать четыре года, взрослая женщина, к тому же радиоведущая. Пора бы уже стать смелой раскованной, уверенной в себе. Но с незнакомыми людьми, да еще в большой компании Ира до сих пор смущалась, ей нужно было приложить много усилий, чтобы скрыть свою застенчивость. А уж если дело касалось знакомства с мужчиной... Зато Алла чувствовала себя как рыба в воде, улыбалась, хохотала, перекидывалась шутками с соседями, размахивала руками, стуча своими кольцами, но при этом не забывала пить и кушать в свое удовольствие.

Перед горячим в еде сделали перерыв, многие встали из-за стола, чтобы размяться, и Алка, воспользовавшись моментом, тут же зашептала подруге:

– Смотри, вон наши с тобой будущие кавалеры... Тот, который двух девиц развлекает – Ильнур. А который в окно смотрит – тот Саша.

Ира деликатно поглядела в ту сторону. На другом конце стола сидел между двумя женщинами худощавый мужчина неопределенного возраста в ярко-лиловом джемпере с претенциозным узором и малиновом с золотом платке с кистями, эффектно задрапированном на плечах. Его мелированные волосы украшала асимметричная челка, в ухе сверкала и переливалась в электрическом свете бриллиантовая капелька серьги. Денди потягивал коньяк из пузатого бокала и что-то

рассказывал своим соседкам, видимо, очень смешное, поскольку обе дамы так и покатывались со смеху.

– Вот он значит, какой, мой стилист... – на лице Аллы появилось хищное и сладострастное выражение готовящегося к выстрелу охотника. – И, конечно, толпа бабцов вокруг... Ну ничего, ничего, когда нас это останавливало!..

Переведя взгляд на окно, Ирина увидела и вторую кандидатуру в кавалеры, выглядевшего такой явной противоположностью первой, точно это было специально задумано и подготовлено. Тот, кого Алка назвала Сашей, стоял, слегка облокотившись о подоконник, и спокойно рассматривал что-то во дворе. Ирине сразу бросились в глаза короткая стрижка, широкие плечи, прямая осанка и стройная фигура – этот человек явно следил за собой, занимался спортом и поддерживал хорошую физическую форму. На нем был костюм, со вкусом подобранный и красиво завязанный, но не слишком яркий галстук и стильные туфли. Ира мысленно сравнила двух кавалеров, и сравнение вышло отнюдь не в пользу стилиста. Бизнесмен Саша явно отличался неплохим вкусом. А вот сесть в кресло к такому мастеру, как Ильнур, она бы, наверное, не решилась – неизвестно, во что тебя могут превратить...

– Ну что, вперед и с песней! – скомандовала Алла, приподнимаясь. Но тут же вновь опустилась на табуретку, потому что Анечка, миниатюрная и изящная, как статуэтка, уже внесла на большом блюде горячее – дымящегося гуся с аппетитно-румяной корочкой, со всех сторон обложенного дольками печеных яблок. Гости так и ахнули от восторга.

– Ну, Анька, ты даешь! – на весь стол воскликнула Алла, легко перекрыв общий шум. – Прямо кудесница! Какого красавца приготовила – просто смерть фигуре! Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса! Давай мне ножку!

Гусь и впрямь оказался необыкновенно вкусным, но Ира к нему почти не притронулась. Она все время поглядывала на Сашу, с аппетитом поглощавшего свою порцию, и думала о том, что действительно выглядит очень симпатичным. Как бы обратить на себя его внимание? Здесь столько народу, вряд ли это будет легко. Вот если бы он сам сделал первый шаг...

– И не мечтай! – шепнула подруга, точно прочитав ее мысли. – Пока ты будешь сидеть дожидаться, что он первым подойдет к тебе, его уже приберут к рукам другие. Видишь, какая тут конкуренция? Одна эта кадушка в немыслимом декольте, справа от Ильнура, чего стоит! Так и трясет своими сиськами, только что в блюдо с гусем их не выложила. Наверняка силикон, быть не может, чтобы у тетки ее комплекции такая грудь была настоящей...

Подойти самой? От одной этой мысли по телу Иры пробежала дрожь. О чем же с ним заговорить? Не о погоде же и не о меню праздничного стола, это будет так пошло... В женских журналах пишут, что с мужчиной лучше всего разговаривать о том, чем он интересуется – о его работе или хобби. Про хобби бизнесмена Саши она ничего не знает, значит, остается работа. Господи, ну хоть что-нибудь бы вспомнить про бульдозеры или бетономешалки!

Справившись с горячим, гости снова расползлись из-за стола, и теперь Алла уже не стала мешкать. Эффектно поднялась, томной походкой приблизилась к объекту охоты и, слегка растягивая гласные и нарочно подчеркивая низкий тембр своего голоса, который считала очень сексуальным, произнесла:

– Вы, кажется, Ильнур? Ильнур, а с чем вот эти пирожки, которые перед вами? С яблоками? Неужели? Обожаю с яблоками! Вы позволите?

И, ловко отодвинув бедром соседку Ильнура (ту самую, с бюстом сомнительной естественности), потянулась к блюду, взяла пирожок, надкусила.

– Очень вкусно! Ильнур, а что ж вы не едите пирожки?

– Да я уже два съел...

– Ничего страшного, возьмите еще. В гостях надо есть много, так гласит древняя мудрость. Если вы у друзей, то им это приятно, если у врагов, то им это неприятно – ну так им и надо!

Ира наблюдала за подругой с восхищением и некоторой завистью. Вот бы научиться вести себя так естественно и раскованно! Но ей, Ире, это почему-то удастся только в студии, да в мечтах... А Алла тем временем воспользовалась тем, что дама с бюстом покинула свой стул и тотчас уселась на ее место, всем своим видом показывая, что без боя отвоеванные позиции уже не сдаст. Ильнур что-то говорил ей, она кокетливо и заразительно хохотала. Однако не забыла и о подруге,

взглянула на нее, раз, другой, сделала страшные глаза, качнула головой, указывая на Сашу – иди, мол, а то будет поздно. Ира вздохнула, но послушно поднялась. Что поделаться, такова доля современной женщины – каждую секунду надо бороться за свое счастье... Иначе упустишь момент – и бороться уже будет не за что.

Теперь Саша стоял у плазменного телевизора и рассматривал коробки с фильмами. Ира подошла, сглотнула, помялась и, наконец, проговорила:

– Извините, Саша... Вы ведь Саша, да?

Он обернулся:

– Да меня зовут Александр. А вас?

– А я Ирина...

– Очень приятно.

У него оказалась просто замечательная улыбка!

– Саша, вы знаете, я хотела у вас спросить... Скажите, пожалуйста, а почему, когда машина с бетоном ездит, у нее крутится эта большая штука, не знаю, как называется...

Собеседник поглядел на нее с удивлением, и Ира тут же покраснела до корней волос. «Господи, какая же я дура, не могла придумать ничего умнее! Теперь он решит, что я полная идиотка, даже не знаю, что в бетономешалках мешают бетон...»

– Эта штука называется барабан, – ответил тем временем мужчина не без некоторой растерянности в голосе. – Работает по принципу миксера, когда машина едет, в ней мешается бетон... Но, простите, зачем это вам?

– А я, знаете ли, вдруг почему-то очень заинтересовалась дорожной техникой, – Ира выдавила из себя улыбку.

– Вот как? – Он по-доброму рассмеялся. – Какие оригинальные интересы! И очень неожиданные для симпатичной девушки. И какая же техника вас интересует – большая или малая?

– Э... И та и другая. А малая – это что? Катки?

Определенно он нравился Ире все больше и больше! Вежливый, голос приятный, лицо умное, хоть сейчас и выглядит озадаченным. И руки очень красивые, сильные, настоящие мужские руки...

– Нет, асфальтоукладчики – это как раз большая. А малая – это всякие резчики, виброплиты...

– Простите, вибро... что?

«Надо же, какие у него длинные ресницы! Почти, как были у Сережи... И такой взгляд... Господи, неужели я влюбилась?»

– Виброплиты. Знаете, такие агрегаты с длинной ручкой, которыми выравнивают асфальт? Похожи на полотеры.

– А как они работают?

«Ну, наконец-то! Наконец-то это случилось! Наконец-то судьба стала и к ней благосклонна! Наконец-то она встретила *его*, которого так долго ждала, так долго искала... Не зря сегодня ей снились такие приятные вещи, сон оказался в руку...»

– Простите, что вы сказали?

– Я сказал, что, боюсь, не сумею так уж грамотно объяснить вам принцип работы виброплит. Не очень-то хорошо в этом разбираюсь. Если хотите, я могу...

До замечтавшейся Иры не сразу дошел смысл его слов.

– Но как же так? Разве вы... Разве вы не... Не занимаетесь бетономешалкой... То есть дорожной техникой?

– Я? – Саша снова рассмеялся. – Нет, конечно, что вы! Я мужской мастер, «филёвский цирюльник», как меня называет Дима, любезный хозяин этого дома. Вы меня с кем-то перепутали.

– Изви... извините... – от стыда Ира готова была провалиться сквозь землю. – Мне... Мне нужно идти, срочно!

Вся пунцовая от смущения, она пулей вылетела в ванную и там, не удержавшись, заплакала. Дура, какая же она дура! Ну почему, почему ей все время так не везет?

Кое-как придя в себя, умывшись и приведя в порядок лицо, Ира вышла в прихожую, вытащила из общей кучи свою сумочку, нашла сапоги и стала обуваться.

– Уже уходите? – удивился появившийся в дверях хозяин Дима. – А что так рано?

– Извините, мне срочно на работу надо... – пролепетала Ира. – Вызвали... А позовите сюда Аллу, пожалуйста...

По тому, как горели глаза подруги, Ирина сразу поняла, что у той все в порядке.

– Чего тебе, Иренция? Только быстрее говори, а то там опять эта силиконовая кадушка на горизонте появилась.

– Алк, ничего страшного, если я уеду, ты домой доберешься?

– Ничего, конечно! Я не я буду, если Ильнур меня не проводит! Кстати, мы с тобой все перепутали – бизнесмен-то оказывается он, а не Саша.

– Да, я это уже поняла...

– Ну и ладно, коммерческий директор – это тоже неплохо. А ты чего вдруг засобиралась-то? – запоздало поинтересовалась Алла.

– Плохо себя чувствую, голова что-то болит. – Ирина старалась не смотреть на подружку, опасаясь, что та увидит ее заплаканные глаза, начнет расспрашивать или, еще того хуже, уговаривать остаться. Но на ее счастье Алла так занята была своими делами, что только чмокнула ее в щеку на прощание.

– А, ну тогда езжай! Пока! Счастливо тебе добраться. Созвонимся...

И поспешила обратно в комнату, где, судя по звону посуды, уже подавали то ли чай, то ли десерт.

Дома Ира снова дала волю слезам. Упала, как была, в брюках и нарядной кофточке, на свою роскошную испанскую кровать и долго с удовольствием рыдала, уткнувшись лицом в подушку. За этим занятием ее и застала мама. У Александры Петровны были свои ключи от Ириной квартиры и нехорошая привычка приезжать к дочери без звонка.

– Мам, ну а вдруг окажется, что я тут с мужчиной? – возмушалась иногда Ирина.

– Ты даже не представляешь, как меня бы это обрадовало! – неизменно отвечала та.

Увидев плачущую дочь, Саша перепугалась, кинулась к ней, села рядом на кровать, обняла.

– Ирочка, детка, что с тобой? Что такое?

– Да так... – У дочери не было ни сил, ни желания рассказывать.

– Это из-за вечеринки, на которую ты сегодня ходила, да?

– Да...

– Тебя там кто-то обидел? – Саша грозно нахмурилась.

– Нет, что ты... Просто я надеялась... Представляла... Нафантазировала себе... И ничего не вы-ы-ы-ышло. – Ира вновь разразилась слезами.

– Ах, это! Ну это дело поправимое. Не вышло с одним – найдем тебе другого, третьего, десятого! Вот увидишь!

Мама утешала так горячо, что вскоре Ире и самой расхотелось плакать. Уж такими были они все в семье Бобровых – оптимистичными и жизнестойкими, что бы ни случилось. Не прошло и четверти часа, как переживания были забыты, мама и дочка разговаривали, точно ничего не случилось, и, как обычно, вскоре начали спорить.

– Вот возьмем, скажем, твою одежду, – вещала Саша, неодобрительно оглядывая дочь. – Ведь это ужас какой-то! Все какое-то тусклое, мрачное, мешковатое... И застегнута вся наглухо, как синий чулок. Ну что это такое?! В твоём положении надо одеваться совсем иначе. Тут вырез побольше, там разрез пикантный, здесь приталенное, чтоб фигуру подчеркнуть, пока еще есть, слава богу, что подчеркивать. Потом ведь не будет, по себе знаю! В твоём положении...

– А какое это у меня положение? – недоумевала Ира.

– Какое-какое... Интересное.

– В каком смысле? Мам, ты что такое говоришь?

– Ну в смысле – незамужнее, – поправилась Саша. – Ты ведь у меня невеста, девушка на выданье.

– Что-то оно очень затянулось у меня, это положение, – снова вздохнула Ирина.

– Да я вижу... – Александра тоже вздохнула, почти в унисон с дочкой и снова присела на кровать. – Но ничего! – тряхнула она головой. – Все будет хорошо! С этой минуты я беру дело в свои руки!

* * *

Внешне мать и дочь были очень похожи – обе среднего роста, плотненькие, сероглазые, с приятной улыбкой и темно-русыми волосами (правда, Александра уже давно красилась, пряча седину). Но характерами они обладали совершенно разными, и это было заметно с самого детства.

Маленькая Саша, или, как называл ее отец, Шурка, относилась к той категории детей, про кого говорят: не ребенок, а веретено. Когда она была совсем крошкой, папа шутил, что его дочь ухитряется одновременно находиться в нескольких местах – только что сидела под

вешалкой, вытаскивая шнурки из всех ботинок, – бац! уже у подоконника, подтащила табуретку и высунулась в открытое окно, еле успели подхватить.

Воспитатели в яслях и детском саду, а позже учителя в школе только руками разводили и советовали направить ее энергию в какое-нибудь мирное русло, хотя бы в спорт, что ли... Шурку записывали в спортивные секции, она занималась и легкой атлетикой, и фехтованием, и лыжами, и художественной гимнастикой – но всем очень недолго, максимум по несколько месяцев. Каждый раз повторялась одна и та же история: сначала девочка увлекалась, с удовольствием ходила на занятия, возвращалась домой счастливая, полная впечатлений, захлеб рассказывала о занятиях, тренере, новых друзьях, чем вселяла в сердца родителей надежду – ну, слава богу, наконец-то! Может, хоть на этот раз удалось пристроить Шурку к делу! Но проходило несколько недель, Саша начинала скучать, после тренировок в ней уже не наблюдалось прежней восторженности. Потом она принималась выдумывать разные предлоги, чтобы пропустить одно занятие, за ним другое... И в конце концов бросала очередную секцию точно так же, как и предыдущие. Похожая картина была не только со спортом, со всем: танцами, музыкой, рисованием, кружком «Умелые руки». Вроде бы Шуре и нравилось рукоделие, она с удовольствием посещала уроки домоводства, где девочек учили шить и готовить, но она никогда не доводила ничего до конца. Выпрашивала у мамы очередной отрез ситца, клялась-божилась, что в этот раз уже точно сошьет юбку или сарафан, выдумывала интересный фасон, раскраивала, иногда даже сметывала – и охладевала к своей затее. Незаконченные вышивки, недовязанные шарфы и шапки, недошитая одежда валялись по всему дому – до тех пор, пока Валентина Семеновна не находила время доделать работу за дочь.

Отцу, Петру Васильевичу, эта черта в дочери очень не нравилась. Он ругал Шурку «охламонкой» и «раздолбайкой», утверждал, что если она не научится быть серьезной и делать все, как следует, то «из нее так никогда и не выйдет ничего путного». Саша обижалась, плакала. Вообще-то, она всегда была человеком веселым, не склонным к переживаниям, и большинство проблем, возникавших в ее недолгой пока жизни, воспринимала легко. Но в отношениях с отцом все было по-другому. Они вообще трудно складывались, эти отношения. Своего

замечательного папу Шурка очень любила, постоянно жаждала его внимания и одобрения – но у нее никак не получалось заслужить отцовскую похвалу, хоть ты тресни! Бывало, придет она из школы с твердым намерением уж сегодня-то выучить все уроки как следует и получить пятерку, сядет за стол, разложит учебники, раскроет тетрадь, даже прочитает задачу. Но на улице-то – весна! Солнце светит, птицы поют, почки на деревьях уже лопнули, ветви покрылись нежно-зеленым пухом. Разве можно усидеть дома в такую погоду? Как Шура ни старается вникнуть в смысл задачи о грибниках или токарях, в голове у нее не скучные грибы в лукошках и не выточенные на станках детали, а подруги, которые все уже, конечно, вышли во двор и гуляют, болтают, смеются, прыгают через скакалку и играют в «классики», гоня по расчерченному мелом асфальту жестяную коробочку из-под ваксы, а она, несчастная, корпит тут над учебниками!.. И едва под окном раздавался крик: «Шурка, выходи гулять!» – девочка не выдерживала, забрасывала ненавистную математику и мчалась во двор. А на другой день, конечно, снова приносила из школы двойки и тройки и снова краснела, как свекла, и плакала, услышав от отца: «Эх, Шурка-Шурка, безалаберная ты девка! Не выйдет из тебя ничего путного!»

Как хотелось Саше, чтобы папа заинтересовался ею самой – а не только ее отметками или невыполненными обещаниями убраться в квартире! Но этот счастливый миг все не наступал. Да и мама вечно вторила отцу, постоянно читала нотации... И в подростковом возрасте Шура, как это нередко случается, стала специально выворачивать ситуацию наизнанку, демонстративно делать все наперекор родителям: училась спустя рукава, еле-еле удерживаясь на тройках, пропадала до глубокой ночи во дворе, не помогала по дому, а когда ей делали замечания, дерзила в ответ. Если бы у ее родителей была возможность посоветоваться с психологом, тот наверняка бы объяснил, что таким образом девочка подсознательно пытается привлечь к себе внимание вечно занятых мамы и папы. Но в середине шестидесятых – времени, на которое пришелся переходный возраст Саши, психологов в нашей стране еще практически не было. А у родителей, как ни грустно это признавать, действительно не хватало времени на детей. Так было и в семье Бобровых. Петр Васильевич целые дни проводил на секретном авиационном предприятии, куда устроился после войны ведущим

инженером, Валентина Семеновна работала там же бухгалтером и одна тащила на себе все домашнее хозяйство. В их новой, недавно полученной квартире на Ленинском проспекте все сверкало чистотой, на столе ежедневно красовалась белоснежная скатерть, а обед подавали из трех блюд: суп, второе и компот, да еще плюс к чаю какие-нибудь пирожки, коржики, печенье или пирог – все собственного приготовления.

Не то чтобы Саша ничего не умела делать по дому, нет, конечно, она могла и обед приготовить, и постирать, и погладить – но она не любила этим заниматься. Зачем, если мама все сделает быстрее и лучше? А у непоседливой и очень общительной Шуры всегда находились занятия поинтересней. У нее было полно друзей и знакомых, ей, как самой активной, вечно давали разные важные общественные поручения, вроде организации школьного вечера или подготовки встречи с ветеранами. Кроме того, Саша много и с удовольствием читала, пробовала писать стихи, а в старших классах очень любила кино и театр.

Было бы неправильно утверждать, что все ее увлечения оказывались недолговечны. На самом деле у Саши имелась одна страсть, точнее, мечта, которую она пронесла через всю жизнь – мечта стать актрисой. Своим призванием Шурка считала кино. Все лето после девятого класса она провела на «Мосфильме», снималась в массовке и гордо приносила домой заработанные три рубля. Ей повезло – когда фильм вышел на экраны, в нем сохранился эпизод, где ее, стоящую в магазинной очереди прямо за главной героиней, несколько секунд показывали почти крупным планом. Девочка была на седьмом небе от счастья, заставила всех родственников и знакомых посмотреть фильм и с той поры уже окончательно возомнила себя актрисой, не представляя никакого иного будущего. Ради достижения своей цели даже на учебу приналегла, поскольку знала, что в театральные вузы большой конкурс, значит, с тройками там и делать нечего.

Отец был категорически против ее выбора.

– Ну что ты еще придумала, Шурка? – ворчал он. – Какая из тебя артистка? Разве ж ты не знаешь, что звездами только единицы становятся? А остальные прозябают в неизвестности. Думаешь, это легкий хлеб? Ты просто дурочка еще молоденькая, не понимаешь,

какой ценой там надо успеха добиваться... Зачем тебе это надо? Лучше выбери какой-нибудь институт понадежнее, походи поучись, потом работу найдешь интересную...

– Нет, нет и нет! – упиралась Саша, вставая в картинную позу. – Я уже все поняла. Мое предназначение – служить искусству!

– Ишь ты, служительница муз нашлась... – усмехался папа. – Ну вот что, Александра, слушай, что я тебе скажу. Даю тебе год, поступай куда хочешь. Провалишься – сама виновата. Но чтоб на второй год хоть лопнула, но поступила в нормальный институт, ты меня поняла?

Спорить с главой семьи у Бобровых не было принято. После школы Сашка прошла испытания во всех театральных вузах Москвы и, как и предполагал отец, всюду провалилась. Год ошивалась всё на том же «Мосфильме», снялась в массовке нескольких картин – а на следующее лето, увы, все повторилось вновь, провал следовал за провалом.

От кого-то из многочисленных товарищей по несчастью, таких же неудачливых абитуриентов, как она, Саша узнала, что есть еще последний шанс – режиссерское отделение Института культуры. Конечно, это совсем не то, что ГИТИС или Щукинское, но, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Однако и этот запасной вариант успеха не принес. В Институте культуры оставался только один шанс – библиотечный факультет. Остальные места к тому времени, как Шура добралась до этого вуза, были уже заняты.

Саша подумала, попереживала, даже поплакала. А потом решила: ну что ж, пусть будет библиотечный. Видно, стать актрисой ей все-таки не судьба. А книги она тоже всегда любила...

Студенческая жизнь, с первых же дней захлестнувшая ее с головой, сильно изменила Сашу. Она прониклась движением хиппи и *радикально изменила имидж*. Отпустила длинные волосы, одевалась в яркие свободные блузки, джинсы в заплатках и мокасины, любила многочисленные браслеты и сумки из мешковины. На восемнадцатилетие она выпросила у родителей в подарок катушечный магнитофон и с тех пор целыми днями слушала любимых «Битлов». Разговаривать стала исключительно на сленге, в котором английские слова «русифицировались» – «стритовый» вместо «уличный», «флет» вместо «квартира», «герла» вместо «девушка» и так далее. Себя она

отныне требовала именовать исключительно Алекс, ни на какие другие формы собственного имени отныне не откликалась.

Все это снова привело к очередному этапу конфликтов с родителями. Отец и вторящая ему мама с утра до вечера осуждали дочь за «безыдейные» увлечения и «низкопоклонство перед Западом». Алекс вяло отругивалась и старалась пореже бывать дома. Это удавалось легко – находить себе занятия по душе Саша всегда умела. Она последовательно увлекалась всем, что было модно в те годы, – альпинизмом, археологическими раскопками, поездками с геологами на Урал, самодеятельной песней, байдарочными и пешими походами, и так далее, и тому подобное.

В институте жизнь Алекс тоже была ключом, но это касалось не столько занятий (прилежной студенткой Саша совсем не была, в каждую сессию обрастала «хвостами» и регулярно с ловкостью эквилибриста балансировала на грани вылета), сколько всевозможных общественных дел: никто не умел так хорошо организовать праздничный вечер или собрать команду для выхода на комсомольский субботник, как это получалось у нее. Алекс вечно была в центре внимания и, как следствие, пользовалась большим успехом у парней. Ей это, разумеется, нравилось, она наслаждалась своей властью над ними, кокетничала и флиртowała направо и налево, то подавая поклонникам надежду, то разбивая эти надежды в прах, принимала ухаживания, ходила на свидания и пару раз даже думала, что влюбилась. Но все это было как-то несерьезно – до тех пор, пока в походе к истоку Москвы-реки она впервые не увидела Володю.

Володя Малышев учился на мехмате МГУ и занимался электронно-вычислительными машинами, о которых Саша имела представление только по роману братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и оттого считала чем-то почти фантастическим. Володя круглый год ходил в кедах и брезентовой штормовке, в любую погоду мгновенно разводил костер с одной спички, знал бессчетное количество песен про студентов, туристов и геологов, играл на гитаре и неплохо пел, что и сразило юное сердце взбалмошной Алекс.

В тот поход она оправилась с большой и почти незнакомой компанией и сначала никак не выделяла Володю из толпы ребят, которых и не разглядеть-то толком было под рюкзаками и свернутыми палатками за спиной. Все случилось только вечером, на привале. Когда

все палатки были уже поставлены, костровые развели огонь, а дежурные готовили в котелках кашу с тушенкой, Алекс умывалась у ручья, присев на большой камень, черпала ладонями студеную прозрачную воду и вдруг услышала доносящиеся из лагеря гитарные переборы и приятный баритон, напевавший:

... по созвездью над каждым вузом
Ночь развесила в небесах.
Мы внимательно изучаем
Каждый шорох ночных глубин,
Наше мужество мы считаем,
Самой главной из дисциплин... [1]

Алекс потянулась на этот голос, как иголка на магнит. Села напротив, весь вечер слушала, не отрывая восторженного взгляда от поющего, песню за песней, и когда он дошел до Визборовской «Милая моя, солнышко лесное», поняла, что влюбилась без памяти. Влюбилась, несмотря на то, что парень с гитарой был сероглазым блондином, а Саше всю жизнь нравились исключительно смуглые брюнеты южного типа, вроде Муслима Магомаева.

С тех пор она ходила во все походы, где был Володя, невзирая на их сложность, искала любой предлог, чтобы встретиться с ним и зимой, даже книгу по вычислительной технике заставила себя прочесть, хотя ровным счетом ничего в ней не поняла. Но все было напрасно – Володя не обращал на нее никакого внимания. Впрочем, то же самое можно было бы сказать и обо всех других девушках. Складывалось такое впечатление, что его вообще не интересует ничего, кроме будущей специальности и походов. Уж, по крайней мере, прекрасный пол – точно.

Саша ждала два года, что при ее эмоциональной натуре было невыносимой пыткой. А на третий не выдержала. На привале в очередном походе увела Володю подальше от костра и напрямик спросила:

- И долго это еще будет продолжаться?
- Ты о чем? – удивился Владимир.

– О тебе. Вернее, о нас с тобой. Почему ты так ведешь себя? Разве не видишь, что ты мне нравишься?

– Я тебе нравлюсь? – Он выглядел очень растерянным.

– Можно подумать, ты этого не знал!

– Не знал, – честно признался Володя. – Вокруг тебя всегда столько парней... Но вообще, Саш, ты это... То есть я это... В общем, я тоже. В смысле – ты мне тоже...

На обратном пути он, несмотря на ее протесты, нес на себе два рюкзака – собственный на спине, а ее, Сашин, впереди. А она шагала рядом налегке и думала о том, что еще никогда в жизни не была так счастлива.

Они встречались полтора года. Ей было с Володей удивительно легко, он принимал ее такой, какая она была, со всеми ее капризами и внезапными переменами настроения, и Алекс не сомневалась, что он любит ее именно за эксцентричность и непредсказуемость. И что мелкие ссоры, которые регулярно случались между ними – исключительно по ее вине, – вносят в их отношения разнообразие и живость. Ведь после них так здорово мириться!

Володя был круглым сиротой, жил один в коммунальной квартире недалеко от Чистых прудов. В его большой комнате с высоченными потолками часто собирались компании человек по двадцать, а то и больше, праздновали Новый год, дни рождения и окончания сессий. Обычно гуляли допоздна, точнее, до того времени, когда «поздно» уже превращалось в «рано», и расходились только в половине шестого, с выходом в рейс первых трамваев и троллейбусов. Но однажды на майские праздники народу собралось неожиданно мало, и к полуночи все разошлись. Володя и Алекс, помогавшая ему навести порядок в комнате, остались вдвоем.

– Брось ты эту посуду! – сказал Володя. – Собирайся, я тебя провожу, метро не закрылось.

Алекс послушно отставила грязные чашки, но вместо того, чтобы отправиться на поиски своей сумки, приблизилась к любимому и обняла его.

– А ты что, гонишь меня? – лукаво спросила она.

– Нет, но... Ты что... ты действительно хочешь остаться?

Ее решительно «да» потонуло в поцелуе.

Утром, лежа рядом с Володей на старом продавленном диване, Алекс шутливо водила пальцем по его обнаженной груди и ворковала что-то любовно-нежное. Он обнимал ее и счастливо молчал. Вдруг Саша нахмурилась и серьезно спросила:

– Ну-ка признавайся, сколько женщин ночевало тут до меня? Только честно.

– Давай не будем сейчас об этом, ладно? – нехотя отвечал Володя.

– То есть как это не будем? Я хочу знать! Говори немедленно!

– Алекс, милая, ну зачем это? Нам так хорошо...

– Нет, говори! Сколько?

– Только одна и очень давно. Ты успокоилась?

Но девушка не успокоилась, а наоборот, завелась с пол-оборота, подскочила на постели, прикрываясь простыней, и потребовала, чтобы он немедленно рассказал во всех подробностях, кто была ее соперница, сколько времени они встречались и когда и по какой причине расстались. Тщетно Володя пытался уйти от ответа, она вцепилась в него, как бульдог и требовала:

– Нет, расскажи! А то поссоримся!

И они действительно поссорились. Не сразу, а после того как Алекс клещами вытянула из возлюбленного, что та женщина, жившая когда-то в соседней комнате в этой же квартире, была старше Володи на семь лет, и их отношения даже и романом назвать нельзя, так, случайные встречи от женской скуки с одной стороны и от юношеского пыла и любопытства с другой.

– Честное слово, мне неприятно об этом вспоминать, – признался Володя. – Она уже три года как переехала, я уже и думать о ней забыл.

Но Алекс все равно устроила сцену ревности – с последующим бурным примирением, и домой вернулась только на следующее утро, привычно наврав папе с мамой, что ездила к подруге на дачу.

Она боялась только того, что Володя может не понравиться ее родителям, но все страхи оказались напрасны.

– Хороший парень, – заключил отец, когда Шурка, украдкой расцеловавшись с Володей, закрыла за ним входную дверь, вернулась в большую комнату и с тревогой поглядела на старших. – Умница, это сразу ясно. И вроде бы человек порядочный. На Лешу Морозова похож из моей эскадрильи, он в сорок третьем погиб...

– Мне тоже понравился, – согласилась Валентина Семеновна. – Воспитанный такой, вежливый. А главное – тебя, дочка, любит, это за версту видать.

– Ой, папочка, ой, мамочка! – взвизгнула Саша, обнимая сразу обоих родителей. – Какие ж вы у меня замечательные, как же мне с вами повезло! Ой, какая же я счастли-и-ивая!

Теперь мешковатые одеяния, заплатки и прочие хипповские штучки были забыты. Окончательно потерявшие вид джинсы Алекс носила только в походы – а в городе щеголяла в модных кримпленовых брюках клеш или в коротких юбках, демонстрировавших всю красоту ее чуть полноватых, но стройных ножек. Саша стала очень следить за собой – пусть Володя и не из тех мужчин, которые обращают внимание на внешний вид, но она все равно должна выглядеть так, чтобы он мог ею гордиться. Вспомнив полузабытые школьные уроки, Алекс вновь села за швейную машинку и полностью обновила свой гардероб.

На почве увлечения шитьем Шура сошлась со своей сокурсницей Тасей Гавриковой, обладательницей большой коллекции журналов мод, в том числе и импортных, которые Таисья иногда, хоть и неохотно, давала подругам полистать и снять выкройки. Алекс и Тася стали много времени проводить вместе, сидели рядом в аудиториях, вместе готовились к зачетам и экзаменам. Саша, витавшая в облаках от счастья, целыми днями рассказывала подруге о своей любви, Тася, у которой «на личном фронте» было затишье, внимательно слушала. Уже в самом начале дружбы Алекс познакомила Таисью со своим избранником, а потом... Потом начало происходить что-то странное.

У Володи, который раньше изыскивал любую возможность провести с любимой хоть пару часов, вдруг начались то проблемы в учебе, то еще какие-то загадочные дела. Молодые люди стали встречаться все реже, могли не видеться по целым неделям, чего прежде никогда не случалось. И именно в те дни, когда Володя оказывался занят, у Таси происходили свидания с кавалером, которым она, по ее рассказам, недавно обзавелась, но подруге пока не показывала.

Неизвестно, сколько бы еще Алекс пребывала бы в тревожном неведении, если бы в один теплый апрельский вечер не надумала бы сделать возлюбленному сюрприз и не отправилась бы к его дому на

Чистые пруды. Просидев с полчаса у подъезда в компании местных бабушек, она вдруг увидела, как заходят во двор, шагая под ручку, Володя и Тася. Бедная Алекс была так поражена вероломством возлюбленного и лучшей подруги, что дала волю эмоциям и закатила, к восторгу зрительниц-старушек, бурную сцену со слезами, криками и пощечинами. Володя с трудом удержал ее руки и сказал, как ей тогда показалось, со злостью: «Дура ты, Сашка! И всегда была душой». Она расплакалась и убежала.

С тех пор Володя ей больше не звонил, а она не разговаривала в институте с Тасей, демонстративно выбирая в аудитории самое дальнее место от разлучницы. Эта драма случилась на четвертом курсе, а в начале пятого прошел слух, что Тася Гаврикова зимой выходит замуж.

Решив отомстить во что бы то ни стало, Шурка, у которой никогда не было недостатка в поклонниках, приняла первое сделанное ей предложение руки и сердца. Ее женихом оказался Виктор, бухгалтер, недавний выпускник финансового института, который уже давно был влюблен в яркую бойкую хохотушку Алекс. Сам он, особенно на ее фоне, ничего собой не представлял, был, как говорится, ни рыба ни мясо. Но Саша в тот момент считала, что ей наплевать. Не дурак, не урод – и ладно.

Родители, конечно, понимали, что дочка выходит замуж с горя, советовали подождать, не рубить с плеча, отец повышал голос, мама даже плакала, но Алекс ничего не хотела слушать. Ей важно было только одно: обзавестись штампом в паспорте раньше, чем это произойдет у Володи с Таисьей. И затея удалась.

Разумеется, такой вот брак не принес счастья никому – ни жене ни мужу. С первых же дней совместного проживания супруг стал раздражать Сашу, она кричала на него, грубила, придиралась по пустякам, вела себя еще более взбалмошно и непредсказуемо, чем обычно. Сначала он терпел, потом стал появляться дома все реже и реже. В один из несчастных моментов примирений Алекс случайно забеременела, растерялась, первое время думала избавиться от ребенка, но быстро отказалась от этой затеи, не выдержав напора обоих родителей. Во время беременности ее характер, а с ним и взаимоотношения супругов, окончательно испортились. Виктор

дождался появления дочки на свет и заговорил о разводе. Саша поспешно и даже как-то радостно согласилась.

После развода у нее началась новая, куда более счастливая жизнь. Ребенком занимались родители, одновременно вышедшие на пенсию, поэтому она устроилась в библиотеку одного из НИИ.^[2] Ей там очень нравилось, потому что на работе она не столько выдавала книги, сколько занималась, как член профкома, общественной деятельностью – организовывала экскурсионные поездки по городам необъятного Союза, устраивала замечательные вечера и концерты, на которые ухитрялась приглашать даже знаменитостей, доставала и оформляла сотрудникам путевки в пансионаты и дома отдыха.

В то время в научных институтах, особенно технических, всегда было много интересных и перспективных мужчин. Алекс пользовалась у них большим успехом, заводила романы, но ни один из них так и не завершился свадьбой. Замуж ей хотелось, хотя бы в отместку бывшему супругу, который почти сразу после развода женился на, как он говорил, «нормальной женщине, без шила в заднице». Однако в душе Саши еще очень долго жило воспоминание о Володе, забыть которого ей так и не удалось, несмотря на то что с того злополучного вечера у подъезда они больше ни разу не виделись. Только иногда через общих знакомых она узнавала, что у Малышевых все в порядке, живут хорошо, родился сын, назвали Андреем. Алекс очень хотелось с кем-то поговорить о Владимире, но от родителей и подруг она скрывалась, делала вид, что давно забыла о нем – и потому рассказывала о бывшем возлюбленном только дочери. Без всяких драматических подробностей про любовь, измену и разрыв (Ира была еще слишком мала для таких вещей), просто о том, что был в ее жизни такой Володя, который пел под гитару хорошие песни.

После смерти родителей в жизни Алекс все резко переменилось...

У Саши началось что-то вроде затяжной депрессии, несколько лет она жила как во сне. Вывели ее из этого состояния только перемены, которые начали происходить в стране в конце восьмидесятых. Со всем присущим ей энтузиазмом Александра окунулась в новую жизнь. Всей душой поддерживала зарождающуюся демократию, в августе девяносто первого года провела трое суток в Живом кольце у Белого дома, ходила на митинги, скандируя лозунги и размахивая

транспарантами, собирала подписи за «наших» кандидатов, агитировала, дежурила на выборах...

Когда сквозь застарелый асфальт сознания россиян стали пробиваться первые ростки капиталистических идей, Александра всерьез решила заняться бизнесом. Сначала, оставив дочку под присмотром подруги, моталась «челноком» в Польшу и Турцию, покупала там всякий ширпотреб и реализовывала в Москве. Затем, когда дело немного раскрутилось и появились средства, надумала открыть кооперативное кафе. И это стало роковой ошибкой.

Не имевшая никакого понятия о том, что и как надо делать, она быстро обанкротилась, да еще и приобрела проблемы по всем статьям, начиная от поставщиков и владельца помещения, которое снимала в аренду, и заканчивая бандитской «крышей». Спаслась только чудом, успев вовремя воспользоваться последним средством – продать дачу в Заветах Ильича. Все вырученные от торопливой и невыгодной продажи деньги ушли за долги. Иринка рыдала, жалея дачу, с которой у нее было столько связано, Саша сама чуть не плакала, но утешала себя тем, что все это дело наживное, главное, сами целы остались.

С тех пор от идеи собственного бизнеса она отказалась, стала подрабатывать более спокойным способом – нанялась торговать на Измайловском «Вернисаже» вышитыми скатертями и салфетками. Больших доходов это занятие не приносило, но выжить в трудные годы помогло. Позже, когда жизнь наладилась, Александра сумела очень удачно продать родительскую квартиру, подыскать взамен отличные варианты для себя и для дочери, да еще и сэкономить некоторую сумму, которая лежала в банке и обеспечивала неплохое дополнение к зарплате – несколько лет назад Шура вернулась на работу в библиотеку.

У нее по-прежнему было несколько поклонников, с годами уже скорее перешедших в ранг друзей, но выйти замуж второй раз так и не получилось. «За дурного я не піду, а гарний мене не бере^[3]», – смеясь, повторяла Саша фразу, как-то услышанную от разбитной продавщицы-украинки на Киевском рынке.

То есть в общем и целом своей нынешней жизнью Александра была довольна, даже кризис, о котором столько говорили по телевизору, ее не пугал, возможно, потому, что она пока его не почувствовала. Единственное серьезное переживание доставляли

мысли о дочери. Ира выросла хорошей девочкой, но такой непрактичной идеалисткой! Работа у нее, конечно, прекрасная, передачи она делает замечательные – Александра не пропускала ни одной, что бы ни случилось. Но ни мужа, ни детей нет, а годы-то идут, уже тридцать четыре исполнилось. Еще немного – и рожать-то уже поздно будет...

Поговорив с дочкой, Саша поняла, что больше пускать это дело на самотек нельзя. Нужно взять его в свои руки – иначе у Иришки так никогда и не будет мужа, а у нее, Саши, внуков. А внуков уже хотелось...

На другой день, несмотря на то что это было воскресенье, Александра отправилась на работу. Поболтала с охраной, сняла печать с двери библиотеки, прошла в пустое помещение и, сидя там в непривычной тишине, долго и придирчиво изучала формуляры сотрудников. Сейчас, конечно, времена уже не те, достойных кандидатур в женихи в институте почти не осталось. Одни старики, да не всегда адекватные энтузиасты. Все, кто поприличнее, теперь трудятся на фирмах, нормальные деньги зарабатывают или свой бизнес имеют. Но кое-кого все-таки можно попробовать подобрать... Вот этот вроде бы не женат, и без особых странностей. И номер телефона на формуляре имеется...

* * *

Утро понедельника – не самое удачное время для свидания. Тем более для первого, собственно, не свидания даже, а знакомства с молодым научным сотрудником из маминого исследовательского института. По большому счету, Ире вообще не очень-то хотелось идти на встречу с ним, она душой чувствовала, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Можно даже сказать, что у нее было плохое предчувствие. Но с мамой разве поспоришь?

– Никто никого ни к чему не обязывает, – щебетала маминым голосом телефонная трубка. – Я сначала думала взять вам билеты в театр, но потом решила, что не стоит. В театре не поговоришь толком, да и обстановка какая-то слишком официальная. А тут просто встретились в кафе за завтраком, выпили по чашечке кофе, поболтали.

Захотели – продолжили знакомство, не захотели – разошлись. Все мило и совершенно непринужденно.

И Ира отправилась в кафе. Одевалась более нарядно, чем обычно на работу, старательно накрасилась, тщательно уложила волосы. Уходя, посмотрела на себя в зеркало и осталась вполне довольна увиденным: пожалуй, мама права – она действительно симпатичная. А мужские взгляды, которые она ловила на себе по дороге к кафе, только подтверждали это.

День выдался не совсем обычный для конца октября – теплый и солнечный. Цокая по тротуару высокими каблуками новеньких сапожек, Ира шагала в сторону кафе, любовалась своим отражением в витринах и радовалась жизни. Может, и правда, все еще сложится хорошо? И там, за столиком, ее уже поджидает счастье? А все плохие предчувствия – вздор! Как и вообще предчувствия. Вот в субботу ей, наоборот, казалось, что день рождения Алкиной подруги станет в ее, Ириной, жизни переменой к лучшему, а вышло... Ужас, что вышло, до сих пор стыдно! От одной мысли кровь приливает к щекам...

Чтобы не возвращаться мыслями к субботнему конфузу и не сгорать со стыда от воспоминаний, Ирина прибегла к своему верному средству – отвлеклась на сочинение текста для следующей передачи из цикла «Легенды любви». В этот раз ее героями должны были стать граф Николай Петрович Шереметев (именно так, без всякого мягкого знака в фамилии, настоящие Шереметевы очень обижаются, когда их с мягким знаком пишут!) и Прасковья Ивановна Ковалева, более известная как Параша Жемчугова, крепостная актриса и впоследствии графиня Шереметева. Вчера, в воскресенье, как следует выпавшись, Ира отправилась в Останкино, чтобы проникнуться нужным настроением, и провела там чуть не весь день. Постояла у дворцового пруда. Раньше водоемов тут было куда больше, и звались они «актеркиными прудами» – из-за того, что именно в них сводили счеты с несчастной жизнью крепостные актрисы, которым повезло куда меньше, чем Параше. Потом Ира зашла в церковь, так красиво отражавшуюся в водной глади, поставила свечи за упокой душ своих героев – Николая и Прасковьи; побродила по увядающему саду, любуясь скульптурами и ротондами, и в заключение несколько часов ходила по музею, разглядывая внутреннее убранство усадьбы и театра,

и очень живо представляла себе события, происходившие здесь много-много лет назад.

И теперь, в понедельник утром, она все еще была душой там – среди мраморных колонн, натертого до зеркального блеска узорного паркета, расписных потолков, причудливой лепнины, скульптур и прочей красоты. Только нужно будет еще набрать материала... Интернет Интернетом, но не помешает и в библиотеку съездить, в Историческую или в Ленинскую...

Мама выбрала для них ближайшую к Ириному дому кофейню. Ирина явилась туда точно к назначенному часу – в одиннадцать – и не углядела в зале никого похожего на потенциального жениха: только пожилую пару, трех веселых девчонок, очевидно, старшеклассниц, прогуливающих урок, да молодую маму с карапузом лет четырех, который, смешно держа ложку в кулаке, уписывал за обе щеки мороженное со взбитыми сливками. Выбрав самый уютный из многих свободных в это время столиков, Ира уселась и заказала себе такое же, как у малыша, мороженное. Бог с ними, с калориями, живем один раз! Кавалер все не появлялся, но это ее не расстраивало. Пусть хоть совсем не придет, не страшно, уговаривала себя Ира. Она спокойно посидит в кафе, поест вкусняшек, да поработает над текстом. Достав из сумочки блокнот и ручку, которые всегда были у нее с собой, она торопливо записывала мысли, которые, как это нередко с ней случалось в период вдохновения, набегали одна за другой, точно волны на берег. «Интересно, что Прасковья Ковалева-Жемчугова отнюдь не считалась красавицей, это отмечали многие ее современники. Но, видно, было в этой хрупкой скромной женщине что-то такое, что заставило известного ловеласа и блестящего вельможу Николая Шереметева забыть обо всем на све...»

– Вы, наверное, Ирина? – прозвучал рядом мужской голос, заставивший ее вздрогнуть от неожиданности.

– Да, это я...

– Очень рад. А я Лев, Лева. Вы извините, что я опоздал, район тут мне незнакомый, вот и вышел из метро не там, где нужно...

– Да ничего страшного. Вы садитесь. – Ира закрыла блокнот.

– Надо было в первый вагон садиться, а я в последний сел, – продолжал оправдываться Лева. Пристроил куртку на вешалку и неловко опустился на стул напротив.

– Ну что ж... бывает...

Ирина украдкой разглядывала собеседника. Ничего особенного – небольшого роста, сутулый, над поясом уже нависает брюшко, волосы неопределенно-пепельного цвета заметно поредели и надо лбом, и на макушке. Одет не слишком опрятно и весьма скромно, хотя что тут удивительного? На зарплату научного сотрудника в бутиках не разгуляешься. Впрочем, одежда, конечно, в человеке не главное. Может, он великий ученый, какой-нибудь будущий Эйнштейн или Нильс Бор? А зарабатывает Ирина и сама неплохо, можно будет и вдвоем прожить, если постараться...

Некоторое время оба молчали, чувствуя сильное смущение. Говорить было совершенно не о чем. Лева ерзал на кресле, и Ире стало его жаль. Бедный, ему ведь намного хуже, чем ей. Считается, что мужчина в любой ситуации должен выглядеть интересным, сильным, решительным – а это так нелегко! Конечно, он смутился, увидев перед собой ее – такую ухоженную, стильно одетую, и, что там греха таить, симпатичную. Он-то на ее фоне имеет совсем бледный вид... К счастью, тут пришла официантка с Ириным мороженым, приняла у Левы заказ – маленькую чашку кофе, – и это немного разрядило обстановку.

– А я вот тут к передаче готовилась, – сказала наконец Ира, кивая на свой блокнот. – Текст сочиняла...

Она была уверена, что Лева обязательно уцепится за эту спасительную соломинку.

– Да, ваша мама говорила, что вы на популярной радиостанции «Маяк» работаете... А я занимаюсь полупроводниками, точнее, смыканием обедненных слоев в полупроводниковых структурах. Пишу сейчас диссертацию о вольт-фарадных характеристиках структур с расположенным вблизи поверхности p-n переходом...

Лева заметил ужас, невольно отобразившийся на лице Иры при одной мысли, что ей сейчас начнут подробно пересказывать содержание диссертации. Он снова замолчал, смущенно опустив голову, и Ирине ничего не оставалось, как опять прийти ему на помощь.

– Лева, а хобби у вас есть? – поинтересовалась она. – Чем вы занимаетесь в свободное время?

Похоже, она попала «в яблочко». Лева просиял и моментально оживился.

– А в свободное время я лобзиком выпиливаю! – радостно сообщил он. – Такие картинки на дереве, знаете? Лучше всего собаки выходят. Вы собак любите?

– М-м-м... – замялась Ира, но Лева, похоже, даже не нуждался в ее ответе.

– Я их просто обожаю! У меня всю жизнь собаки были. Раньше все больше охотничьи, а теперь я бойцовыми увлекся. Сейчас у меня бультерьер. Щенки дорогушие, страсть! Я год деньги копил, и то пришлось из племенного брака взять, на хорошего, с родословной, не хватило. Но зато пес – зверь-машина! Все соседи боятся!

Еще минут десять Ира из вежливости поддерживала разговор о собаках, а потом, сославшись на занятость, позвала официантку и попросила счет. Лева вынул мятую сотню и положил ее в папку меню, Ирина заплатила за себя, взяла сумку, сама надела куртку (он не сделал даже попытки поухаживать за ней). Вышли на улицу, попрощались и разошлись в разные стороны.

«Мама, конечно, расстроится, – думала Ира по дороге на работу. – Еще, пожалуй, подумает, что он мне не понравился потому, что плохо одет и мало зарабатывает... Как бы ей объяснить, что дело совсем не в этом? Он ведь наверняка зайдет к ней в библиотеку, будет просить мой телефон... Может, все-таки встретиться с ним еще раз, сходить куда-нибудь? Всего ведь полчаса посидели, разве за это время можно составить правильное представление о человеке? Наверное, я поторопилась. Правда, у него собака, да еще бультерьер... Бр-р-р! Но с другой стороны – когда он позвонит, надо будет все-таки встретиться, а то как-то невежливо... Да, пожалуй, встречусь. Не буду торопиться с выводами. Мало ли что в жизни бывает, может, сейчас он мне не понравился, а потом я узнаю его получше и полюблю. Тем более когда так хочется любви...»

На работу она приехала рано, времени до «летучки» еще оставалось навалом. Ира решила употребить его с пользой, а именно – попить чаю в хорошей компании. Сотрудницы, как обычно, встретили ее с распростертыми объятиями, усадили на лучшее место, налили чай, подвинули конфеты. Ира слегка огорчилась из-за того, что сегодня среди них опять затесалась диджей Машка. С Машкой у нее были

сложные отношения. Не то чтобы девушки ссорились или не любили друг друга, нет. Но Маша всегда глядела на Иру иронично, а ее рассказы воспринимала скептически. Ира подозревала (и не без оснований), что Маша единственная, кто ей не верит. Впрочем, в открытую та никогда ничего не говорила, разве что намеками.

Зато остальные всегда рады были послушать об Ириных мнимых приключениях. И теперь, едва она уселась, тут же начались расспросы:

– Ну что? Что у тебя нового?

И Ира не стала разочаровывать слушательниц.

– Ой, что сейчас расскажу, девчонки! Только что в кафе еще с одним познакомилась. Ученый, физик, зовут Львом. Представляете, всего тридцать шесть лет – а уже доктор наук, профессор. Преподает в Кембридже, в Москве бывает только изредка. Открытие какое-то сделал в области полупроводников, даже премию получил, только я забыла какую...

– Неужто Нобелевскую? – недоверчиво прищурилась Машка.

– Не, ну не Нобелевскую, конечно, поскромнее, – серьезно ответила Ира, напрочь игнорируя ее ехидство. – Не помню я, как называется, их там столько...

– Да фиг с ней, с премией! – цыкнула на Машку Леля. – Какая тебе разница, какую именно премию, это что, так важно, что ли?! Ир, ну а как все было-то?

– А вот как... Сажу я в кафе у окна, пью сок и смотрю на улицу. Тут мимо проезжает серебристый «Ягуар», медленно так... Ну едет и едет – мне-то что? Как вдруг смотрю – он тормозит, дает задний ход и прямо у кафе останавливается. И выходит из него мужчина... Краси-ивый! Высокий, плечи – во! Костюм серый с иголочки, очки такие стильные!.. Заходит в кофейню – и прямо ко мне. «Девушка, говорит, я вас в окне увидел и не смог проехать мимо».

– С ума сойти! – восхитилась Катюша. – Так прям и сказал?

– Так и сказал. Ну, познакомились... Посидели немного, он о себе рассказал, я о себе...

– А дальше? – не выдержала Наталья Николаевна, которую всегда интересовало самое главное. – Дальше-то что?

– Пока ничего, – пожала плечами Ира. – Я ж сказала, что он в Кембридже преподает, завтра улетает. Но сегодня вечером должны опять увидеться...

– Расскажешь потом? – Глаза у Лели так и горели от любопытства.

– Может быть... – Ирина загадочно улыбнулась.

– А не наврал ли он тебе? – усмехнулась, покачав кудрявой головой, Машка. – Да хоть про Кембридж. Если он там лекции читает, чего ж в Москву приехал посреди учебного года?

– Так это... На симпозиум, – не растерялась Ирина. – У него сегодня доклад на международной конференции. О вольт-фарадных характеристиках полупроводниковых структур.

Женщины уважительно ахнули. Последняя фраза сразила наповал даже скептически настроенную Машку.

– А в выходные я за город ездила, – продолжала, увлекшись, Ира. – У одного знакомого дом на Рублевке, он собирал друзей на уик-энд... Вот – Ирина кивнула на заглянувшую в дверь комнаты отдыха ярко-рыжую голову, – Алка не даст соврать, она тоже со мной была.

– Не дам, – охотно согласилась Алла и поманила ее рукой со звякнувшими кольцами. – Ирк, пойдем. Постоишь со мной, я покурю, пока у меня пять минут есть?

– Ну ты и хороша! – напустилась Алла, едва они вышли на лестницу. – Хоть бы позвонила подруге, узнала, как дела...

– Да я и так по тебе вижу! – рассмеялась Ира. – Все хорошо, да?

Действительно, спрашивать о чем-то не было нужды – Алла так и сияла, так и полыхала счастьем, вся, от медно-рыжих локонов до высоченных каблуков.

– Хорошо – не то слово! – промурлыкала она.

– Ильнур тебя проводил?

В душе Иры не было ни тени зависти или досады, она искренне радовалась за подругу.

– И проводил, и остался!

– Что, прямо так сразу?

– А чего тянуть-то? – пожала плечами Алла. – Все люди взрослые. А пока будешь невинность из себя строить, мужика кто-нибудь другой к рукам приберет.

– Тоже верно... – вынуждена была согласиться Ирина. И добавила, слегка смутившись: – Ну, и как он?..

– Орел! – Алла, будучи куда более раскованной и откровенной, чем ее подруга, явно жаждала поделиться всеми подробностями. –

Представляешь, четыре раза за ночь!.. Да еще... Ой, здравствуйте, Федор Борисович! – перебила она сама себя на полуслове.

Действительно, на лестничной площадке появился, как всегда прихрамывая и опираясь на свою палку, зам главного.

– Здравствуйте, здравствуйте, милые дамы! – ФБР галантно поклонился. – Ирочка, а я тебя ищу, хотел успеть поговорить с тобой до «летучки». Зайдешь ко мне?

– Сейчас я ее вам отдам! – клятвенно заверила Алла. – Только еще два слова по секрету шепну – и все.

– Намек понял, удаляюсь, – очень серьезно ответил Ривкин и ретировался, а Ира в очередной раз подумала, как же ей повезло с начальником. Не каждому достается такое демократичное руководство, чтоб и человек был деликатный, и с замечательным чувством юмора, и специалист, каких мало, и наставник отличный... Так что зря она, конечно, сетует на судьбу. В природе все распределяется равномерно, если где-то избыток, значит, в другом месте недостает. И раз ей, Ирине, так повезло с любимой работой и не менее любимым начальником, стоит ли удивляться, что в личной жизни все не так гладко?..

– Иренция, ты что, не слышишь меня?

– Извини, задумалась...

– Вот вечно ты так! Я тут распинаюсь перед ней, а она – задумалась! Для тебя ведь старалась между прочим!

– Ну прости, пожалуйста. Повтори еще раз, как ты старалась.

– А вот так: позвонила вчера Аньке, имениннице, развела про тебя, что и как. Она говорит, ты Саше этому, ну стилисту, вроде понравилась. Сказал, что приятная девушка, только... Как это он выразился, я забыла, эксцентричная, что ли? А, нет, своеобразная. Точно, своеобразная. Так что давай-ка быстро придумаем, как тебе еще раз с ним увидеться... Может, дать Аньке твой телефон, чтобы Димка...

– Ой нет, нет! – от одного воспоминания о субботнем курьезе Ира залилась краской. – Ни за что на свете! Мне перед ним так стыдно!

Брови Аллы взлетели на лоб.

– Ну-ка, ну-ка, это что-то новенькое! За что это тебе стыдно, чего это я не знаю? Давай рассказывай!

– Как-нибудь потом, ладно? Сейчас некогда, меня ФБР ждет...

В тот день у Иры не было записи, и она вернулась домой пораньше. Переоделась, поела, стала поливать цветы на подоконнике в гостиной и решила, что «денежное дерево» хорошо бы пересадить – горшок ему уже маловат. Значит, нужно было отправляться в цветочный магазин за землей и новым горшком. А заодно и зайти в супермаркет за продуктами, а то в холодильнике хоть шаром покати... Сказано – сделано. Ирина быстро оделась и отправилась за покупками, благо идти было недалеко – в соседний дом.

В супермаркете вышло небольшое, но досадное происшествие. Идя через торговый зал, Ира одной рукой толкала перед собой тележку, а другой держала баночку с новым, дорогим, но еще неизвестным ей видом соуса и внимательно вчитывалась в мелкие буквы на крышке – есть в нем пищевые добавки «Е» и прочая гадость типа красителей, «идентичных натуральным»? Этого словосочетания Ира вообще никогда не понимала. Как так вообще может быть? Продукт – он либо натуральный, то есть естественный, выросший в природе, либо искусственный. А раз искусственный, то из чего бы его ни сделали – все равно химия, а значит – есть такое вредно, и никакая «идентичность» не спасет. Ирина мама тоже так считала, а подруга Алла клялась-божилась, что видела однажды на бутылке с лимонадом надпись «ароматизатор «Буратино», идентичный натуральному» – видимо, натуральный из давленных пеньков делается...

Увлеченная чтением этикетки, Ирина не заметила высокого мужчину в черной кожаной куртке, вышедшего, тоже с тележкой, между рядов полок ей прямо наперерез.

Бац! Тележки столкнулись, Ира вздрогнула. Стеклобаночка вылетела у нее из рук, шмякнулась на пол и раскололась. Содержимое брызнуло во все стороны и, по закону подлости, бóльшая его часть оказалась на Ириных джинсах.

– Осторожнее! – бросил мужчина, даже не взглянув на нее. И пошел себе к кассе. А возмущенная Ира осталась один на один с соусовыми кляксами на полу и штанах.

«Ну что за мужики пошли, – ворчала она про себя, плетясь домой с увесистым пакетом в каждой руке. – На вид вроде симпатичный, а воспитания вообще никакого! Разве мог бы так поступить мужчина в эпоху графа Шереметева?! Тогда бы небось и извинения просили чуть

не на коленях, и джинсы бы помогли в порядок привести, и домой бы проводили, сумки отнесли... А этот только нахамил. Эх, жить бы мне лет двести назад!.. Одно плохо – супермаркетов тогда не было...»

Вернувшись домой, Ира закинула продукты в холодильник, переделась и поспешила к заждавшемуся цветку. Разложила на подоконнике рекламную газету, чтобы ничего не запачкать, и принялась за работу.

Жила Ирина высоко, на седьмом этаже – учитывая величину потолков в «сталинских» домах это немало. Поэтому в окно ей хорошо был виден весь двор, а также окна в другом крыле их же дома, имевшего П-образную форму. От подъезда напротив Иру отделяла какая-то сотня-полторы метров, а может, и меньше – она не слишком хорошо разбиралась в таких вещах.

Ей всегда нравилось вот так, незаметно, наблюдать за людьми: что они делают, как себя ведут, пытаться представить, кто они такие, каковы по характеру, чем занимаются и чем живут. Вот бегают во дворе дети, вот молодая женщина в белом пальто и такой же шапочке катит коляску, а сама разговаривает по сотовому, вот остановился у подъезда напротив красный автомобиль, из него вышел высокий мужчина в черной куртке, показавшийся Ире смутно знакомым, взял с заднего сиденья два битком набитых пакета, захлопнул дверцу, проверил сигнализацию, вошел в дом... Наблюдать за окнами было еще интереснее. Во многих из них горел свет и бурлила своя жизнь. Девушка с длинными светлыми волосами, в кофточке и колготках, без юбки, водит утюгом по гладильной доске и пританцовывает – не иначе на свидание собирается. Счастливая... Через два окна от нее парень сидит за компьютером, экрана не видно, но судя по тому, как парень двигается, нет никаких сомнений – играет в какую-нибудь игру-стрелялку. Этажом выше пожилая пара смотрит телевизор... А вот вспыхнул свет в квартире на шестом этаже, точь-в-точь напротив Ириной квартиры. Значит, хозяева пришли домой. Вернее, не хозяева, а один хозяин: стройный, подтянутый, видимо, еще довольно молодой мужчина в темной куртке. Пришел с пакетами, тащит покупки на кухню, а вокруг него носится, мешая хозяину идти, собака...

Ира как раз закончила пересадку цветка, когда где-то в глубине ее квартиры зазвучала мелодия мобильного. Господи, куда же она его засунула, в сумочку, что ли?

- Алло, алло?
- Ир... – раздался в трубке жалобный голос подруги.
- Алла? – ахнула Ирина. – Алка, ты что, плачешь?
- Еще чего! – всхлипнула Алла. – Буду я плакать из-за всякого дерьма!
- Ну уж сразу и дерьма... – растерялась Ирина.
- Это еще мягко сказано! Знаешь, что он мне тут выдал? – Алла больше не всхлипывала, ее голос клокотал от ненависти. – А ты послушай. Значит, ни вчера, ни сегодня он мне не позвонил...
- Ну, Алл, это еще не преступле...
- Да погоди ты, не перебивай, дай договорить! Сегодня после работы я такая звоню ему сама. Ну, типа как дела, давай встретимся... И представляешь, это чмо мне заявляет: «Не части, детка! Увидимся не раньше следующей недели». Я такая – что, почему, чем занят, а он... Блин, у меня даже слов нет, одни эмоции!
- Да что ж он такое тебе сказал-то?
- А то и сказал! Говорит: «Думаешь, ты у меня одна такая красивая? Попользовалась – дай другим, жди своей очереди».
- Не фига себе! – Ира так и села на журнальный столик. – Прямо так и сказал?
- Слово в слово, открытым текстом...
- Вот сволочь!
- И не говори... Меня еще никто никогда так не опускал! – Алла снова всхлипнула. – Ир...
- Что?
- Может, приедешь сейчас ко мне, а?
- Сейчас? – Ирина кинула взгляд на часы.
- Ну да. А то мне так тошно... Только купи по дороге чего-нибудь выпить. А то я вино, которое у меня было, все высосала – не берет ни фига.
- Алл, ты что, в одиночку напиться собираешься? – встревожилась Ирина.
- Почему в одиночку? Ты ж со мной выпьешь?
- Я за рулем, дорогая.
- Ну так останешься у меня, завтра вместе на работу поедем.
- Мне завтра с утра в библиотеку надо, в Историчку...

– Да ну тебя! А еще подруга называется! Ладно, жди, сама сейчас приеду...

Ира нажала кнопку отбоя и вернулась в гостиную. Сняла, осторожно скомкав, грязную газету с подоконника и уже направилась в ванную мыть руки, когда снова зазвонил телефон, на этот раз городской.

– Ирочка, детка, ты только не расстраивайся, – затараторила в трубку мама.

– Что еще случилось? – испугалась дочь.

– Понимаешь, я сегодня говорила слевой и... В общем...

– Да что такое, мам?

– Как бы это тебе сообщить... В общем, ты ему не понравилась...

– Ну не фигу ж себе! – Ира даже рассмеялась. – Неужели он прямо так и сказал? – Она почти слово в слово повторила то, что говорила несколько минут назад Алле.

– В том то и дело! – Чувствовалось, что мама сама возмущена до глубины души. – Прямо так и заявил. «Не понравилась мне ваша дочь, я предпочитаю женщин поинтереснее». Нет, ну эти современные мужчины совсем обнаглели! Пользуются тем, что они в дефиците, и вообще всякий стыд теряют! Ты, солнышко, только не расстраивайся!.. Ты у меня все равно самая лучшая!

– Да было бы из-за чего расстраиваться! – фыркнула Ира. – Тоже мне Аллен Делон! Лобзиком выпиливает... И собака у него, да еще бультерьер... Да ну его совсем, этого Леву-корову!

– Ну слава богу! – облегченно выдохнула мама. – Хорошо, что ты не переживаешь. А мы тебе другого найдем. Какого захочешь.

– Не, мам... – вздохнула Ирина. – Такого, как я хочу, не найдем. Такие все вымерли в девятнадцатом веке... Я хочу романтики, понимаешь? Чего-то необычного, чтоб с приключениями, любовными письмами, взволнованными объяснениями и серенадами под балконом... А не такого, который толкнет тебя тележкой в супермаркете и даже не извинится.

Мама некоторое время помолчала в трубку, а потом ответила очень серьезно:

– Хорошо, дочка. Я что-нибудь придумаю.

* * *

Тогда, в юности, кое-как пережив несчастную любовь к Сереже, Ира решила кинуть все душевные силы на учебу. Как раз в то время, в конце восьмидесятых, система образования в России начала меняться, кроме всегда считавшихся престижными школ с углубленным изучением языков или математики, стали возникать и другие специализированные учебные заведения – гимназии, колледжи, лицеи. В одну из подобных гимназий с гуманитарным уклоном Ире настоятельно рекомендовала поступить классная руководительница – биологичка.

– У вашей девочки очень хорошие литературные способности! – внушала она Александре. – Я это вижу по каждой ее творческой работе. А в нашей школе, скажу вам по секрету, преподавание русского языка и литературы в старших классах оставляет желать лучшего. Тамара Георгиевна, русичка, человек старой закалки, всю классику дает исключительно через призму темы пролетарской борьбы и руководящей роли коммунистической партии. Ничего хорошего она Иринке дать не сможет, только загубит ее талант, между нами говоря, конечно. А в той гимназии, я это точно знаю, очень сильное преподавание гуманитарных предметов, по новейшим методикам.

– Но ведь туда, наверное, не поступить без знакомства... – сомневалась Саша.

– Да что вы говорите, Александра Петровна! Сейчас уже другие времена. Никакого блата, нужно только хорошо сдать экзамены. У Иры это получится, я не сомневаюсь. Позанимается как следует – и все будет в порядке, покорятся любые вершины.

Мама с дочкой долго обсуждали дерзкую, но такую соблазнительную идею, и решили все-таки попробовать. Весь восьмой класс Ира старательно училась целыми днями, позволяя себе лишь небольшие перерывы на отдых и мечты. Читала не только программную, но и другую художественную и специальную литературу, штудировала историю и русский, совершенствовала английский с помощью репетитора, на которого Саша с большим трудом выкраивала деньги из скудного семейного бюджета. И старания увенчались успехом – Ира Боброва сдала экзамены на отлично и была

зачислена в девятый класс гуманитарной гимназии на Юго-Западе. Увидев свою фамилию в списке, сначала даже не поверила своим глазам. А потом ехала домой на автобусе, вся светила от гордости и жалела только об одном – о том, что Сережа ничего не знает...

Учиться в гимназии оказалось не в пример лучше, чем в старой школе. Ненавистные Ире точные науки здесь были сведены к минимуму, упор делался на другие предметы, которые она любила – языки, литературу, историю, обществоведение. Классы небольшие, к каждому ученику индивидуальный подход, программа гораздо интереснее, чем раньше, учителя все сплошь яркие личности, влюбленные в свое дело и умеющие увлечь своим предметом учеников. Большинство ребят шли на учебу с удовольствием, чего в обычной школе практически не бывает. Жизнь вне уроков тоже была несравнимо интереснее, постоянно какие-то праздники, вечера, диспуты, экскурсии. Единственное, что расстраивало Иру и ее подруг, – в гимназии было очень мало мальчиков, в их классе всего только пять. И при этом двое – очкарики-отличники, вечно уткнувшиеся в книжку. Из-за оставшихся трех мальчиков между одноклассницами постоянно шло отчаянное соперничество, в которое Ира даже не совалась. Ну его, себе дороже... Тем более что, едва забыв Сережу, она вновь влюбилась – в курсанта военного училища. Это случилось в апреле девятого класса, когда в гимназии решили устроить весенний бал и пригласить на него курсантов. Целый месяц накануне школа была охвачена радостной суматохой, каждую перемену на всех этажах звучала музыка, гимназистки и немногочисленные гимназисты прямо в коридорах учились танцевать вальс. Бала ждали с таким волнением и так старательно готовились к нему, что, как это нередко случается, процесс подготовки вышел куда более значительным, чем само событие. Праздник как-то на удивление быстро закончился и во многом разочаровал. Курсанты оказались совсем не такими бравыми красавцами, как представлялось девчонкам, и вальсировать почти никто из них не умел. Ребята предпочитали быстрые современные танцы и «медляки», два из которых Ира танцевала с высоким голубоглазым брюнетом. По иронии судьбы его тоже звали Сережей... После бала он проводил ее до автобусной остановки и записал ее номер телефона прямо на пачке «Столичных» сигарет. Но сколько Иринка ни ждала – так и не позвонил.

Через год выпускники всерьез задумались о поступлении в вузы. Обсуждали, спорили, ездили на подготовительные курсы, занимались с преподавателями. У Иры Бобровой этот вопрос сначала как-то не стоял, она собиралась подать документы в ГИТИС на актерское отделение. Там обучались все педагоги из ее любимой театральной студии во Дворце пионеров на Ленинских горах, где она, с трудом выкраивая время, до сих пор продолжала заниматься. Однако это, казалось бы, такое твердое решение, стало колебаться после разговоров с любимой учительницей.

– Иришка, ты все-таки подумай как следует, – говорила Наталья Викторовна, молодая и хорошенькая преподавательница литературы, бывшая для всех девчонок не только учительницей, но и старшей подругой, с которой обсуждали все важные дела и сердечные тайны. – Поступить в ГИТИС очень сложно, тут мало одних способностей, нужно еще и везение... А ну как провалишься – что будешь делать?

– Буду поступать на следующий год, – пожимала плечами Ира. Ей трудно было поверить во что-то подобное, ведь в мечтах она неоднократно видела, как читает на вступительных испытаниях «Письмо Татьяны», а комиссия, сплошь состоящая из знаменитых актеров и режиссеров, восторженно аплодирует.

– А если и на будущий год не повезет? – возвращала ее к приземленной действительности Наталья Викторовна.

– Тогда еще через год...

– И так до бесконечности? Твои одноклассники уже закончат институты, а ты так и будешь вечной абитуриенткой? Разве это хорошо? Может, все-таки выберешь что-то более реальное?

Ира сначала гордо отнекивалась, потом начала задумываться. А после того как съездила в ГИТИС на «День открытых дверей», окончательно поняла, что Наталья Викторовна права. Мечты мечтами, а реальность реальностью. Надо поискать другой, более доступный вариант. Лучше всего что-то связанное или с театром, или с литературой.

Выслушав дочкины аргументы, Александра пригорюнилась.

– Я-то думала – хоть ты станешь актрисой, раз мне не удалось... – вздохнула она. И спохватилась:

– Но, конечно, ты, дочка, совершенно права. Лучше синица в руках, чем журавль в небе... – и снова вздохнула.

Выбор у Иры был не таким уж большим. В МГУ не попадешь, в Литинститут – тем более, в педагогический – не хочется. В конце концов Иринка с мамой остановились на полиграфическом институте, где был факультет редакторов. А что? Хорошая профессия, интересная. И с литературой связана напрямую.

Выпускной год летел к концу. Настал «Последний звонок» с его традиционными шариками, пышными бантами, последний раз в жизни надетыми белыми фартуками, трогательными песнями и горючими слезами от расставания с любимой гимназией. Заключительные экзамены Ира Боброва сдала только с двумя четверками, остальные были пятерки. И на выпускном вечере ничуть не чувствовала себя потерянной, как многие одноклассницы. Было, конечно, жалко покидать альма-матер, но зато впереди ждало столько всего нового, интересного, и, конечно, замечательного!.. Так считала Ира Боброва, всю жизнь бывшая не только неисправимой фантазеркой, но и неисправимой оптимисткой.

На вступительных экзаменах в полиграфический институт Иринка так волновалась, что даже не рассказывала другим абитуриенткам никаких сказок о себе, все равно было не до этого. Во время первого экзамена – сочинения, она с трудом вошла на подгибающихся ногах в аудиторию и, усевшись за стол, с ужасом обнаружила, что не способна даже понять смысла написанных на доске тем, не говоря уже о том, чтобы взяться за работу. В голове шумело, руки тряслись, перед глазами плыл сизый туман. В таком ступоре она просидела некоторое время, до тех пор, пока ее не привел в себя резкий тычок в бок острым локтем.

Вздрогнув от испуга, Ира повернулась вправо. Только сейчас она обратила внимание на соседку по парте – худощавую лохматую девушку в модных вареных джинсах и с невероятным числом колец на длинных пальцах. Девушка склонилась над своим черновиком и даже не смотрела на соседку. Ира уже решила, что ее толкнули случайно, как тут услышала шепот:

– Ну что ты застыла, как соляной столб! Не спи, замерзнешь! Пиши давай, время идет! Да не вертись ты, не смотри на меня, а то обеим по шее дадут!

Ира послушно склонила голову над своим пустым черновиком, но краем глаза стала наблюдать за соседкой и увидела, что у той под

стандартным листом, выданным всем комиссией, лежит другой, сплошь исписанный мелким убористым почерком.

– Что это у тебя? – изумилась Ира.

– Что-что? Обычная «бомба». Ты вчера родилась, что ли?

– Нет, но я никогда не видела...

– Учись, пока я жива. Очень полезная штука. А ты чего не пишешь-то? – соседка по-прежнему не поднимала головы.

– Я все забыла с перепугу... – стыдясь, призналась Ира.

– Глупости! – последовал решительный ответ. – Соберись! Понимаю, если б ты еще сказала «не знала». А «забыла» – это не аргумент. Не может быть, чтоб ты ничего не помнила, ни Лермонтова, ни Тургенева. Шолохова только не бери, его уже я пишу. А на Тургенева у меня тоже «бомба» есть. – Девушка чуть приподняла свободную футболку и показала внушительные пачки листов, заправленные за пояс джинсов. – Тебе дать?

– Нет, не надо, – прошептала Иринка, сознание которой вдруг стало постепенно проясняться. – Тургенева я, кажется, помню...

Торопливо, боясь, что неожиданное озарение исчезнет так же внезапно, как и появилось, Ира схватила ручку и застрочила по бумаге. Такого вдохновения она не испытывала еще никогда – точно кто-то свыше диктовал ей готовый текст, а она только записывала за ним. Слова подбирались на удивление легко, фразы строились сами собой. Иришка так увлеклась, что забыла обо всем на свете, включая и соседку. Но та сама напомнила о себе все тем же движением локтя.

– Закругляйся, пора переписывать на чистовик.

– Я не буду... – Ира все еще парила на седьмом небе блаженства, куда забрасывает людей процесс творчества. – Так сдам.

– Тогда хоть ошибки проверь!

– Девушки за третьей партой у стены, что у вас там за разговоры? – окликнула их строгим голосом очкастая экзаменаторша.

Ирина соседка подняла невинные глаза:

– Извините, пожалуйста, у меня ручка перестала писать...

Послушавшись ее совета, Ира все-таки проверила ошибки, исправила одну букву и две запятых и сдала сочинение последней.

Через три дня, когда вывесили результаты, выяснилось, что у нее «отлично», что казалось почти чудом – на всем потоке придирчивые экзаменаторы поставили всего три пятерки. Алла Кузнецова, новая

подруга Иры, получила четыре – «хорошо». А больше половины поступающих после сочинения отсеялись с двойками.

К остальным экзаменам девочки готовились уже вместе и вместе же ходили их сдавать. У них сложился очень гармоничный дуэт, в котором одна прекрасно дополняла другую. У Иры были учебники, конспекты и знания, у Аллы – непоколебимая уверенность в себе, умение поддержать в трудную минуту и целая пачка шпаргалок и «бомб».

– Откуда это все у тебя? – поразилась Иринка, в первый раз увидев сокровищницу подруги в полном объеме.

– В прошлом году у девчонок насобирала, – охотно поделилась Алка. – Я ведь уже второй раз поступаю, в том году засыпалась на английском. А поступать-то все равно надо! Вот я и пробежалась по народу, собрала, у кого чего было. Им все равно уже не надо, а мне пригодится.

Ире оставалось только восхищаться практичностью новой подруги. Рядом с Аллой она чувствовала себя совсем маленькой, сопливой девчонкой, хотя была моложе всего на десять месяцев.

Удивительно, но дружба Иры и Аллы, начавшаяся в первый экзаменационный день, сохранилась на всю жизнь. При полном, казалось бы, несходстве характеров, взглядов на жизнь, воспитания и судеб, они очень привязались друг к другу, и каждая по-своему заботилась о другой: Ира помогала Алле с учебой, а та «учила подругу жить» и не разоблачала ее перед однокурсницами, когда верная себе Иришка рассказывала тем свои фантастические истории.

Год поступления, такой важный для обеих девушек, оказался не менее важным и для всей страны. Едва они увидели свои фамилии в списках зачисленных на первый курс редакторского факультета полиграфического института, как грянул путч, после которого все вокруг стало с неудержимой силой изменяться. Перемены в жизни государства очень значительно отразились и на жизни семьи Бобровых. Все годы Иркиного студенчества их словно качало на огромных качелях, кидая из одной крайности в другую, от радости к печали, от бедности к достатку и обратно.

Мама, бойко торговавшая в Измайлове вышитыми гладью и мережкой салфетками и скатертями, устроила дочь к владельцу соседней точки, где продавалась самодельная бижутерия из кожи и

меха. Детали этих серег и кулонов скреплялись между собой латунными колечками, которые как раз и делала третьюкурсница Ира. Хозяева дали ей напрокат небольшой шлифовальный станок, на котором при помощи резко пахнущей зеленой пасты обтачивались спиральки из проволоки – заготовки для будущих колец. Работа эта была неприятной, грязной, паста, как ни пыталась девушка быть аккуратной, летела во все стороны, пачкая кухню – но Иринке это занятие даже нравилось. Во-первых, получавшиеся в результате из невзрачного куса проволоки ровные золотистые колечки выглядели такими гладкими и блестящими, что самой становилось приятно. А во-вторых, эта работа приносила пусть и небольшой, но регулярный доход, позволявший студентке самой оплачивать свои завтраки в институтском буфете, походы в кафе, кино, театры, а иногда даже покупку одежды.

В один из первых солнечных мартовских дней, когда впервые после надоевшей зимы вдруг осознаешь – а весна-то вот она, уже пришла! – Иринка с партией очередных готовых колечек в сумке приехала на «Вернисаж». Шла по рынку, лавируя в толпе, улыбалась солнышку и своим мыслям – и вдруг так и замерла на месте. В двух шагах от нее стоял... Сережа. Тот самый Сережа с дачи, ее первая любовь.

Сердце в груди подпрыгнуло, провалилось куда-то вниз и на некоторое время вообще пропало. А когда вернулось, колотилось так бешено, что девушка вынуждена была остановиться, чтобы перевести дыхание. Лишь через минуту-другую она пришла в себя. Пелена, застилавшая глаза, стала постепенно рассеиваться, и тогда Ира поняла, что перед ней не Сережа. А совсем другой человек, просто похожий.

Она долго стояла в стороне, разглядывая парня лет двадцати пяти, продававшего декоративные ножи, и находила в нем все больше различий с Сережей. Да, черты лица и цвет волос действительно схожи. Но этот и ростом повыше, и сложение у него не такое изящное, а более крепкое, атлетическое. Лоб ниже, глаза меньше, ресницы не в пример короче, нос как будто свернут на сторону. И никакого намека на родинку над верхней губой. Но, приглядевшись, Ира решила, что так даже лучше, мужественнее. И – влюбилась.

С тех пор она стала приезжать на «Вернисаж» как можно чаще, под любым предлогом, и постоянно ходила мимо точки, где торговал

Коля – так звали этого парня. Вскоре окружающие стали замечать ее настойчивость, посмеивались, подначивали Колю – мол, ну чего ж ты, старик, давай, действуй, уважь девушку. Тот сначала отшучивался, но потом все-таки разобрался, что к чему, и однажды, в чудесный теплый майский вечер пригласил Иру в кафе.

Как она ухитрилась в ту весну не завалить сессию, осталось загадкой. Разумеется, все мысли Иринки были только о любви, о первом в ее жизни опыте отношений с избранником. Если бы не Алла, целыми днями только что не с кнутом стоявшая над подругой и требовавшая: «Учись, Ирка, учись! Любовь любовью, а институт никто не отменял. Вот спихнешь сессию – и гуляй на всю катушку, а пока нельзя», Ира, наверное, не подготовилась бы ни к одному экзамену.

Коля был совсем не прочь ответить на чувства молоденькой восторженной девочки, но он понимал любовь совсем иначе, не так, как Иришка. И вообще мало походил на тот романтический образ, который она с таким трепетом создала в своем воображении. Он вырос, как говорят, в «простой» семье слесаря и почтальонши, где отец пил запоями, а мать работала на две ставки, чтобы как-то сводить концы с концами. Коля не без труда окончил профессионально-техническое училище, отслужил три года в Балтийском флоте, сохранив на всю жизнь память о нем в виде татуированной розы ветров на плече, успешно демобилизовался четыре года назад, сменил несколько профессий, крутился, ища, где побольше заработать и, наконец, осел на «Вернисаже». Романтиком Коля не был, цветов на свиданиях не дарил, от свечей, которыми влюбленная девушка украшала стол для интимного ужина, морщился и Ириных утонченных интересов к искусству и литературе не разделял. Зато с его появлением дома у Бобровых больше не текли краны, все замки и электроприборы работали исправно, а все картины и полочки аккуратно висели на своих местах.

Маме Коля нравился. «Настоящий мужчина, – говорила она. – Сильный, надежный, уверенный. За таким ты будешь, как за каменной стеной. И денег всегда в дом заработает, и в обиду не даст ни тебя, ни детей. Опять же, руки у него тем концом вставлены, это по нынешним временам такая редкость! Конечно, культурный уровень у него

оставляет желать лучшего... Но ведь муж-то нужен не для разговоров об искусстве. А в театр можно и с подружкой сходить».

Зато Алла Колю терпеть не могла, называла медведем, деревенщиной и тупым пэтэушником.

– Бросай ты его, Ирка, – уговаривала она подругу. – Ты у нас умница-красавица, неужели лучше себе не найдешь? Знаешь, как моя бабка говорила: лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

– Он не дурак! – обижалась Ира.

– Ну да, не дурак! Ты его послушай, как он разговаривает. Ширина кругозора от Эдиты Пьехи до «иди ты на фиг». Даже «Три мушкетера» не читал, только кино смотрел, я уж ни о чем другом не говорю...

– Это не глупость, а всего лишь недостаток эрудиции! – заступалась за возлюбленного Иринка. – Просто у него ведь раньше не было возможности для духовного роста. Разве он в этом виноват? А я помогу ему развиваться. Потенциал у Коли есть, а образование – дело наживное.

– Ну-ну, – скептически улыбалась Алла. – Слепой сказал – посмотрим...

– Посмотришь и увидишь! Ты у меня еще прощения будешь простить за то, что так ошибалась в нем! – горячилась Ира.

И она с упоением принялась водить парня по театрам и музеям, а Николай, не решаясь отказать той, кого уже называл своей девушкой, покорно таскался за ней. Особого прогресса в его духовном развитии не наблюдалось, но Иринка утешала себя тем, что такие вещи за одну минуту не происходят. На все нужно время.

Только через полгода Иру начали посещать первые сомнения. Вроде бы все складывалось хорошо, но происходило совсем не так, как она себе представляла. Они уже считались женихом и невестой, было решено сыграть свадьбу, когда она перейдет на пятый курс – но никакого предложения руки и сердца с пылким признанием, букетом, кольцами и стоянием на одном колене не было. Просто в один из вечеров они пили у Бобровых чай, и Коля, наливая себе вторую чашку, очень просто, как о чем-то самом обыденном, спросил: «Ир, ну мы когда поженимся-то?»

Слов «я люблю тебя», о которых так мечтают все женщины, а молоденькие девушки вдвойне, Иринка так никогда от него и не

услышала. А когда спрашивала с придыханием: «Коля, а ты меня любишь?», – получала в ответ неохотное: «Ну... да. Я ж тут, с тобой».

– А что же никогда не говоришь этого?

– А зачем? Чего без толку болтать-то?

Они были близки. Первый раз, когда это случилось, Ира пережила настоящую бурю разных эмоций, Коля был спокоен и как-то даже деловит, осторожен – но не более того. Когда все закончилось, они долго лежали рядом на ее разложенном диване и молчали.

– О чем ты думаешь? – с замиранием сердца спросила Ира.

– Да пора тут у вас ремонт делать, – последовал ответ. – Вон, в углу известка с потолка сыплется, а на той стене обои отстали.

Однажды, это было в середине февраля, парочка отправилась на концерт в Зал Чайковского. В программе значилась «легкая» музыка – Бетховен, Шуберт, Шопен, Штраус, и Ира очень надеялась, что Коле она понравится.

Концерт начался, заиграли скрипки, зазвучал рояль. Вдруг Ирина, краем глаза наблюдавшая за своим спутником, заметила на Колином лице оживление. Он нахмурился, точно вспомнил что-то, затем улыбнулся...

Неужели? Ира возликовала. Наконец-то это произошло! Вот так! Получи, Алка, считающая Колю «недоразвитым» и «бесчувственным чурбаном»! Он чувствует музыку, она его трогает, вызывает эмоции – а значит, обязательно он полюбит прекрасное и научится его понимать, с ее, Ириной, помощью... Какое счастье!

Коля тем временем наклонился к ней и зашептал:

– Увидел этот, как его, рояль, и вспомнил, как мы с мужиками его одной тетке на двенадцатый этаж затаскивали. Тяжелый, падла, а в лифте везти нельзя, на руках перли... Я чуть не сдох! Правда, заплатила она хорошо, мы потом славно посидели, водочки попили... Ирка, ты чего? Что с тобой?

– Ни... ничего... – с трудом выдавила из себя Ира. – Все в порядке.

После этой сцены у нее точно пелена спала с глаз. Ирина любовь стала вянуть и осыпаться как яблоневый цвет. Через полтора месяца они расстались – по ее инициативе. Коля так толком и не понял, что случилось, и в ответ на расспросы знакомых только пожимал могучими плечами: «Видимо, ей что-то не понравилось».

* * *

Учиться в институте Ире было интересно, будущая работа редактора представлялась в самых радужных красках. Готовя и защищая дипломный проект, Ира уже воображала себя сотрудницей какого-нибудь солидного издательства или, еще лучше, редакции известного художественного журнала, скажем, «Смены» или «Юности». Вся обложенная толстыми папками и справочниками, она будет сидеть за огромным столом в отдельном уютном кабинете с большим окном в сад и старинными книжными шкафами и целыми днями читать интересные рукописи. Изредка к ней в кабинет, робко постучав, будут заходить смущенные авторы, и она, Ира, станет подолгу беседовать с каждым из них, объясняя начинающим, как можно переделать и улучшить их пока еще несовершенный текст, или помогая опытным писателям довести их произведения до полного совершенства. Как это, наверное, здорово – прийти в кабинет к главному редактору, положить перед ним на стол пухлую папку с тесемками и решительно заявить: «Обязательно прочтите, Иван Иваныч! Это замечательно! Автор еще неизвестен, это его первая вещь, но она прекрасна! Я всей душой чувствую, что у него большое будущее!» И потом, когда автор действительно станет известным писателем, классиком и лауреатом разных литературных премий, можно будет немного гордиться тем, что это именно она, Ира Боброва, его открыла...

Но как обычно, Ирины мечты имели очень мало общего с реальностью. Даже в застойно-советские времена в издательствах не происходило ничего похожего на ее фантазии – а в перестройку так и вовсе все принципиально изменилось.

В ту эпоху середины девяностых издание книг и журналов переживало бурный расцвет, в стране поднялся настоящий бум печатного слова. Новые газеты и журналы появлялись как грибы после дождя, в день по нескольку штук, но лишь немногим из них была суждена долгая жизнь, большинство исчезали так же быстро, как и возникали. Книжки тоже издавались в огромных количествах – все, что раньше запрещалось или просто не поощрялось, теперь доставалось из столов, спешно писалось, переводилось, печаталось (как правило,

наспех, с ошибками, на плохой бумаге) и тут же сметалось с прилавков изголодавшимися по хорошей литературе и просто по любопытному чтиву россиянами.

Работу по специальности Ира нашла легко – сразу после института ее с удовольствием взяли редактором в муниципальную газету. Первое время она с энтузиазмом взялась за дело, пыталась довести статьи и заметки до идеала, нередко просто сама полностью переписывая их за авторов, искала, что бы такого можно опубликовать интересного, выдумывала новые темы и рубрики, изобретала всевозможные конкурсы и викторины для читателей. Но начальница, суровая дама старой закалки, постоянно охлаждала ее юношеский пыл категорическим «это нам не нужно». Вскоре Ира погрузилась и все чаще стала задумываться о том, что зарплата в газете небольшая, да и ездить в редакцию приходится на двух автобусах, не очень удобно... Она стала искать другую работу, и, как это было со многими в ту пору, за три года сменила четыре места. Где-то ей не нравилось и надоедало терпеть неудобства, где-то, наоборот, было хорошо, но фирма прогорала, издательство или журнал закрывались.

Одно из таких мест недолгой работы, рекламное агентство «Гамаюн», запомнилось ей надолго. Попала она туда случайно, по знакомству, через подругу Аллу, которая была необыкновенно общительна и ухитрялась знаться чуть не с половиной Москвы.

– Иренция, классная новость! – сообщила она однажды вечером по телефону. – Ты ведь вроде работу собиралась менять?

– Ну да, – не слишком уверенно ответила Ира. – У нас, с тех пор как главный редактор сменился, такая склочная обстановка стала... Уже половина народу разбежалась, кого уволили, кто сам ушел.

– Вот и чудненько! Я тут тебя на такое местечко пристрою – закачаешься! Рекламное агентство, работа с телевидением, зарплата семь сотен зеленых... Не место, а сказка! Сама бы пошла, но там язык нужен, а я, ты же знаешь, ни по-английски не спикаю, ни по-немецки не шпрехаю, ни по-французски не парлю.

– А меня возьмут? – Ира даже растерялась.

– А чего ж не взять-то? Там, говорят, до зарезу человек нужен.

– Я никогда не работала на телевидении...

– Всегда надо с чего-то начинать, – резонно ответила Алка. – Записывай телефон. Пугачев Сергей Алексеевич. Скажешь, что от

Ольги Старосельской, он знает.

Перед этим собеседованием Ирина волновалась как никогда прежде. Ехала на трамвае от метро «ВДНХ» на Аргуновскую улицу, не поднимая глаз от английской грамматики – наверняка придется проходить тест на знание языка, а она уже больше года не практиковалась... Но все тревоги оказались напрасны. Вообще ни о чем не спрашивая, секретарь, сногсшибательно красивая, хотя уже совсем не юная крашенная блондинка, сразу же отвела ее к руководителю.

При одном взгляде на Сергея Алексеевича становилось ясно, что он бывший военный – короткая стрижка, командные интонации голоса, характерная осанка и походка. На вид лет сорок или немногим меньше. Не красавец, но есть в лице что-то такое, необыкновенно привлекательное, что хочется смотреть на него и смотреть, не отводя глаз...

– Заходи, – кивнул он Ире, не отрываясь от монитора. – Тебя как звать, забыл? Ира? Садись-ка, Ира, вон за тот комп и найди в «Моих документах» файл «Средство для посуды».

Ира открыла нужный документ. Это был сценарий рекламного ролика, в котором свекровь и невестка спорили о преимуществах нового чистящего средства перед старым.

– И как тебе?

Ира пожалала плечами. Она не знала, что ответить.

– Вот и я говорю – говно! – кивнул Сергей Алексеевич. – Сама идея хорошая, а тексты дрянь. Где, интересно, она слышала, чтоб живые люди так разговаривали? А понтов-то у этой козы, понтов – выше крыши! «Я креативщик, я копирайтер» – имитируя визгливый женский голос, передразнил он и добавил без всякого перехода: – Когда у тебя готово-то будет?

– Что? – испугалась Ира.

– Ну текст этот. К вечеру справишься?

До Иры не сразу дошло, чего от нее хотят. Похоже, какая-то рекламщица сочинила сценарий, он руководству не понравился, и теперь ей, Ире, нужно переделать диалоги, чтобы речь персонажей стала живой, узнаваемой – занятие непростое, но интересное.

– Я... Я попробую.

Вскоре после этого Сергей Алексеевич умчался и больше в тот день уже не появился. Ирина закончила работу и спросила у секретаря, что ей делать дальше.

– Да ничего, поезжай домой, – отвечала та. – Да, постой! Держи вот эту папку. Завтра с утра отвезешь на телецентр, там на бумажке все написано, куда и кому.

– Я отвезу? – изумилась Ирина.

– Но не я же. Мне на телефонах надо сидеть.

Вот так Ира Боброва – без собеседования, без тестирования, без договора и вообще без всяких документов, стала сотрудницей рекламного агентства. На пять недолгих, но счастливых месяцев.

Собственно к телевидению она никакого отношения не имела, в съемках не участвовала. Только посмотрела их один раз и была очень разочарована. Ничего интересного, все как-то очень бестолково, вяло и скучно. Сначала долго устанавливали свет, потом ждали, пока подъедет актриса, которая почему-то запаздывала, затем еще дольше ждали, когда подвезут какую-то специальную мебель, без которой почему-то никак нельзя было обойтись, потом снова устанавливали свет... При этом все постоянно ломалось, терялось и забывалось, все суетились и орали друг на друга, включая актрису, матерившуюся так, что даже рабочие не могли конкурировать с ней. Сами съемки ролика, законченные уже с третьей попытки, не заняли и десятой части общего времени.

Зато у Ирины теперь появилось множество новых тем для рассказов друзьям и знакомым. Опираясь на реальные факты, можно было насочинять такого, что слушатели только рты разевали от удивления. На самом деле она, конечно, не пила чай с телеведущими, не знакомилась со звездами в перерывах между съемками, не участвовала в телепередачах и всего несколько раз побывала в коридорах «Останкино». В основном Ира сидела в офисе, где выполняла не только работу редактора, но и множество других поручений, даже кофе варила, когда секретарь была на больничном. Но это занятие ее не смущало, наоборот, нравилось – потому что буквально в первые же дни работы в «Гамаюне» Иринка ухитрилась влюбиться в Сергея Алексеевича, своего начальника. И хотя эта любовь была без взаимности, она, как ни странно, чувствовала себя

очень счастливой. Не хуже, чем в *то лето* на даче с Сережей. И уж точно намного лучше, чем четыре года назад с Колей.

Ей нравилось каждое утро идти на работу, зная, что она обязательно увидит там *его*, нравилось украшать офис какими-нибудь новыми цветами в горшках или постерами на стены, потому что *он* обязательно замечал любые изменения, и каждый раз говорил что-нибудь вроде: «Как у нас уютно стало. Молодцы, девочки!», нравилось приносить из дома самодельные пирожки или печенье, которые обязательно подавались шефу к кофе или чаю, а он ел и нахваливал.

Начальник уважал Иру, называл ее «молодцом» и «умничкой», часто советовался с ней по разным поводам и всегда прислушивался к ее мнению. Иногда он специально, чтобы обсудить с ней что-то, подвозил ее на своем серебристом «Шевроле» до метро или до центра. Случалось, что подвозил и просто так, без всякого повода, просто для того, чтобы, как он сам выражался, «хоть иногда поговорить с умным человеком».

Но при всем при этом – увы и ах! – у Ириной любви не имелось ровным счетом никаких перспектив. Сергей Алексеевич Пугачев был женат и уходить из семьи не имел никакого желания.

Впрочем, у Ирины и мысли не было разбивать его семью. Она довольствовалась общением с ним на работе и как могла старательно прятала свою любовь.

Секретарь Вера, сама мать почти взрослой дочери, все замечала и жалела Иру:

– Эх, Ирка, Ирка, выкинь ты его из головы! Нашла бы себе, пока молодая, холостого, вышла бы за него и жила бы, горя не знала...

На Ирину счастье Сергей Пугачев не принадлежал к тому типу начальников, для которых ни к чему не обязывающий секс с секретаршами и вообще с подчиненными сотрудницами является чем-то вроде спорта. Неизвестно, действительно ли он был так верен своей жене, как казалось, или просто очень хорошо скрывал свои интрижки, но в Ирину сторону не сделал ни одного шага, хотя, конечно, не мог не догадываться о ее чувствах. Много раз Ира задавала себе вопрос: «А что, если бы?..» и, к стыду своему, не находила на него однозначного ответа. Смотря как это выглядело бы, смотря что бы он ей сказал, смотря как бы себя повел... Не исключено, что в некоторых ситуациях она могла бы и не устоять.

И она мечтала все вечера, ночи и выходные напролет, представляя, что *он*... Никакого зла его супруге и тем более детям, она, разумеется, не желала, но мало ли что бывает в жизни? Например, его семьи могло бы просто не быть, не существовать в природе. Или его жена могла бы полюбить другого и уйти к нему. А могло бы быть и что-нибудь совсем заковыристое, в духе любовных романов и американских сериалов, которые с некоторых пор стали постоянно показывать по телевидению. Например, то, что его семья – на самом деле совсем не его семья, а, скажем, семья его брата. А он выдает себя за него, чтобы... Ну, мало ли зачем! Может, чтобы какую-нибудь тайну разгадать или наследство получить. Нет, наследство – это как-то очень меркантильно и не возвышенно. Пусть лучше будет тайна.

Так продолжалось до самой осени 1998 года. А потом случился дефолт, и рекламное агентство «Гамаюн» обанкротилось. Сергей Алексеевич с семьей уехал из Москвы, а Ира вновь начала подыскивать себе работы и периодически их менять.

Когда Ирине исполнилось двадцать пять лет, Александра Петровна настояла на размене квартиры.

– Ты уже взрослая, вот-вот замуж выйдешь, – заявила она. – А я не собираюсь превращаться в злобную тещу и мешать жить молодой семье. Пусть твой жених видит, что у тебя отдельная жилплощадь.

– Да нет у меня никакого жениха, мама! – возражала Ира. Перспектива каждый вечер возвращаться в темную квартиру с невымытыми полами и пустым холодильником ее скорее пугала, нежели соблазняла.

– Ничего, нет – так скоро появится! – оптимистично заверила Александра.

Новое Ирино жилье оказалось действительно прекрасно, у него имелся только один недостаток – соседка снизу. Та, видимо, страдала каким-то психическим расстройством, потому что ей все время мерещилась в квартире над головой то громкая музыка, то танцы, то топот и беготня, хотя у Иры не происходило ничего похожего. Самой любимой галлюцинацией Зинаиды Геннадиевны был потоп – ей постоянно чудилось, что соседи сверху ее заливают. Первое время Иринка, жалевшая одинокую и по-своему несчастную женщину, озадачивалась, проверяла у себя трубы, не течет ли где, бегала вниз смотреть на потолок и каждый раз вызывала из ЖЭКа сантехника. Но

трубы оказывались сухими, на потолке нижней квартиры тоже не обнаруживалось никаких мокрых пятен, сантехник, пожал плечами: «Да в порядке у вас все, хозяйка!» – уходил ни с чем, и вскоре Ира научилась просто не обращать на странные жалобы внимания. Тем более что в остальном жизнь в новой квартире складывалась совсем неплохо.

Жить одной Ире неожиданно понравилось. Обычно Алла и другие подружки жаловались, что мамы постоянно донимают их вопросами: где была, с кем и почему поздно вернулась. У Иры все получалось прямо наоборот. Мама понять не могла, почему дочь все время сидит дома. Сходила бы куда-нибудь – в кино, в театр, в кафе или просто погулять... Сама она никогда не упускала такой возможности. А Ирина чем старше становилась, тем больше делалась домоседкой. Конечно, кино и театр – это хорошо. Но в театрах последнее время такое вытворяют, что просто жаль денег на билет. А кино... Когда есть видак, кино можно и дома посмотреть, удобно сидя на диване.

Сначала Ира обустроивалась, обживалась. Сделала в одной из комнат, той, что поменьше, спальню, другую назначила гостиной. И сидела там все вечера напролет с книгой или перед телевизором, где показывали какой-нибудь старый советский фильм или новую американскую мелодраму. Чуть позже, когда стала хорошо зарабатывать, приобрела компьютер, практически заменивший ей целый мир – тут тебе и информация, и общение, и замечательные игры. Что еще человеку надо? Сидение дома вошло в привычку.

В первом году нового тысячелетия Ира в очередной раз искала по Интернету работу и наткнулась на объявление: «радиостанции «Маяк» требуются сотрудники с опытом работы». Позвонила и, услышав вопрос: «На радио когда-нибудь работали?», неожиданно для себя самой бойко ответила: «Я работала на телевидении», что, учитывая рекламное агентство «Гамаюн», было почти правдой. В трубке помолчали, а потом милостиво разрешили: «Ладно, приезжайте».

Заместитель главного редактора Ривкин объяснил, что политика их радиостанции не совсем обычна, в отличие от других каналов, ставка делается не на популярную современную музыку, изредка перемежающуюся последними новостями, а именно на лирику.

– Наша аудитория – это люди старше тридцати, как правило, интеллигентные, которые в это непростое время страдают от острого

духовного голода, – пояснял он. – Им хочется слушать не бессмысленную попсу, эту жвачку для ушей, а что-то для души. В первую очередь, конечно, хорошую музыку: несложную классику, арии из опер, романсы, добрые старые песни, музыку из кинофильмов. Но мы не собираемся ограничиваться одной лишь музыкой двадцать четыре часа в сутки! Нужны передачи, увлекательные и познавательные, мы сейчас как раз работаем над несколькими проектами. И мне почему-то кажется, что вам это будет интересно. Я не ошибся?

– Нисколько! – заверила Ира.

– Ну что, бум работать? – Его глаза под густыми седыми бровями улыбались ей.

– Бум! – радостно согласилась Ирина.

Она стала редактором в музыкальной редакции и с удовольствием готовила тексты передач об истории оперетты и романса, о знаменитых исполнителях и композиторах. «Маяк» нравился слушателям, популярность его росла. Из писем и звонков слушателей в студию Ира с удивлением узнавала, сколько людей, оказывается, до сих пор слушают радио! Как она ошибалась, наивно полагая, что в век высоких технологий его уже окончательно вытеснили телевидение и Интернет. Ничего подобного! Их передачи звучали в поездах и на теплоходах, на фабриках и в парикмахерских, в магазинах и прачечных, в больницах и на даче, за рулем общественного и личного транспорта, в тайге и в пустыне. Среди слушателей «Маяка» были школьники, домохозяйки, водители-дальнобойщики, военные, милиционеры, врачи, продавцы и бог знает кто еще, вплоть до поляриков и даже, как поговаривали, космонавтов. И всем этим людям в разных уголках великой страны нравилась их работа. Разве можно не гордиться этим?

Однажды, это случилось около двух лет назад, Ира, как обычно, развлекала сотрудниц рассказами о своих мнимых приключениях, как вдруг увидела, что в дверях стоит, опираясь на свою тяжелую палку, ФБР и внимательно ее слушает. Ирина смутилась и замолчала. Ей вдруг стало стыдно. Зам главного очень умен, он, конечно, сразу догадался, что она все выдумывает...

– Ирина, потом зайди ко мне, пожалуйста, – сказал он, дождавшись паузы, и удалился.

Чувствуя себя крайне неловко, Ира постучалась в его кабинет. ФБР указал ей на стул:

– Садись, Ирочка. Знаешь, зачем я тебя позвал? Уважь старика, расскажи мне что-нибудь, какую-нибудь свою историю.

– Федор Борисович, я не... – Она покраснела и от стыда готова была провалиться сквозь землю.

Тяжелая рука ФБР похлопала ее по плечу.

– Деточка, мне сейчас совершенно неважно, *что* ты будешь рассказывать. Мне важно, *как* ты это делаешь. Я давно за тобой наблюдаю – у тебя красивая правильная речь, ты много знаешь и очень интересно рассказываешь. Как ты думаешь, почему бы нам не начать новый проект и не сделать тебя ведущей?

– Ведущей? – Ира одновременно и удивилась, и обрадовалась, и испугалась. – Но я могу не справиться, я не умею...

– Научишься, – улыбнулся ФБР. – Ты ведь знаешь мою любимую поговорку: «Не бойтесь делать то, что не умеете. Ноев ковчег был сделан любителем, а «Титаник» строили профессионалы».

– А о чем вы хотите делать эту передачу?

– О том, о чем мечтает каждая женщина.

– О любви?

Он ответил лукавой улыбкой:

– А почему бы и нет?

С тех пор Ирина не уставала денно и ночью благодарить судьбу, пославшую ей такого чудесного наставника, как Федор Борисович. Учиться у него было одно удовольствие. Объяснял он доходчиво и интересно, никогда не давил авторитетом, не навязывал своего мнения, а подводил ученика к правильному решению исподволь, так, что воспитаннику казалось, будто он выбрал нужный путь самостоятельно. И при этом не скупился на похвалы, а если нужно было покритиковать или даже отругать (в работе всякое случается), делал это очень тактично, обязательно наедине и никогда не унижал, не вызывал чувства вины, а деликатно указывал на ошибку и тут же помогал ее исправить.

Затея с циклом любовных историй удалась. Первые передачи из серии «Легенды любви» (название придумала сама Ирина, чем страшно гордилась) были записаны и вышли в эфир. Конечно, не все сразу пошло гладко, случались и трудности. У самых первых передач

был очень низкий рейтинг, высшее руководство уже хотело закрывать цикл, но ФБР отстоял, уговорил начальство дать молодому проекту еще один шанс. И получилось! Постепенно передача становилась все более популярной. Ира каждую неделю получала письма, в которых слушатели благодарили ее, задавали вопросы, сомневались, спорили, уточняли...

Одновременно с проектом «Легенды любви» развивалась и расширялась радиостанция «Маяк». Открывались новые редакции и передачи. На одну из вакансий Ира пристроила свою давнюю подругу Аллу, которая тоже, как долгое время и сама Ирина, никак не могла найти себя в работе. Впрочем, личная жизнь Аллы тоже не была особенно удачной. Она, по ее собственному выражению, *сходила* замуж, но прожила в браке меньше года, успев даже за такое короткое время устать от измен легкомысленного супруга. С тех пор у нее почти постоянно случались какие-то романы, часто бурные, с шекспировскими страстями, ревностью и выяснением отношений – но ни один из них так и не закончился хеппи-эндом с золотыми кольцами, фатой и маршем Мендельсона.

У Иры все протекало куда спокойнее. Изредка на ее горизонте тоже появлялись какие-то мужчины, пару раз даже дело доходило до более или менее продолжительного романа, но ни с тем, ни с другим отношения не сложились. Первый ушел от нее, обвинив Ирину в непрактичности: «Вечно ты в облаках витаешь!», от второго она сбежала сама, испугавшись его слишком сильной привязанности к зеленому змию.

Сначала Ира не унывала, твердо уверенная в том, что когда-нибудь и на ее улице случится праздник.

«Ну да, не красавица! – думала она, разглядывая себя в зеркало. – Лицо самое обыкновенное, фигура не модельная, сорок восьмой размер, а зимой и вовсе ближе к пятидесятому. Зато и грудь есть, и бедра, и талия. И улыбка у меня приятная, это все говорят. А счастье в личной жизни еще будет, обязательно будет! Ну а пока можно просто помечтать о нем...»

Но время шло, а мечты так и оставались мечтами. И тогда в ее жизни наступил период отчаяния. Где-то накануне тридцатилетия у Иры появилась сильнейшая, почти до болезненности, жажда любви. Ей до слез, до железных тисков, сжимающих сердце, хотелось, чтобы

рядом был мужчина – сильный и добрый, понимающий и надежный. Хотелось наконец-то испытать с ним все те восторги и упоения страстью, которые она столько раз видела в кино, о которых столько читала в книгах и которые многократно переживала в своих фантазиях, но которых ей так и не довелось встретить в реальной жизни. Чтоб было красивое знакомство; робкие, но такие красноречивые взгляды, при которых не нужно слов; бурное объяснение; счастливые свидания; долгие прогулки при луне; многочасовые разговоры, из которых так интересно узнавать о любимом все новое и новое; счастье первого поцелуя и блаженство физической близости. И чтобы все это счастье продолжалось годами, а затем страсть постепенно сменилась бы привязанностью, когда, как сказал кто-то из классиков, костер любви превращается в угли для семейного очага. Чтобы у них был уютный дом и двое детей, мальчик и девочка, чтобы по утрам Ира готовила любимому мужу завтрак, днем они всей семьей гуляли бы в парке, а вечером, уложив детей, сидели бы вдвоем у горящего камина и разговаривали, потому что за столько лет не перестали быть интересны друг другу.

Однако судьба совсем не спешила делать Ире желанный подарок. С каждым годом на ее жизненном пути попадалось все меньше мужчин, которые хоть отдаленно годились бы на роль суженного. А те, кто все-таки подходил, или были безнадежно женаты, или имели постоянных подруг, или не обращали на нее внимания.

Ирина все больше начала привыкать к одиночеству, смиряться с ним, родниться, как роднятся с хронической болезнью или каким-то дефектом вроде хромоты или искривления позвоночника. Все равно надежды на выздоровление нет, но жить-то дальше надо... И оттого больные люди, осознанно или бессознательно начинают воспринимать свой недуг, как неотъемлемую часть своего «я», без которой они уже не будут сами собой. Некоторые из них в глубине души даже и не хотят излечения – им страшно потерять такую важную часть своей индивидуальности, они не знают, как будут жить без нее и выживут ли вообще.

Нечто подобное происходило и с Ириной. Она сама себе боялась признаться, как страдает от одиночества. Конечно, у нее была мама, была Алка, еще какие-то приятельницы и знакомые, сотрудницы, к конце концов, так любившие слушать ее истории. Но каждый раз когда

Ира, вдоволь нарасказывавшись им о своих бурных приключениях, происходивших лишь в ее воображении, возвращалась домой, в пустую темную квартиру и ложилась одна на огромную испанскую кровать, ей хотелось выть. Все чаще она начинала задумываться о старости. Если ей уже сейчас нет никакого желания готовить для себя, убирать для себя, даже иногда ставить чайник, то что же будет потом, когда на это просто не достанет сил?

Но в то же время, как это ни парадоксально, Ира и не хотела расставаться со своим одиночеством, цеплялась за него, как застенчивый малыш за мамину юбку. Книги, телевизор и компьютер составляли весь ее мир, в котором Ирине жилось если и не счастливо, то по крайней мере спокойно. А покой – ведь это немало... Может быть, это даже больше, чем счастье. Размышляя об этом, Ира постоянно возвращалась в памяти к финалу любимой книги Булгакова, к судьбе Мастера, который «не заслужил света, но заслужил покой» – «вечный дом» на берегу ручья с венецианскими окнами и вьющимся виноградом, поднимающимся к самой крыше, друзей, приходящих по вечерам, чтобы слушать музыку и петь, и верную подругу рядом. Ира часто перечитывала это место в романе и каждый раз думала, что если «покой» именно таков, то никакого «света» ей и не нужно. Но в отличие от Маргариты возлюбленного Мастера у нее не было. И не предвиделось.

* * *

Сегодня у Александры был свободный день, и она, решив более не тратить ни минуты понапрасну, встала пораньше и отправилась к киоску, который по старой привычке все еще называла «Союзпечатью».

– У вас есть брачные газеты? – поинтересовалась она, заглядывая в окошко.

Киоскерша – восточного вида девица со жвачкой во рту – перестала жевать и уставилась на нее.

– Чего-чего? – спросила она секунд через тридцать.

– Ну... Такие газеты, где брачные объявления печатают.

– Знакомства, что ли?

– Да-да! – обрадовалась Саша.

– Сорок рублей. – Перед глазами Александры появился яркий журнал с весьма неполно одетой блондинкой на обложке.

– М-м-м... А другие издания у вас есть?

– Они такие же, – вяло ответила девица.

– Ну, давайте все, что есть...

Дома Саша заварила себе зеленый чай, насыпала полное блюдце ошпаренной кипятком кураги, уютно устроилась на кухонном угловом диванчике, вооружилась ручкой и принялась листать газеты, то и дело ахая и комментируя написанное.

– Ну-ка, посмотрим, что тут у нас? «Знакомства для секса», «Интимные услуги», «Студентки», «Лолиты», «Азиатки», «Мачо для состоятельных леди», «Свинг», «Лесбиянки», «Бисексуалы», «Парень ищет парня»... Тьфу ты, господи, да что ж это такое? Ага, вот «Мужчины ищут подруг», ну-ка почитаем... «Познакомлюсь с девушкой модельной внешности, без жилищных и финансовых проблем, не старше 22 лет. Отвечу только на письмо с фотографией. О себе: 49 лет, образование среднее, не работаю, жильем не обеспечен». Ну ничего себе, каков нахал! «Состоятельный мужчина, бизнесмен, женат, ищет рыжеволосую девушку без комплексов для встреч на ее территории». Ну-ну, ищи... «Мне 54 года, нужна работающая помощница по даче на летний сезон, а там посмотрим». Эвона, хватился, уже ноябрь на дворе! «Закомплексованному юноше требуется опытная дама, которая поможет расстаться с осточертевшей девственностью»... «Познакомлюсь с обеспеченной женщиной, которая разделяет мое мнение, что брак – это предрассудок»... «В прошлом месяце освобожден из тюрьмы, мечтаю встретить родную душу»... «Ищу веселую сексуальную подругу, а то на кухне много грязной посуды скопилось»... Да что ж это такое, в самом деле!

Только что не плюнув с досады, Саша отшвырнула газеты. Похоже, таким путем найти подходящего мужа Иришке не удастся. А что же делать? Придется придумать другой вариант. Не может же быть, чтобы их не было? Ведь знакомятся же как-то современные девушки, выходят замуж... Вон весной они с Ирой были на свадьбе у Насти, дочери Сашиной подруги Оли. Настена вышла замуж за хорошего парня, и Даша, ее сестра-близнец, тоже пристроилась, только тремя годами раньше. Где-то же они их взяли, своих женихов!

Обойдя квартиру в поисках телефонной трубки, Саша обнаружила ее в ванной, на стиральной машине, и набрала номер Ольги.

– Привет, подруга! Занята?

– Ну как тебе сказать... Со Стаськой сижу, сейчас его обедом кормить буду.

– Тогда я быстренько, без предисловий... Оль, я вот все забываю спросить, где твоя Настасья с мужем познакомилась?

– Да там же, где и Дашка! – отвечала подруга, грохоча кастрюлями.

– А Дашка где?

– Я ж тебе рассказывала! В Интернете.

– Ну ты ж меня знаешь, у меня память некудышняя. Расскажи еще раз.

– Ну как же ты не помнишь! – затараторила Ольга. – Дашке по работе понадобилось решить какой-то юридический вопрос, она лазила по Сети, нашла специальный форум, спросила, что ей было нужно, Игорь ей ответил, завязался разговор... Стали переписываться, потом встретились – ну и вон результат по квартире бегаёт. Стасик, не трогай кошку! Извини, Шур, это я не тебе.

– Да я поняла.

– А у Насти еще интереснее получилось. Смотрела от нечего делать фотографии на сайте знакомств, увидела Арсения, он ей понравился, она ему и написала... Стасик, я кому говорю?!

– Вот значит как! Сайты знакомств в Интернете... Слушай, а там не?..

– В каком смысле? – не поняла Ольга. – Стасик, солнышко, иди сюда, к бабушке! Сядь, посиди хоть минутку...

– В смысле – не одна порнуха? А то я тут... – начала было Саша, но замолчала на полуслове. Рассказывать про журналы Оле, пожалуй, не стоило.

– Нет, что ты! – заверила подруга. – То есть, наверное, всякое бывает, конечно... Но там и приличные люди знакомятся, Арсений вот... Стасик! Да что ж ты делаешь, горе ты мое! Сашка, извини, он тут в суп залез.

– В горячий? – ахнула Александра.

– Нет, слава богу, я еще не успела разогреть... А теперь уже и разогревать нечего, вся кастрюля на полу, а я вчера на три дня

сварила!..

– Ладно, я тебе перезвоню.

Нажав кнопку отбоя, Саша крепко задумалась. Она знала, что дочь активно пользуется Интернетом, ищет там информацию для своих передач, играет в игры и даже общается с кем-то. Во всяком случае, в разговоре Ира иногда упоминала своих «приятелей по Интернету», и женщин, и мужчин, но когда Александра интересовалась, почему бы дочке не встретиться с этим приятелем в реальной жизни, та обычно отвечала, что он живет в Америке. Ну, или в Израиле, или во Владивостоке, или в Самаре. Неважно где, важно, что далеко. И теперь, после разговора с подружкой, Саша чувствовала досаду – ну почему такая несправедливость? Почему Насте с Дашей в Интернете встретились москвичи, а Иринке ни один не попался? Наверное, дочка плохо искала. Надо поговорить с ней и убедить посмотреть тот сайт знакомств, на котором Настена нашла своего Арсения. Привыкшая действовать быстро и энергично, Саша тут же вновь схватилась за телефон, но дочь оказалась «недоступна».

Поразмыслив, Александра пришла к выводу, что это, пожалуй, к лучшему. Иришка такая застенчивая! Да и упрямая. Скорее всего, если обратиться к ней с таким предложением, она просто не согласится и приведет кучу доводов, почему она не станет искать себе мужа на сайте знакомств. Тем более что подобная ситуация у них уже была. Лет пять назад, когда Саша предложила Ире дать объявление в брачную газету, а та наотрез отказалась, заявив, что это унижительно. Александра тогда даже подумывала сама потихоньку дать такое объявление от имени дочки, но так и не собралась. А что, кстати, не такая плохая идея была! Может, воспользоваться ею сейчас? Дело за малым – нужен Интернет. Тот, что дома у Иры, отпадает по понятным причинам. На работе тоже просто так бороздить просторы Всемирной паутины не разрешат... Саша начала перебирать в уме знакомых, имеющих доступ к Интернету, как вдруг ее осенило: а почему бы самой не обзавестись компьютером? Она, Александра Боброва, женщина современная и вполне может приобщиться к миру высоких технологий. И удобно – никого ни о чем просить не надо.

В тот же день Саша, без всякого сожаления сняв со счета в банке нужную сумму, отправилась в специализированный магазин и после долгих консультаций с продавцами приобрела компьютер, который

доставили ей домой и собрали. С подключением к Интернету проблем тоже не возникло, в их доме он уже был проведен, осталось только протянуть кабель в квартиру, с чем легко и быстро справились мастера. Не прошло и нескольких дней, как гордая собой Саша уже сидела перед монитором и не слишком уверенно водила мышью, клацая наугад и открывая всевозможные Интернет-страницы. От этого занятия ее оторвал телефонный звонок.

– Сашка, привет, чего делаешь? – раздался в трубке голос Светы, еще одной старинной подружки, с которой Алекс в юности ходила в походы и сплавлялась на байдарках.

– Компьютер осваиваю! – гордо отвечала Александра. – Прикупила на днях, учусь Интернетом пользоваться.

– Ух ты! – поговорила Светка с восторгом, уважением и даже некоторой завистью в голосе. – И как успехи?

– Честно говоря, пока не очень, – призналась Саша. – Если бы кто-то показал, что и как делать, было бы проще.

– А ты попроси Володю, – вдруг предложила Света.

– Какого Володю? – не сразу поняла Александра.

– Да Малышева. Забыла, что ли? Ну, ты даешь! У тебя ж с ним в юности роман был...

– Да помню я его, помню! – возмутилась Алекс. – Но с чего это вдруг я его просить о чем-то буду? Я его тридцать лет не видела, и видеть не хочу! Стану я его просить о чем-то, как же! Не дождется!

– Да что ты так раскипятилась-то, Шурка! – засмеялась Света. – Не хочешь видеть – не видь, какие проблемы... Я просто вспомнила о нем, потому что мы встретились недавно у Просветовых на серебряной свадьбе. Он ведь овдовел, знаешь?

– Таисья умерла? Нет, я этого не знала, – стыдно было бы кому-то в этом признаться, признаться, но услышав такую новость, Александра испытала не огорчение, а злорадство. Даже спустя столько лет.

– Давно уж, года три-четыре назад. Что-то с сердцем, кажется... Так что может, позвонишь ему, он теперь мужчина свободный – мало ли что...

– Не стану я ему звонить! Ни за что не стану! – Саша буквально проорала это в трубку, Света даже испугалась:

– Шур, ну ты что, успокойся! Не надо так нервничать. Ну не хочешь его видеть – не надо... Раз ты не хочешь...

Саша в ответ промычала в трубку что-то неразборчивое.

– Что? Повтори, я не расслышала. Шур? Шур, да ты что – плачешь, что ли?

– Я очень хочу его увидеть... – пролепетала, всхлипывая, Александра. – Очень-очень хочу! Но звонить ему ни за что не буду-у-у...

– Шур, ну ты только не плачь, Шур!.. Что-нибудь придумаем... Слушай, а давай я ему позвоню? Телефон свой он мне дал... Поболтаем о том о сем, а я между делом скажу, что тебе очень нужна помощь с компьютером. Если он проявит интерес, дам ему твой телефон. А не захочет – значит, не судьба.

– Только ты, пожалуйста, позвони ему побыстрее, – попросила Саша. – И потом сразу-сразу отзовишься мне, ладно? Только помни – я как будто ничего не знаю!

Света честно выполнила свое обещание и в тот же вечер дозвонилась до Владимира. А потом долго, во всех подробностях, пересказывала подруге, что Володя обрадовался ее звонку, сам первый заговорил об Алекс, подробно расспрашивал, как она живет и чем занимается, и сказал, что был бы рад помочь ей с компьютером, но Алекс, быть может, не захочет его видеть. В ответ на что хитрая Светка предложила обсудить ситуацию с Алекс, а потом позвонить Володе. И тот согласился.

Довольная таким развитием событий Александра дала подруге четкие инструкции, в какой форме сообщить, что она, так уж и быть, согласна принять помощь Володи. «Только скажи все именно так, слово в слово, чтобы он не подумал что-нибудь не то, поняла?» Света, уже называвшая себя в шутку телефонным передатчиком, вскоре снова объявилась и доложила, что Володя обрадовался, записал телефон Алекс и обещал, что позвонит ей в самое ближайшее время.

Весь следующий день Саша как приклеенная сидела дома, даже с работы отпросилась пораньше ради такого случая, но так ничего и не дождалась. Несколько дней телефон упорно молчал, заставляя ее перебирать в уме различные варианты объяснений затянувшейся паузы, среди которых были и оптимистичные, и совсем неприятные. Наконец, дня через три, когда она уже совсем перестала ждать, в десятом часу вечера раздался звонок.

– Добрый вечер. Могу ли я услышать Александру Петровну? – в голосе Володи появились новые, какие-то очень взрослые и солидные интонации, но она все равно узнала его в первую же секунду.

– Это я. – Дыхание перехватило, Саша с трудом выдавила из себя два коротких слова.

– Алекс? Это Володя Малышев, если ты еще помнишь такого...

– Да, припоминаю, – сдержанно ответила она. Хотела добавить ехидное «с трудом», но испугалась, что будет перебор.

– Надо же... Алекс... – бормотал Володя. – У тебя голос совсем не изменился, такой молодой... Я даже подумал, что к телефону подошла твоя дочь.

Она рассмеялась – кокетливо, но лишь слегка, дабы он не вообразил лишнего:

– Володя, неужели ты научился говорить комплименты? Раньше за тобой такого не водилось.

– Ну, с тех пор я вообще очень изменился... – Судя по голосу, он тоже улыбался.

Возникла небольшая пауза и, чтобы избавиться от нее, он проговорил торопливо:

– Видишь ли, тут такое дело... Я тут созванивался со Светой Архиповой, и она сказала, что у тебя какие-то проблемы с компьютером. Может, я попробую тебе помочь?

– А ты можешь? – поинтересовалась Саша как можно равнодушнее.

– Я бы пытался...

– Ну хорошо, – милостиво разрешила она. – Только мне это надо срочно. Завтра сможешь приехать?

– Секундочку... – Судя по шороху, он листал страницы ежедневника. – После шести могу. До шести у меня по средам лекции.

– Ладно, приходи после шести. – Александра была сама любезность.

– Ты все еще на Ленинском живешь?

– На Ленинском, но уже в другом месте. Рядом с метро «Ленинский проспект», на площади Гагарина. Записывай адрес...

Если бы через несколько минут Ира бы случайно заглянула в окно этой квартиры, она бы сильно изумилась. Ее пятидесятипятiletняя мамаша как девчонка скакала по комнате, подпрыгивая чуть не до

потолка и выкрикивая при этом что-то неразборчивое, но явно очень и очень радостное.

* * *

Передача о Параше Жемчуговой и графе Шереметеве удалась на славу. А когда довольная собой Ира вышла после записи в коридор, у самых дверей студии ее перехватила Алла.

– Ирка, ну наконец-то, я тебя уж заждалась! Собирайся скорее, поехали!

– Я хотела еще чаю с девочками попить...

– Никуда твои девочки не денутся. Расскажешь им свои байки в другой раз.

– Алл, ну ты чего? – Ира оглянулась, не слышит ли их кто-нибудь. – Я правда пить хочу, после записи совсем в горле пересохло.

– Там и попьешь.

– А куда ехать-то? Опять на какую-нибудь тусовку? Я не одета... – Ирина опустила взгляд на свой просторный теплый свитер, джинсы и удобные ботинки на низком каблуке.

– Да не волнуйся, не на тусовку. Всего-навсего в кабачок на Ленинградском проспекте. – Алла уже спешила к лифту, Ира еле поспевала за ней. – Нас там уже ждут!

– И долго ждать будут... Представляю, какие сейчас там пробки. Пока доедем на Ленинградку...

– Тем более надо торопиться.

– Да ты скажи хоть, кто ждет-то? Я его знаю?

– Нет, не знаешь. Это не он, а она.

– Час от часу не легче! И кто ж она такая?

– Сейчас расскажу... Блин, да где ж этот лифт-то проклятый?!

Ира оказалась права, дорога действительно заняла немало времени, Алла успела рассказать все подробности, даже и по нескольку раз. Выяснилось, что через каких-то своих знакомых, точнее даже знакомых знакомых, она встретилась с некоей Багирой, по ее словам, топ-моделью и известной тусовщицей.

– Ну и общайся с ней на здоровье, я-то тебе зачем? – недоумевала Ирина.

– Ты, Ирка, дура, – снисходительно отвечала Алла, стряхивая пепел с сигареты и, как обычно, позванивая и постукивая при этом кольцами. – Знаешь, какие у нее любовники были? Зашибись! Звезды эстрадные, политики, олигархи...

Алла так и сыпала именами, а Ирина все никак не могла взять в толк то, что она говорит:

– Ну и дай ей Бог счастья. Мы-то с тобой тут при чем?

– Ой, ну ты и дурында, все тебе объяснять надо... Она ж настоящий профессионал в деле отлова мужиков! У кого ж поучиться, как не у нее? Раскрутим ее на рассказ о методах, а сами будем сидеть, да на ус мотать...

– Ну да, достанем тетрадки и будем конспектировать, как первокурсницы. Алл, ну смешно, ей-богу!

– И нечего прикалываться. Я с ней уже поболтала немного, она столько полезных советов мне дала...

– Или, еще лучше, на диктофон лекцию запишем, – продолжала веселиться Ира. – Будем на досуге слушать в наушниках, как романсы в исполнении трио «Реликт»... Или нет, не в наушниках! Будем магнитофон на ночь под подушку класть, знаешь, как бывает, обучение иностранным языкам во сне... Ой, не могу!

– Хватит ржать, на дорогу лучше смотри! – обиделась Алла. – Не хочешь – не ездь, я одна с ней встречусь. Только не завидуй потом, когда я всему научусь и личную жизнь устрою. Останови, я выйду, машину поймаю.

– Да ладно тебе, Алк, не дуйся, – миролюбиво проговорила Ира. – Поехали ведь уже – так встретимся...

Новая знакомая Аллы выглядела только что соскочившей с глянцевого страницы картинкой – шмотки из коллекций «Осень—зима нынешнего года», кукольное личико, лишенное даже намека на индивидуальность, ботексные бровки, пухлые силиконовые губки и высветленные волосы. Последнее особенно удивило Ирину, которая почему-то решила для себя, что девушка с именем Багира обязательно должна быть брюнеткой.

Модель одиноко сидела за столиком и потягивала через соломинку что-то такое разноцветное, слоеное, с зонтиками и вишенками. Увидев их, оживилась, заулыбалась, замахала рукой с дизайнерским маникюром.

– Хааай! – проговорила она, изо всех сил давя на гласные. – Ааа я ваас уже заждалааась... Ты Ииирааа? А я Бааааггиии...

И полезла целоваться к обеим, точно Алла и Ира были ее давними подругами.

«Ладно, это еще не самое худшее, что бывает в жизни», – решила про себя Ирина и заказала греческий салат и тушеное мясо с овощами. Раз уж оказались в ресторане так хоть поесть по-человечески. Игнорируя возмущенные комментарии соседок по столу – как это можно столько есть вечером при ее-то фигуре? – с удовольствием поглощала вкусный ужин и вполуха слушала разговор Аллы и этой, как ее, Багги.

Мастер-класс «Как заполучить богатого мужчину» был в самом разгаре. Светская львица делилась опытом, рассказывая, что лучше всего охотиться на олигархов в ресторане «Пушкин».

– А почему именно там, а не в другом месте? – недоумевала Алла.

– Тааам тааакие клеоовые паааапики бываааают... И пооотом «Мааакдонааалдс» блииизко... Яааа сначааала тааам ем. В «Пууушкиннеее» всеоо тааак дооорого...

Ира, не выдержав, тихонько фыркнула от смеха. Алла укоризненно посмотрела на нее. А Багги, ничего не заметив, с увлечением продолжала рассказывать, что в «Пушкине» надо заказать только кофе и пирожное, но попросить, чтобы в пирожное обязательно воткнули маленькую свечечку – как в именинный торт – и, подавая, зажгли. Тогда все посетители «Пушкина» это увидят и подумают, что у тебя день рождения. Быть может, найдется кто-то, кто захочет поздравить одинокую девушку с праздником, угостить шампанским – и пошло-поехало...

– А если никто не обратит внимания? – поинтересовалась Алла.

– Знааачит, не повезлооо. Нааадо приийити зааавтра ещееоо раааз...

Тут Ирина уже открыто рассмеялась:

– Представляю себе, что думают официанты «Пушкина» о мнимых именинницах, у которых день рождения тянется месяцами! А если таких вот окажется несколько за раз? Это ж настоящий цирк начнется! Ладно, девушки, с вами хорошо, но мне домой пора. Сегодня фильм хороший по телевизору... Молодой человек, принесите мне счет, пожалуйста.

И вышла вон, нарочно не замечая возмущенных взглядов и гримас Аллы.

На улице похолодало, дул резкий ветер, с неба сыпалась какая-то серая крупа, нечто среднее между дождем и снегом. Всю обратную дорогу Ира мечтала, как придет домой, примет, не торопясь, теплую ванну с душистой солью, наденет уютный махровый халат, плеснет себе в стакан немножко ликера, щедро насыплет в него льда и сядет у телевизора наслаждаться любимым старым фильмом «Привидение» с Патриком Суэйзи в главной роли. Однако не зря говорят в народе, что загад не бывает богат. Едва она вошла в прихожую, повесила куртку и сняла ботинок с левой ноги, как вдруг вся квартира погрузилась в кромешную тьму.

Что такое? Неужели пробки вылетели? Светя себе мобильным телефоном, Ира осмотрела щиток. Нет, тут все в порядке, пробки на месте. Значит, проблему надо искать на лестнице. Ира, как была в одном ботинке и в одном тапочке, выглянула на площадку.

На лестнице уже собрались чуть ли не все жильцы подъезда. Напоминающие в полном мраке персонажей из фильмов ужасов фигуры, освещенные кто свечой, кто фонариком, кто, по Ириному примеру, сотовым телефоном, горячо обсуждали происходящее. Из их разговоров Ира поняла, что свет отключился во всем подъезде. Похоже, произошла какая-то авария, и сколько теперь ждать, пока исправят неполадки, – неизвестно.

Ну вот тебе и посмотрела кино! Весь вечер коту под хвост! Принимать в темноте ванну не было никакого желания. Даже ликер пить Ира не стала, потому что без льда невкусно, а лишний раз открывать холодильник, пожалуй, не стоит – мало ли, сколько еще придется просидеть без электричества? Вдруг долго? Тогда к утру в холодильнике все испортится и потечет... Словом, из всех запланированных на вечер удовольствий доступным оказался только махровый халат.

Переодевшись, Ира как неприкаянная стала бродить по квартире. До чего ж, оказывается, наша жизнь, жизнь в мегаполисе, зависит от электричества! Без него, как поется в песне, и не туды, и не сюды. Ни книгу почитать, ни телевизор посмотреть, ни музыку послушать, ни компьютер включить, чтоб поиграть в какую-нибудь игру или полазить в Интернете... Позвонить, что ли, кому-нибудь поболтать? Она

набрала телефон Аллы, но та ее сбросила – наверное, обиделась на Ирино поведение в ресторане. Мамы дома не было, а ее мобильный оказался отключен. Хоть плачь, честное слово! Но не ложиться же спать в половине девятого вечера!

«Ладно! – сказала себе Ира. – Во всем надо видеть свою положительную сторону. Как у Чехова: «Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству». Было бы гораздо хуже, если бы... Если бы я, скажем, в этот момент ехала в лифте. Вот это вышел бы просто кошмар! Сидеть там неизвестно сколько одной, в полной темноте, в замкнутом пространстве... Бр-р! Ужас какой! Слава богу, у нас, кажется, никто не застрял...»

Шатаясь от скуки из комнаты в комнату, она подошла к окну гостиной, посмотрела на улицу. Подъезду на другой стороне двора было хорошо – у них-то электричество не отключилось! Уютно светились в синей мгле пасмурного осеннего вечера золотые окна. В тех, где не было занавесок, двигались люди, угадывалось голубое сияние телевизора. В квартире на шестом этаже, напротив ее окон, занавесок тоже не было. Ира ясно увидела собаку, похожую на сеттера, нарезающую круги по комнате. Вот открылась дверь, появился хозяин – видимо, только что из душа, потому что одет был в одно только полотенце, обернутое вокруг бедер. Собака радостно запрыгала вокруг него, изловчилась, схватила полотенце зубами и стянула его на пол, оставив мужчину в чем мать родила. Тот попытался отобрать у нее полотенце, но псина крепко вцепилась в ткань и не отдавала. Это выглядело столь забавно, что Ира, наблюдавшая эту сцену, не могла удержаться от смеха. На таком расстоянии ей не было видно лица мужчины и прочих интимных подробностей, но она явно могла рассмотреть, что сосед из квартиры напротив высок и хорошо сложен. «Наверное, он очень красивый», – подумалось вдруг Ирине.

Мужчина тем временем все-таки одержал победу, отнес обратно в ванную с боем добытое полотенце, натянул джинсы и футболку и отправился к холодильнику. В его квартире, как заметила Ира, перегородка между кухней и гостиной была снесена, чтобы два помещения превратились в одну большую кухню-столовую. Незнакомец вынул из морозилки что-то похожее на замороженную пиццу, сунул в микроволновку. Затем достал из холодильника

двухлитровую коричневую бутылку – с пивом, ясное дело! – открыл, наполнил кружку и с удовольствием приложился к ней.

«Удивительные все-таки существа эти мужчины! – думала наблюдавшая за ним Ира. – Как они могут пить эту дрянь? Оно ж такое горькое, противное, фу! Хуже только водка. А им пиво нравится, они могут и два литра зараз выпить, и даже больше... И как только в них влезает? Я вот даже своего любимого березового сока – и то больше литра наверняка не выпью. А им – хоть бы что!»

Занятая своими мыслями, Ирина взяла стул и подтащила его к подоконнику. Все равно, пока нет света, кроме как в окно смотреть, делать нечего. Так чего ж смотреть стоя? В ногах правды нет.

Когда пицца разогрелась, незнакомец вынул ее из микроволновки, сел за стол, поставил перед собой тарелку. Собачка была уже тут как тут, прыгала, виляла хвостом, даже попыталась выбить еду из рук хозяина.

«Разве собаки едят пиццу? – удивлялась Ира. – Получается, что да, вон как она выпрашивает... Неужели он даст ей? Дал! Ну надо же! Остудил как следует и дал. Ай-яй-яй! Разве можно кормить животных со стола?»

Доев свой ужин, мужчина сел к телевизору, спиной к окну. Шел, похоже, какой-то спортивный матч. Что именно передавали, Ира поняла не очень хорошо, хотя экран у плазменной панели был довольно большой. Что это, интересно, он такое смотрит? Это точно не футбол, не хоккей, не баскетбол и не гонки. Но что-то явно очень захватывающее, потому что незнакомец в окне то и дело бурно реагировал, то досадливо ударяя кулаком по подлокотнику дивана, то радостно вскидывая вверх руки.

Ире так понравилось наблюдать за ним, что она даже не сразу заметила, как в ее квартире вспыхнул свет. Наконец-то дали электричество! Она тут же потянулась за пультом для телевизора, но вместо того, чтобы досматривать фильм «Приведение», который еще шел, стала переключать каналы, ища ту спортивную передачу, которую смотрел мужчина напротив.

Ни на Первом, ни на России, ни на Московском, ни на НТВ не нашлось ничего похожего. По Спорту транслировалась какая-то велогонка, это явно было не то. На дальних каналах тоже ничего не обнаружилось... Что же такое он смотрит? Охваченная настоящим

азартом, Ира нажимала на кнопку до тех пор, пока не оказалась на канале Евроспорт. Ну конечно же, вот что он смотрит – бильярд!

Раньше Ирина никогда особенно не интересовалась бильярдом. Но незнакомец в окне болел так ярко и заразительно, что ей даже стало любопытно – неужели это и впрямь такое занимательное зрелище? Она повернула телевизор так, чтобы одновременно видеть и экран, и окно напротив, и вернулась на стул у подоконника.

Первое время Ира не очень хорошо понимала принцип игры, но постепенно благодаря комментатору разобралась, что на столе три вида шаров: белый или биток, которым надо забивать остальные, несколько красных и несколько цветных; причем забивать шары требуется по очереди: красный-цветной, красный-цветной. Ирине сразу очень понравился один из игроков, которого комментатор называл Ронни, смуглый худощавый брюнет, лицом немного похожий на хищную птицу. Этого Ронни Ирина сочла очень привлекательным, даже несмотря на то что он постоянно гримасничал. Он играл нервно, но весьма живописно, двигался с пластикой и изяществом танцора, и Ира невольно залюбовалась им. Мужчина в окне напротив тоже явно болел за него, а не за его соперника – толстого типа с взлохмаченными волосами, лоснящегося и розового, как поросенок.

Оказалось, что это и правда очень волнующее зрелище – наблюдать, как игрок выходит из сложного положения, переживать, глядя на катящийся в лузу шар: попадет – не попадет? Вот черный шар ударился о край лузы, завертелся на месте... и все-таки не упал! Как обидно! Ира даже вскрикнула от огорчения, мужчина за окном всплеснул руками, а похожий на птицу игрок с досады шарахнул кием об стол.

«Да-а, не бережет Ронни свой кий», – сказал комментатор, и Ирина, которой вдруг послышалась в этой фразе некая двусмысленность, тихонько фыркнула от смеха. Впрочем, послышалось не только Ире. Мужчина в окне напротив тоже расхохотался, запрокинув голову и облокотившись на спинку дивана. И Ира почему-то подумала, что у него наверняка должен быть очень приятный и заразительный смех.

Трансляция матча по снукеру (как выяснилось, это был финал премьер-лиги) продолжалась до половины второго ночи, и все это время Ира просидела перед экраном, страстно болея за Ронни. И когда

он все-таки одержал блестящую победу и получил награду, радовалась вместе с мужчиной в окне напротив, ни чуть не меньше него.

Передача закончилась, незнакомец в окне потрепал собачку по голове и отправился спать, погасив во всей квартире свет. Ира последовала его примеру, но была так переполнена эмоциями, что долго не могла уснуть. Она думала об отключении электричества, о бильярде, о красивом грациозном игроке, но больше всего почему-то о мужчине в квартире напротив, вспоминала его пиццу и такой смешной поединок с собакой за полотенце.

На следующее утро она проснулась позже обычного и чувствовала себя вялой и разбитой. С трудом поднялась с кровати, ходила в ночной рубашке по квартире, зевала, потягивалась и никак не могла заставить себя хоть чем-то заняться. В голове ленивым клубком путались мысли о предстоящих делах, и в этом клубке Ира никак не могла отыскать что-то важное. Что-то такое ей нужно было сделать, вроде бы даже хорошее, приятное, но что именно – никак не вспоминалось.

Она снова прошла по спальне, подошла к окну, чтобы отодвинуть штору, машинально посмотрела на окна соседнего подъезда и тут же вспомнила вчерашний вечер. В квартире напротив горел свет, мужчина одевался, застегивал рубашку, натягивал серый джемпер.

«Кто бы все-таки мог подумать, что из окна в окно все так хорошо видно! – пронеслось в голове у Ирины. – Особенно когда свет горит. Надо сделать выводы и не забывать вечером задвигать шторы. И перестать шляться по дому, одетой бог знает как. Мало ли, кто увидит...»

Бросив торопливый взгляд на свою ночную рубашку, Ира смутилась и быстренько надела халат. Однако от окна не отошла, продолжала, спрятавшись за занавеску, свое наблюдение. Мужчина, уже полностью собрался, стоял посреди комнаты, одетый в черную куртку и гладил собаку, видимо, прощаясь.

«Сейчас он выйдет из подъезда, – подумала Ира, – и я понаблюдаю за ним во дворе. Интересно, у него есть машина или он ездит на метро? Если есть, я узнаю, который из стоящих в нашем дворе автомобилей его...»

Она приготовилась выждать время, необходимое для того, чтобы спуститься на лифте и выйти из подъезда, но тут, совершенно не вовремя, раздался настойчивый звонок в дверь.

Выругавшись про себя, Ира пошла открывать и увидела на пороге Зинаиду Геннадиевну, соседку снизу, облаченную в ядовито-розовый халат и ярко-зеленые тапочки в виде то ли зайцев, то ли собак с торчащими ушами.

– Ирина, вы опять меня заливаете! – заявила соседка.

– Где именно, в кухне или в ванной? – привычно спросила Ира.

– Везде!

– Ну, везде-то вряд ли... Наверное, все-таки в кухне?

– И в кухне тоже. Немедленно выключите свою посудомоечную машину!

– Обязательно. Прямо сейчас и выключу, – заверила Ира, у которой отродясь не бывало посудомоечной машины.

– И смотрите, чтобы больше этого не было!

– Постараюсь. Вы извините, Зинаида Геннадиевна, мне на работу надо.

Разговор с соседкой занял вроде бы и немного времени, но незнакомец из квартиры напротив, конечно, уже исчез...

В тот день, когда, как обычно, настала пора ее рассказов в комнате отдыха, Ирина, отхлебнув чаю, произнесла:

– Вчера вечером еще с одним познакомилась...

На нее сразу обратились заинтересованные взгляды:

– Ну?

– Он в моем же доме живет, в подъезде напротив. Симпатичный такой, высокий... Мы во дворе и познакомились. Я шла от машины, а он с собакой гулял. Знаете, бывают такие собаки вроде сеттера, только выше...

– Лабрадор? Доберман? – подсказала Леля.

– Может быть, не знаю, вроде охотничья.

– А может, он охотник, – предположила Катя.

– Ир, ну а дальше-то что было? – поинтересовалась Таня.

– Ну, познакомились, поболтали... А потом он и говорит: «Ира, пойдите ко мне есть пиццу, у меня замороженная пицца в холодильнике». Я и согласилась.

– Что, прямо так сразу? – ахнула Наталья Николаевна. – Ну, Ира, ты даешь! Я бы ни за что! Хотя... Если он симпатичный...

– Ну пришли, посидели... Пицца вкусная была. А потом...

– А что потом? – чуть не хором спросили слушательницы.

– А потом мы телевизор смотрели. Чемпионат по снукеру.

– По чему?

– По снукеру. Это вид бильярда такой. Знаете девочки, до того интересно! Вчера финал был, так там один игрок...

– Постой, постой, Ира! – перебила Таня. – Я не поняла. Ну посмотрели вы телевизор...

– До половины второго. Снукер до половины второго шел.

– И что, вы все это время только телевизор смотрели? – подняла одну бровь Машка.

– Ну да. А когда передача закончилась, он проводил меня домой, пожелал спокойной ночи и пошел спать.

– И что – все? – Слушательницы выглядели на редкость разочарованными.

– Все, – пожалала плечами Ира. – Чудесный вечер получился.

Некоторое время в комнате отдыха царил полная тишина, даже ложки о чашки не звякали. Озадаченные женщины молча осмыслили услышанное.

Первой нарушила паузу Машка.

– Ирка, но ты же, насколько я знаю, терпеть не можешь собак! – заметила она.

Ира пожалала плечами:

– Да, конечно, я их не люблю. Но этот парень такой симпатичный!.. Ради него я бы и с удавом примирилась, не только с собакой. Ладно, девочки, поеду я, пока еще улицы более или менее свободны.

– Ириш, а как хоть его зовут-то? – крикнула ей вдогонку Наталья Николаевна.

Ира остановилась и мечтательно улыбнулась. Немного помолчала, вздохнула.

– Сергей, – проговорила она наконец. – Его зовут Сергей. Это мое самое любимое мужское имя.

Когда дверь за Ириной закрылась, девочки недоуменно переглянулись. У всех осталось какое-то странное чувство, которое

они никак не могли себе объяснить. Уж очень непохож был этот рассказ Ирины на все ее предыдущие истории.

– А ведь она, похоже, не врет... – задумчиво проговорила Машка после длинной паузы.

– А я тебе что говорила! – воскликнула глупенькая Леля.

Маша только покачала кудрявой головой и ничего не ответила.

* * *

Если б кто-то сказал Саше, что устраивая встречу с Володей, она ведет себя, как девчонка, Александра бы сильно удивилась. Ей казалось, что она делает все очень умно и хитро. А главное – правильно, поскольку в итоге все вышло именно так, как ей и хотелось.

Володя приехал точно в назначенное время (он всегда был пунктуален и терпеть не мог опозданий и необязательности), и, открывая ему дверь, Саша тотчас отметила, что выглядит он неплохо. Да, постарел, да, поседел – но у блондинов это, к счастью, не так сильно заметно. Зато все еще стройный, подтянутый, энергичный, и глаза совсем молодые. Студентки небось бегают за ним табунами... От этой мысли сердце Александры кольнуло острой иголкой ревности, но виду она, конечно, не подала.

Первое время между ними еще чувствовалась некоторая напряженность. Но вскоре, когда они вместе устроились перед компьютером – сидеть пришлось рядом, близко друг к другу и к экрану, поскольку оба были близоруки, – ощущение неловкости стало постепенно улетучиваться. Володя оказался хорошим учителем, объяснял доступно и толково. Саша схватывала все с первого раза, но специально, чтобы растянуть процесс обучения, притворялась иногда, что не понимает, и просила повторить. Терпеливо, не выказывая раздражения, Володя объяснял еще раз, показывал что-то на экране, проделывал нужные действия сам, деликатно забирая «мышку» у нее из рук. Их пальцы, ладони, плечи постоянно соприкасались, и Саша, с удивлением прислушиваясь к своим ощущениям, чувствовала, что эти случайные прикосновения волнуют ее, заставляют сердце биться быстрее и чаще, как в юности. «Только бы он ни о чем не догадался! –

думала она. – Только бы не догадался... Надо держать себя в руках. Он должен быть уверен, что я к нему совершенно равнодушна!»

Больше всего Сашу волновало то, что эта их первая встреча через тридцать лет может оказаться и последней. Научит ее Володя азам компьютерных хитростей, съест так старательно приготовленный ужин, откланяется – и снова исчезнет из ее жизни, не предложив увидеться еще раз. Что тогда ей делать? Но все устроилось как нельзя лучше. Изучая оснащение ее компьютера, Володя посетовал, что в магазине поставили какую-то не ту программу – мол, та, которой привык пользоваться он, гораздо проще и удобнее.

– И как же быть? – огорченно поинтересовалась Александра и с трудом сдержала радость, услышав в ответ:

– Я могу тебе ее привести и поставить. Скажем, в выходные. Хочешь?

«Хочу, хочу!» – кричало все внутри. Но Алекс сдержала эмоции и холодно проговорила:

– В выходные? Дай подумать... Кажется, на вторую половину воскресенья у меня не было никаких планов. Но давай все-таки созвонимся в субботу вечером – мало ли что...

Когда «урок» был закончен, она пригласила Володю на кухню, подала ужин, выставила на стол полбутылки настоящего армянского коньяка из загашника. Но выпить за встречу бывший возлюбленный отказался.

– А что так? – осторожно поинтересовалась Саша.

– Дал себе зарок, что спиртного больше ни употребляю. Я ж теперь одинокий мужчина, если еще и сопьюсь – совсем будет караул.

– И что же – вообще не пьешь? – Она несказанно обрадовалась, услышав слово «одинокий».

– Разве что изредка бутылку пива. Или бокал шампанского по большим праздникам.

У Саши чуть не вырвалась обиженное: «А разве наша встреча – это не большой праздник?», но она вовремя прикусила язык. И сказала бесстрастно:

– Ну и молодец.

Уселась напротив и не без некоторой тревоги наблюдала за тем, как он ест. В юности Володя был, как он сам выражался, «всеядное существо», в еде не привередничал, лопал все подряд, не деля блюда

на любимые и не любимые, ведь в походах, из которых он не вылезал, бывает только два варианта меню – или ешь, что приготовлено, или ходи голодный. Но с тех пор могло многое измениться... Вдруг Таисья стала отличной кулинаркой и разбаловала его, вдруг он не ест запеченной свинины или какая-то из приправ окажется ему не по вкусу? А она, Саша, делала очень большую ставку на свои кулинарные способности. Пусть поговорку о пути к сердцу мужчины истрепали и затерли до дыр, менее актуальной от этого она не стала.

К счастью, тревоги оказались напрасны. Володя уминал ужин за обе щеки и нахваливал:

– До чего же приятно поесть вкусной домашней еды!

– Рада, что тебе нравится, – сдержанно отреагировала Саша, раздумывая про себя, можно ли истолковать эту фразу как сообщение: «У меня сейчас никого нет»?

– Ну, еще бы не нравилось! – простодушно отвечал он. – Обычно-то я полуфабрикатами питаюсь, пельменями да сосисками. Или в институтской столовой. Честно говоря, лень самому себе готовить, а потом есть в одно лицо.

«Значит, у него действительно нет женщины, которая бы готовила ему!» – возликовала Саша, а вслух спросила:

– Сын у тебя тоже отдельно живет, как и моя Иришка?

Он кивнул.

– А где живет Андрей, далеко от тебя?

– Очень далеко, – вздохнул Володя. – Он в Штатах, в Хьюстоне, лекции в университете читает. Женится там на девушке из наших эмигрантов и обратно приезжать, похоже, не собирается. Две девочки у них, три года и полтора. Я внучек только на фотографиях и видел...

Саша опять задумалась, на этот раз уже на другую тему – о том, какая жалость, что не удалось познакомить Иришку с сыном Володи. Сейчас, глядишь, жила бы в Америке... Хотя еще неизвестно, была ли бы она там счастлива. Такую работу, как у нее сейчас, Ира бы там точно не получила, а работу свою она очень любит...

От мыслей о дочке ее отвлек голос Володи:

– Алекс, ну ты о себе-то расскажи! А то все скрываешься, шифруешься, как говорят мои студенты. Прямо как шпионка. Мата Хари.

Александра деланно-равнодушно пожала плечами:

– А что рассказывать? Живу – не скучаю. Я ж тоже свободная женщина, внуков пока нет. Так что есть время и работать, и отдыхать. В Анталы вот летом была.

– С Иришкой? – как-то уж очень безразлично спросил Владимир.

– Нет, не с Иришкой, – лукаво отвечала Саша. – С другим человеком.

На самом деле в Турцию она ездила с подругой Светланой, но Володе об этом знать было совершенно не обязательно. И он простосердечно попался на эту удочку:

– Понятно. Какой-нибудь очередной жгучий брюнет. Тебе ж всегда нравились брюнеты.

– Польщена тем, что ты это помнишь, – заявила она как можно ироничнее и поднялась, давая понять, что эта тема закрыта. – Чай с пирогом будешь?

От чая и в особенности от пирога он, конечно, тоже не отказался.

– Слушай, Алекс, а ты научилась отлично готовить! – заметил Владимир, доедая второй кусок шарлотки.

– Не хуже Таисьи? – ревниво осведомилась Саша.

– Я бы сказал, даже лучше. Тася тоже пекла пирог с яблоками, но у нее он выходил не такой вкусный. И цвет у твоего другой...

– А! – просияла Алекс. – Это мой фирменный рецепт. Я в тесто шоколад добавляю.

– Точно, шоколад! А я-то думаю, почему он у тебя такого цвета... Правда очень и очень вкусно. Спасибо, накормила – так накормила, теперь, наверное, неделю есть не захочу. – Он с удовольствием откинулся на спинку кухонного диванчика. – Ну как ты, уже ощутила себя продвинутым юзером?

– Что-что?

– В смысле – сможешь компьютером-то пользоваться? Запомнилось тебе что-нибудь из того, что я тебе говорил?

– Похоже, да, – кивнула Саша. – Ты так хорошо все объяснил, что даже такая дурочка, как я, поняла.

– Ну уж и дурочка! Не наговаривай на себя. Ты никогда не была глупой, Алекс.

– Да что ты?! – глаза Александры вспыхнули коварным огоньком. – А кто мне говорил, что я всегда была дурой?

– Кто тебе такое говорил? – Владимир поднял очки на заметно облысевший лоб и из-под них недоуменно поглядел на Сашу.

– Да ты же, дорогой, и говорил...

– Когда это?

– А вот тогда! У твоего подъезда. Когда вы... Когда я вас...

И замолчала, будучи не в силах подобрать нужные слова.

– Алекс... – Он тяжело вздохнул. – Давай с тобой договоримся раз и навсегда: кто старое помянет – тому глаз вон. Тридцать лет прошло... Больше даже, все тридцать пять. Пора уже оставить прошлое в покое. И жить настоящим, учитывая, что нам уже не так много осталось будущего.

– Ты прямо афоризмами сыплешь, – засмеялась Саша. – Надо же, как загнул! Сам придумал или списал у кого-нибудь?

– Сам придумал, только что. Ты меня вдохновляешь. Еще немного – и стихи начну писать. В твою честь.

– Не подлизывайся! – фыркнула довольная Саша. – Я до сих пор еще тебя не простила!

– Вот как? Печально... Алекс, а можно я, весь такой непрощенный, выпью еще чашечку чая? А ты мне пока расскажешь, для чего это тебе вдруг так срочно понадобился Интернет. Мне почему-то кажется, что тут все не так просто...

Саша покачала головой:

– Чаю, так и быть, налью, а про Интернет даже не спрашивай! Это не моя тайна.

– Ух ты, даже так?! И чья же эта тайна?

– Дочкина.

– Ну, раз так, то умолкаю. – Владимир поднял обе руки в шутовском жесте. – В Иришкины секреты я нос совать не буду. Кстати, как у нее дела?

– Неплохо. Работает... Я ж тебе говорила по телефону.

– Признаюсь, тут ты меня удивила! Я ж эту передачу, «Легенды любви», часто слушаю, хорошая такая передача... Но мне и в голову не могло прийти, что ее ведет твоя дочь.

– А мог бы и догадаться, между прочим. У нее ведь моя фамилия.

– Ну, фамилия-то не из самых редких... Мало ли Бобровых на белом свете. Алекс, а отрежь мне еще полкусочка своего

замечательного пирога. Только действительно полкусочка, больше в меня уже не влезет.

– Володь, а можно я тебя кое о чем попрошу? – вкрадчиво поинтересовалась Александра, укладывая пирог на блюдце.

– Ну конечно. Что ты хочешь? – Он снова взял в руки чайную ложку и вопросительно посмотрел на нее.

– Хочу задать тебе один вопрос – но чтобы ответил на него совершенно честно.

– Ох-хо-хо... Чует мое сердце, что это не слишком хорошая идея. Но давай попробуем.

– Признайся, только честно, почему ты променял меня на эту мым... На Таисью?

Владимир опять вздохнул:

– Видишь ли, Алекс... – осторожно заговорил он после долгой паузы. – Ты и сейчас-то, как я вижу, не угомонилась, все такая же эмоциональная. А тогда и вовсе была непредсказуема, как вулкан. Вечно что-то сама себе выдумывала, обижалась, не пойми на что, устраивала сцены на пустом месте... И в какой-то момент я понял, что устал. Хочется покоя. Думаешь, это легко – жить с вулканом под задницей?

– Ну и променял вулкан на болото. Куда более удобная подкладка под задницу, – обиделась Саша. И задумалась. Интересно, почему все ее мужчины, говоря о ней, употребляют слово «задница»? Виктор, бывший муж, тоже все время повторял, что у нее шило в заднице...

– Алекс, не злись. – Владимир накрыл своей рукой ее ладонь. – Да, Тася была, скажем так, непростым человеком. Но ее уже нет на свете, а о мертвых ты же знаешь, или хорошо или ничего.

– Ты хочешь сказать... Ты пожалел о том, что женился на ней? – Глаза Саши загорелись.

– Давай не будем об этом, ладно? – Владимир встал, прошелся по кухне. – Иначе мы обязательно поссоримся. Не знаю, как ты, а я совершенно не желаю ссориться с тобой.

Саша наблюдала за тем, как он меряет шагами ее маленькую кухню, и молча торжествовала маленькую победу. Он хочет возобновить их общение – что может быть лучше? Но этого ей казалось мало, хотелось еще больше укрепить завоеванные позиции.

– Но ты хоть вспоминал обо мне? Хотя иногда?

– Вспоминал, – честно ответил Владимир. – И довольно часто. Ты всегда очень много значила для меня. А ты? Ты вспоминала?

Она покачала головой, глядя на него, стоящего перед ней, снизу вверх.

– Нет, Володя. Ты причинил мне слишком сильную боль. И я просто выбросила тебя из сердца и из мыслей. После твоего предательства ты вообще перестал для меня существовать.

Он помолчал, обдумывая ее слова, а затем проговорил:

– Тогда мне, наверное, лучше уйти.

И, действительно, сделал шаг в сторону двери. Саша испугалась, что переборщила. Вдруг он и правда сейчас уйдет и исчезнет навсегда? Это совсем не входило в ее планы.

– Володя, ну что ты, как маленький! – примирительно усмехнулась она. – Ты ведь сам предложил забыть прошлое. Мало ли, что было столько лет назад. Было – да сплыло. Сейчас и мы совсем другие, и дела у нас совсем другие. Ты вот мне программу на компьютер установить обещал, этот, как его «Командный»?..

– «Тотал Коммандер». Конечно, привезу и установлю. Ты сказала – в воскресенье?

Проводив Владимира, Саша еще долго сидела у стола с неубранной посудой, подперев рукой подбородок, прокручивала в памяти минувшую встречу – каждое слово, каждый взгляд, и в конце концов пришла к выводу, что все складывается скорее хорошо, нежели плохо. А потом, хотя было уже довольно поздно, снова включила компьютер. Найти сайт знакомств оказалось проще простого – ссылка на него вела прямо из поисковой системы, которую Владимир сделал стартовой страницей. Быстро разобравшись с методом поиска, Саша выбрала мужчин от тридцати до сорока, из Москвы, непременно с фотографиями и погрузилась в изучение появившегося на экране солидного списка.

* * *

Очутившись вечером дома, Ира уже почти сразу же взглянула в окно. Квартира на шестом этаже встретила ее полной темнотой. Хозяин еще не возвращался.

Ирина занялась своими делами, переоделась, приготовила тушеную курицу с овощами, поужинала, помыла посуду – все это периодически прерываясь и взглядывая в окно. По-прежнему темно и никого нет дома. Она включила телевизор, выбрав вчерашний спортивный канал. Но там шел теннис – чемпионат по снукеру закончился.

В принципе дел на этот вечер у нее было немало. И по работе (пора уже было готовиться к следующей передаче), да и хозяйственных забот накопилось немало – но заниматься ничем из этого не хотелось. Как неприкаянная Ира бродила по квартире, бралась то за одно, то за другое, то за третье – и всё бросала. Книга, купленная вчера, показалась скучной, по телевизору не было ровным счетом ничего интересного, компьютерные игры надоели. Без всякого удовольствия погоняв по экрану монитора разноцветные шарики и предприняв последнюю неудачную попытку сложить электронный пасьянс, Ирина закрыла все «игрушки» и решила, что пора все-таки браться за работу. Хотя бы определиться, о ком будет ее следующая передача. О ком-нибудь из жен декабристов? Или о русской любви «короля вальсов» Иоганна Штрауса к одной из первых русских женщин-композиторов Ольги Смирнитской? Наверное, лучше сейчас о декабристках, а Штрауса отложить на потом. Ира вышла в Интернет, но, вместо того чтобы искать нужные сведения, набрала в поисковой строке слово «снукер» и принялась за изучение теории этого вида бильярда, считавшегося, как выяснилось, элитной игрой. Читала, изучала правила игры и проникалась все большим уважением к мужчине в окне напротив – вот, оказывается, какими серьезными вещами он увлекается, это вам не просто так, это интеллектуальный вид спорта, на уровне шахмат!

Девять часов, половина десятого... Квартира напротив все еще пуста и безжизненна. Бедная собака, скучает одна, наверное! Да и не только скучает, наверняка и проголодалась, и гулять хочет! А хозяину и дела нет. Ну разве можно так жестоко обращаться с животным?! Ирина снова вернулась к компьютеру, и на этот раз сделала запрос об охотничьих собаках.

Десять, половина одиннадцатого, одиннадцать... Ирина уже стала почти специалистом по данному виду собак, узнала, какие бывают породы, как выбрать щенка, как их дрессируют и чем кормят

(размороженная в микроволновке пицца при этом ни разу не упоминалась). Словом, если бы не неприязнь к собакам, Ира уже могла бы читать лекции об особенностях сеттера, например, а хозяин собаки все еще не вернулся домой.

В пять минут двенадцатого позвонила мама:

– Детка, я тебя не разбудила? Ты не спишь еще?

– Нет. – Ира с грустью поглядела в темные окна напротив.

– Я просто хотела тебя спросить... У тебя на завтра какие планы?

– На вечер? Никаких. Хочешь приехать?

– Нет, не на вечер. Днем ты что собираешься делать? На работу во сколько поедешь?

– Завтра я на работе не буду, мне в библиотеку надо, материал для будущей передачи готовить...

– А в какую библиотеку? – заинтересовалась мама.

– В Ленинку.

– Ой, сто лет там не была! Там, наверное, все изменилось... Ты в каком зале обычно сидишь?

– В третьем.

– И долго там пробудешь?

– Часов до четырех, наверное... Мам, а что у тебя с голосом?

– В каком смысле? – насторожилась Александра Петровна.

– Ну... Ты всегда так разговариваешь, когда хочешь что-то скрыть, – усмехнулась Ира. – Колись, что там у тебя такое?

– Ой, Иришка... – по-девчоночьи хихикнула мама. – Боюсь даже сказать, чтоб не сглазить... В общем, у меня тут... Похоже, грядут некоторые изменения в личной жизни...

– Да ты что! – ахнула дочь. – И кто же он такой? Я его знаю?

– Ничего больше не скажу, и не проси!.. Все-все-все! Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить! – Даже по телефону было слышно, как Александра колотит обо что-то, видимо, деревянное, костяшками пальцев. – Как только что-то прояснится – тебе первой скажу! А пока это страшный секрет.

– Ну, как знаешь. В любом случае я очень рада за тебя. – Ира улыбнулась.

– Спасибо, дочка! Значит, ты завтра прямо с утра, в Ленинку?

– Ну не совсем с утра, выспаться-то надо. Часов в двенадцать поеду, когда на дорогах посвободнее будет.

– Тогда я тебе завтра вечером позвоню. Спокойной ночи!

Закончив разговор, Ира нажала кнопку отбоя и вздохнула. Вот как, даже у мамы личная жизнь устраивается. А у нее, Ирины, – никого, ничего и никак. И этот еще где-то бродит... Этот... Сергей...

– И не стыдно тебе, Сережа! – заявила Ира, глядя в темные окна. – Смотался куда-то на весь вечер и бросил бедную одну-одинешеньку... собаку свою... вот. А ты что подумал?

Окна ничего не ответили.

Около часа Ира сердито задернула шторы в спальне и улеглась в кровать. Но сон долго не шел, на душе было тревожно: а вдруг с ним что-то случилось? Мало ли что? Вдруг попал в аварию или стал жертвой хулиганов? Воображение тут же начало рисовать разные жуткие сцены, одна ужаснее другой.

«Господи, да что ж я так переживаю из-за какого-то совершенно постороннего человека! – сказала она себе наконец. – Он ведь мне никто, и звать его никак, в прямом и переносном смысле. Подумаешь, сосед Сережа! Кстати, интересно, а как его зовут на самом деле?»

* * *

Весь остаток ночи Ире снились неприятные сны. Будто она ходит по людной улице и вдруг понимает, что мужчина в черной кожаной куртке, идущий впереди, в нескольких метрах от нее, и есть тот самый Сергей из квартиры напротив. И будто бы ей обязательно нужно, ну просто-таки жизненно важно догнать его и заглянуть ему в лицо. Она прибавляет шаг, но расстояние между ними не сокращается. Она идет еще быстрее, бежит – никакого эффекта. Сергей все так же неторопливо шагает впереди, и ей видны только его спина и затылок. А дальше все становится еще хуже, он вдруг начинает петлять, все время куда-то сворачивать, Ира мчится за ним, страшно боясь потерять его из виду, забредает в какой-то мрачный двор, утыкается в глухую стену. Она почему-то сильно испугалась... И проснулась. Сердце все еще колотилось так, будто она и впрямь за кем-то гналась, а в окно через неплотно задернутые занавески уже пробивался свет.

Первое, что сделала Ира, вскочив с постели, – это подбежала к окну и стала вглядываться в окна напротив. Сергей был дома. При

дневном освещении происходящее в его квартире было не так хорошо видно, как при электричестве, но все-таки он точно был дома, и у Иры отлегло от сердца.

– Бессовестный ты! – с чувством произнесла она. – И не стыдно? Шлялся где-то всю ночь, я волновалась, спать не могла...

Она чуть было не добавила: «Хоть бы позвонил!», но замолчала, поняв, что это было бы уже совсем глупо, и побежала умываться.

«И правда, так обидно, что я не вижу его лица, – думала она, готовя кофе и укладывая на кусочки хлеба с отрубями ломтики сыра и тонкие кружочки помидора. – Был бы у меня бинокль или хотя бы подзорная труба... А может, правда купить что-нибудь подобное?»

Прихватив с собой бутерброд, она подскочила к компьютеру, загрузила Интернет и набрала в поисковой строке «бинокли». Система тут же выдала такое разнообразие видов и моделей, что Ира даже ахнула. Ничего себе! Самостоятельно ей в этом ни за что не разобраться... У кого бы спросить совета? Она кликала мышью по ссылкам до тех пор, пока не оказалась на сайте известного магазина, находящегося совсем недалеко от ее дома.

«Съезжу туда и проконсультируюсь с продавцом», – решила Ира и посмотрела в окно. Сергей, похоже, тоже куда-то собирался.

– Смотри, сегодня возвращайся вовремя, не заставляй меня волноваться! – строго сказала она.

И тут зазвонил телефон.

– Иренция, ты сегодня на работе будешь? – спросила трубка Алкиным голосом.

– Нет, я сегодня в библиотеку еду, в Ленинку.

– Ну вот, а я с тобой поговорить хотела! – выразила недовольство Алла. – Знаешь, я сегодня ночью глаз не почти сомкнула, все ворочалась, думала...

– Ты тоже плохо спала? – Ира удивилась совпадению. – И я. Всю ночь какая-то дрянь снилась, все гонялась за кем-то, как поэт Иван Бездомный за свитой Воланда в «Мастере и Маргарите»...

– А мне вообще ничего не снилось, мысли уснуть мешали. Зато я поняла одну вещь...

– И какую именно?

– Мужчин надо искать в местах их наибольшего скопления! – Алла изрекла это с такой интонацией, точно и впрямь сделала великое

открытие.

– Мудрая мысль, – хихикнула Ира и снова посмотрела в окно. Сергей, похоже, уже ушел.

– Ты не смейся, а лучше помоги мне, – обиделась Алка. – Давай рассуждать логически. Куда они ходят чаще всего?

– На работу.

– Не годится. У нас на радиостанции кандидатур немного, и все они уже мной рассмотрены. Ни одна не подходит. Можно, конечно, поменять место работы, но это крайний вариант... И успеха не гарантирует.

– М-м-м... тогда не знаю. Может, в спортзал?

– Тоже отпадает.

– Почему?

– Потому что этот вариант советует весь глянец. Открой любой женский журнал – обязательно найдешь статью, как знакомиться в фитнес-клубе или бассейне. Ты вот давно в фитнес-клубе была?

– Вообще никогда не бывала, – призналась Ирина.

– Вот именно! А я, к твоему сведению, целый месяц ходила в «Well-being» на Воробьевых горах. И знаешь, что? Там мужиков-то и нет почти. Одни бабцы, которые журнальчиков начитались и поперлись туда знакомиться. Я хоть для виду там занималась, а эти вообще себя не утруждают. Ходят по залу в спортивной форме в обтяжечку, вертят попой и чирикают в телефончики: «Знаешь, у меня сегодня выдался свободный вечер, мне совершенно, ну просто совершенно некуда себя деть!» Так что, если уж спорт, то не клуб, а какой-нибудь чемпионат. По футболу там, или хоккею...

– А по снукеру можно? – оживилась Ира.

– Это еще что за зверь?

– Как, ты не знаешь? Ну что ты! Снукер – это английский бильярд, аристократичная и очень артистичная игра, исключительно для людей с высоким интеллектом, обладающих не только высокотехничным ударом, но и стратегическо-тактическим мышлением, – вдохновенно затараторила Ира. – Правда, насколько я знаю, в России снукер еще только завоевывает свои позиции...

– Ну, вот именно, – пробормотала Алла, не зная, как реагировать на ее тираду. – Значит, остается футбол.

– Насчет футбола, Алк, это не самая удачная идея, – возразила Ира. – Два часа, или сколько он там длится, сидеть на жестких скамейках в холодном стадионе в компании агрессивных фанатов? Еще, чего доброго, затеют какую-нибудь потасовку, а мы случайно рядом окажемся... Нет уж, уволь!

– Да, про фанатов я как-то не подумала, – нехотя согласилась Алла.

– Ну вот ты и думай дальше, а мне за подзорной трубой пора.

– За чем, за чем тебе пора?

– Тьфу ты, оговорила. Хотела сказать: мне в библиотеку пора. Пока, созвонимся.

В магазине выбор биноклей, подзорных труб и прочей оптики оказался не многим меньше, чем в Интернете. Ирина растерянно переходила от одной витрины к другой.

– Вам чем-нибудь помочь? – поинтересовался наконец молодой человек лет двадцати пяти, которого можно было бы назвать симпатичным, если б не слишком оттопыренные уши.

– Да, пожалуйста, – согласилась Ира, а про себя подумала: «Зачем он стрижется так коротко? Носил бы длинные волосы – все бы было в порядке...»

– Вас что именно интересует? – продолжал расспросы лопухий.

– Ну, не знаю... Бинокль, подзорная труба или что-нибудь такое.

– Так бинокль или подзорная труба?

– А через что лучше видно?

– Это от качества зависит. У оптики подешевле одни возможности, у дорогой, соответственно, другие, получше. Вам для какой цели оптика нужна?

– Ну... как сказать... Вдаль смотреть.

– Это понятно. Никто не покупает оптику, чтобы жарить на ней картошку, – судя по всему, молодой человек был уверен, что сказал нечто необычайно остроумное. – Я имею в виду, где конкретно вы собираетесь этим пользоваться: в туристической поездке, на охоте... Где?

Этот, казалось бы, закономерный вопрос совершенно выбил Иру из колеи. Можно себе представить, что подумал бы о ней лопухий, заяви она сейчас, что собирается наблюдать через бинокль за

мужчиной в окне напротив! Ира даже покраснела от этой мысли. А назойливый продавец все не отставал.

– Какое расстояние вас интересует?

– Извините... Я подумаю и попозже найду, – наконец, выдавила из себя Ирина и опрометью бросилась прочь из магазина.

«Видно не судьба мне увидеть его лицо, – думала она, ведя машину в сторону центра. – Ну что же, так даже интереснее... Загадочнее, по крайней мере».

Ей не терпелось поскорее погрузиться в работу, чтобы отвлечься от ненужных мыслей, но до этого пришлось потратить немало времени на всякую ерунду: постоять в пробках (в тот день на Большом Каменном мосту творилось что-то совершенно невообразимое), найти место для парковки поближе к библиотеке, покопаться в каталогах и дожидаться, пока ей подготовят заказанные книги. Когда она, наконец, сумела приступить к работе, была уже половина четвертого.

Ей всегда нравилось бывать в Ленинке. Здесь царилла какая-то особая торжественная атмосфера, вызывающая у Иры странное чувство, близкое к благоговению. Здесь она все время ощущала, что находится в храме, храме, посвященном божеству каждого мыслящего человека – Знанию. И еще, попадая в эту библиотеку, Ирина всегда задумывалась о вечности. Все окружающее почему-то казалось неподвластным времени, постоянным и неизменным. Словно пройдут годы и даже века, Ира и все, кого она знает, давно умрут, а здесь все останется по-прежнему: эти широкие лестницы, эти громадные помещения с высоченными потолками, бесконечные шкафы с книгами и каталожными карточками, строгие в своей тишине залы для занятий с рядами массивных столов, отделенных друг от друга конторками с крепящимися на них уютными зелеными лампами.

Сидя в одном из таких залов, Ирина готовила материал для будущей передачи о декабристе Иване Анненкове и француженке Полине Гебль, оставившей ради любви все – родину, свободу, маленькую дочь – и отправившейся вслед за возлюбленным в сибирскую ссылку. Но не успела она прочитать и двух страниц воспоминаний их дочери Ольги, как услышала прямо над ухом чей-то шепот:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому, что б я ее любил,
А потому, что мне темно с другими... [4]

Она вздрогнула от неожиданности и обернулась. За соседним столом, близко придвинувшись к ней, сидел полноватый мужчина с небольшими усиками и, хитро прищурившись, смотрел на нее. Ира пожала плечами и снова уткнулась в книгу.

– Это ведь ваше любимое стихотворение, правда? – снова прошептал он.

– Да, – вынуждена была согласиться Ирина. – Одно из любимых.

– А вы позволите, я угадаю еще одно? Наверное, это...

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче все косится в сторону,
Вчера еще до птиц сидел,
Все жаворонки нынче – вороны... [5]

– Откуда вы знаете?

Мужчина опустил глаза, но тоже как-то хитро, точно с видом заговорщика.

– Я бы сказал вам, но боюсь, что вы не поверите...

– А вы все-таки скажите. – Ира была заинтригована.

– Понимаете, я как только увидел вас... Поверьте, со мной такое впервые! Такое чувство, что я знаю вас очень давно. Знаю, что вы не замужем, что живете одна, что вы Рак по гороскопу...

– Да, это так...

– Вы любите мелодрамы и старые комедии, компьютерные игры и белый шоколад. И терпеть не можете собак.

– Откуда вы все это знаете? – Она была поражена.

– Иногда так бывает, Элоиза...

– Элоиза? – Ира даже хихикнула, то ли от удивления, то ли от смущения. – А почему Элоиза?

Мужчина пристально поглядел на нее:

– А вы действительно на нее похожи. То есть я, конечно, никогда ее не видел... Но, думаю, она выглядела примерно так.

Польщенная Ира пожала плечами. Романтическая и трагичная история интеллектуалки Элоизы, жившей во Франции на рубеже одиннадцатого и двенадцатого веков и полюбившей в семнадцать лет своего сорокалетнего учителя, знаменитого философа, богослова и еретика Пьера Абеляра, была одной из самых ее любимых «Легенд любви» и темой первой передачи этого цикла, вышедшей в эфир. Ира до сих пор помнила последние строки текста *«На их общей могиле на кладбище Пер-Лашез в Париже до сих пор каждый день появляются свежие цветы»*. Но с чего этот мужчина вдруг взял, что они с Элоизой похожи?

– Спасибо, конечно... – Видимо, Ира сказала это слишком громко. Сидевшая через несколько столов от нее дама в коричневом костюме и с массивным пучком на голове, вроде тех, что носили в шестидесятые, уже давно бросавшая в их сторону неодобрительные взгляды, строго прошипела:

– Нельзя ли потише?

– Извините... – Ирине стало неловко.

Придвинувшись еще ближе, собеседник игриво прошептал:

– Пойдемте отсюда...

Ира растерялась.

– Ой, нет, я никак не могу... – Она зачем-то показала на свои книги. – Мне еще часа два надо поработать, не меньше.

– Но как же так? – изумился мужчина. – Мы же договорились на четыре!

– Договорились? – настал Ирин черед недоумевать.

– Ну да. В Интернете. Ты что, забыла?

– В Интернете? – От удивления она даже не обратила внимания на то, что собеседник как-то очень резко перешел «на ты». – Я ни с кем ни о чем в Интернете не договаривалась... Вы, наверное, перепутали меня с кем-то?

– Ну как же перепутал, если там твоя фотография была?

– Ничего не понимаю, какая фотография?

– Послушайте, это уже переходит все границы! – возмущенно заголосила дама с пучком. – Немедленно выйдите из зала и выясните

ваши отношения там! Здесь библиотека имени Ленина, а не дом свиданий!

Сердито отодвинув стул, Ира поднялась из-за стола и направилась к двери. Станный мужчина поспешил за ней.

– Ну что ты за комедию ломаешь, в самом деле! – заговорил он, когда она оказались в коридоре. – Поиграли, поприкалывались – и будет. Пойдем куда-нибудь кофе попьем.

– Простите, но я действительно не понимаю, что вы говорите, – недоумевала Ирина. – Какой Интернет, какая фотография?

– Ну твоя же! Твоя фотка, где ты в синем купальнике и в венке. Помнишь, ты мне присылала?

– Я ничего вам не присылала! – Ира повысила голос.

– Да не ори ты, на нас уже все смотрят! – Он, похоже, тоже начал выходить из себя. – Чего ты идиота-то из меня делаешь? Сама же первая мне написала, между прочим!

– Да не писала я вам никогда!..

– Написала неделю назад под ником Элоиза, – продолжал мужчина, не слушая ее, – прислала фото, рассказала о себе. Мы стали переписываться, договорились встретиться тут, в Ленинке, в четыре часа... Ты сама придумала эту игру, ну, чтобы я к тебе подошел, а ты как будто ничего не знаешь...

– А куда я вам хоть написала-то?

– Да на сайт знакомств же! Ве-ве-ве-Амурные-дела-точка-ру.

– Вот оно что! – до Иры постепенно начал доходить смысл происходящего. – Похоже вас... То есть меня... В общем, нас обоих кто-то разыграл. Кто-то из моих подруг, наверное...

– Зачем? – не понял мужчина. – Чего тут смешного?

– Я сама не знаю, – призналась Ира. – Может, это не для смеху вовсе. Может, нас таким образом познакомить хотели?

Некоторое время мужчина озадаченно молчал, а затем предложил:

– Тогда давай и впрямь познакомимся, раз уж так все сложилось, пойдем куда-нибудь. Я Анатолий, а ты?

– А я Ирина... Но я правда не могу сейчас никуда пойти, мне работать надо. Может быть, попозже, вечером?

– Не, вечером я не могу, – покачал головой Анатолий. – Я в шесть часов еще с одной встречаюсь, у нее ник Киска. Блондинка, судя по

фото, ноги от ушей. Вчера мне написала, давай, говорит, увидимся побыстрее...

– Вот как? Ну что же, желаю вам счастья. Всего хорошего. – Ира развернулась и направилась обратно в зал. Анатолий за ней не пошел.

Только на обратном пути из библиотеки, выбравшись наконец из запруженного машинами центра, Ира обо всем догадалась. Мама! Конечно же, это ее рук дело! Она же обещала ей романтическое знакомство... Да и фотография в купальнике и венке, сделанная в прошлом году на даче у тети Светы, могла быть только у нее! И компьютером она как раз недавно обзавелась...

Руки так и чесались вынуть сотовый и тут же позвонить маме. Но Ира, будучи одновременно и дисциплинированным, и не слишком опытным водителем, старалась никогда не пользоваться мобильником за рулем. Поэтому с мамой поговорила уже только из дома.

– Ты уже приехала, так рано? – как ни в чем не бывало прощбетала Александра. – Ну и как ты, что нового, как прошел день?

– Mam, зачем ты это сделала? – спросила Ира как можно более сурово.

– Что я сделала? – По голосу – ну просто сама искренность.

– Написала этому Анатолию от моего имени. Переписывалась с ним, фотографию послала, встречу назначила. Зачем, мам?

– А что, он тебе не понравился? – невинно поинтересовалась Александра.

– Да не в этом дело, мам! Просто ты поставила меня сегодня в дурацкое положение. – Разговаривая, Ира нервно ходила по комнате.

– Но я же хотела как лучше, доченька...

– А вышло как всегда, да? Давай договоримся, что ты больше никогда ничего не будешь делать за меня и от моего имени, ладно? – Рассерженная Ирина повысила голос. – И вообще – предоставь мне самой устраивать свою личную жизнь так, как я хочу! Поняла?

– И нечего на меня кричать, – обиделась мама.

– Нет, есть чего, потому что... – начала было Ира.

И замолчала на полуслове, поскольку случайно взглянула в окно и увидела, что в квартире напротив происходит нечто интересное. Выставив журнальный столик на середину кухни-столовой, «Сергей» что-то расставлял на нем, доставал из висящего на стене кухонного шкафчика бокалы, перетирал их полотенцем и периодически подбегал

к духовке и заглядывал в нее через стекло. Собака с азартом носилась за хозяином.

– Ого, да он, похоже, ждет гостей! – ахнула Ирина.

– Что ты сказала? – не поняла мама. – Кто это ждет гостей? Ты?

– Что? Нет, не я. Ладно, мам, пока, я тебе попозже позвоню.

И нажала кнопку отбоя, а сама с интересом продолжила наблюдение. Неужели «Сергей» ждет в гости женщину? Нет, он вроде бы поставил на стол несколько бокалов, значит, стол будет накрыт не на двоих, а на несколько человек. Стало быть, у него сегодня будет вечеринка. Может, день рождения или так просто...

Готовился «Сергей» основательно и долго, Ира уже устала стоять. Сначала оперлась о подоконник, затем подтащила к окну стул, придвинула к нему журнальный столик. Наблюдая, как мужчина напротив накрывает стол, тоже захотела есть, сходила на кухню, вскипятила чайник, налила большую кружку чаю, наломала на блюдечко полплитки любимого белого шоколада, сделала два бутерброда – с плавленым сыром и с копченой колбасой. Со всеми этими яствами вернулась в комнату и заняла зрительское место у окна.

Гостей оказалось трое: коренастый крепыш в сером джемпере, даже с такого состояния видно, что лысый, в смысле – бритый наголо, и две девицы – тощая как жердь брюнетка в ярко-красном костюме и долговязая блондинка с короткой стрижкой и пышными формами. Лиц их Ира, естественно, не видела, но это не помешало ей с первого взгляда невзлюбить обеих.

Весь вечер гости пили вино (даже без всякой оптики Ирина разглядела, что красное), закусывали, болтали, судя по всему, много смеялись. Потом начались танцы и флирт. Брюнетка проявляла нескрываемый интерес к лысому, а блондинка так и вовсе без всякого стыда вешалась на «Сергея». С мазохистским упорством Ира, как пришитая, сидела у окна и наблюдала за всем этим безобразием.

«Ну что ты уставилась? – ругала она сама себя. – Хватит на них пялиться, перестань! Иди каким-нибудь делом займись, вот, посуду надо помыть...»

И продолжала, как последняя дура, оставаться на месте.

Гости разошлись поздно, уже в третьем часу. Вернее, слово «разошлись» здесь было не совсем точным. Уехали только лысый с прилепившейся к нему, точно омела к дубу, брюнеткой. Блондинка

осталась. Едва закрылась дверь, она прыгнула к «Сергею» на шею и принялась страстно его целовать. Увидев это, Ира поспешно вскочила со стула и рывком задвинула занавеску, чуть не сорвав при этом карниз.

* * *

Утром она подходила к окнам только затем, чтобы проверить, хорошо ли задернуты шторы и нет ли где-нибудь каких-то щелей. А так как на кухне занавесок не было, то она постаралась вообще туда не заходить – чтобы избежать соблазна все-таки заглянуть в квартиру напротив. И кончилось дело тем, что так и отправилась на работу без завтрака, голодная и злая.

Выйдя из лифта, Ира столкнулась с Аллой, бегом, как всегда, мчавшейся по коридору.

– Ой, Иренция! Вот здорово. Я курить иду, пошли, составишь мне компанию.

Ира охотно согласилась. Ей не терпелось хоть кому-нибудь излить душу, столько всего неприятного произошло с ней всего лишь за один вчерашний день. Но подруга не дала ей и рта раскрыть.

– Знаешь, Ирка, а я, кажется, знаю, какими бывают места скопления мужчин, где можно удачно познакомиться. Это выставки.

– Выставки мужчин? – не удержалась Ира. – Это интересно... Ни разу о таком не слышала. Алл, а там просто выставки или выставки-продажи? Если продажи, то это плохо, потому что наших с тобой зарплат на хорошего мужчину явно не хватит. Так, разве что, на какого-нибудь завалящего...

– Дура ты, все бы тебе прикалываться. – Алла махнула на нее рукой, стучая кольцами. – Я о специализированных выставках говорю. Таких, где показывается то, что мужикам интересно.

– Что именно?

– Да мало ли, что им нравится. Охота, рыбалка, оружие... Нет, оружие – это слишком агрессивно. Еще напорешься на какого-нибудь маньяка... Лучше автомобили. А что – шикарная идея, по-моему! Придем на выставку автомобилей, такие все из себя, высмотрим мужиков поинтереснее, подойдем, спросим о чем-нибудь... В

подобных местах что хорошо – всегда тема для разговора найдется. А? Как тебе идеяка?

– М-м-м... Не знаю. – Ире некстати вспомнился разговор со стилистом Сашей, которого она на дне рождения Аллиной подружки по ошибке приняла за специалиста по дорожной технике.

– Ну что – решено? Идем на выставку? – приставала неугомонная Алка.

– Не сейчас, – поморщилась Ирина. – У меня сейчас такое настроение мерзкое – всех кавалеров распугаю.

– А с чего у тебя вдруг такое настроение? – участливо поинтересовалась подруга.

– Ну, во-первых, из-за мамы...

– Что-то с Александрой Петровной случилось? – испугалась Алка.

– Случилось. – Ира вздохнула. – Но не то, что ты думаешь.

И в красках, со всеми подробностями изложила вчерашнюю сцену в Ленинской библиотеке. Разумеется, со всевозможными улучшениями, дополнениями и украшательствами.

Где-то в середине рассказа Алла начала хихикать, чем дальше, тем громче, а к финалу уже хохотала в полный голос.

– Ну тетя Саша! Ну дает стране угля! – сквозь смех выговорила она, осторожно, чтобы не смазать тушь, вытирая слезы согнутым указательным пальцем. – Ну, насмешила, я думала, умру со смеху...

– Тебе смешно... – пробурчала Ира и посмотрела на часы. – Слушай, Алк, пойдем кофейку попьем, а? Я сегодня позавтракать не успела, есть хочу, как Минотавр!..

Комната для отдыха сотрудников была пуста.

– Надо же, тут нет никого, – удивилась Ира. – И такое бывает...

– Ничего, это не надолго, – со знанием дела заверила Алла. – Сейчас девчонки пронюхают, что ты здесь, и мигом сбегутся. Их ведь пряником не корми – дай послушать твои байки.

Ира не стала развивать тему, Алла, впрочем, тоже. Ее сейчас интересовало совсем другое.

– Слушай, а ведь это мысль – можно же в Интернете познакомиться! – щебетала она, заливая воду в чайник. – Чего ж я-то, чукча, такой вариант упустила? Как-как, ты говоришь, сайт знакомств называется?

– Я толком не запомнила, – пожала плечами Ирина. – Что-то там про амурные дела...

– Ну ничего, я найду! Не этот сайт, так другой, их много.

Алла как в воду глядела. Чайник еще не успел закипеть, а дверь уже отворилась и на пороге возникла Наталья Николаевна с кружкой в руках.

– Здравствуйте, девочки! Ой, смотрю, вы уже чайник поставили? Это хорошо...

Буквально следом за ней явилась диджей Машка, потом влетела, как всегда спешащая, Танюша, а еще через пару минут, оживленно о чем-то болтая, вошли Катя и Леля. Одного чайника на всех не хватило, пришлось тут же ставить новый. Сотрудницы «Маяка» не без труда разместились вокруг небольшого стола и приготовились по полной программе насладиться перерывом в работе.

– Ну что, Ириш, как твои дела? – нетерпеливо спросила Леля, подставляя свою чашку с пакетиком чая под дымящуюся струю кипятка.

– Как твой Сергей? – поддержала Катя.

– Ой, девочки, лучше не спрашивайте... – погрустнела Ирина.

– А что такое? – все разом обернулись к ней.

– Да ничего хорошего! – со вздохом поведала рассказчица. – Позвал он меня вчера вечером к себе. Заходи, говорит, мои друзья придут, я тебя с ними познакомлю. Ну я и пошла без всякой задней мысли...

– То, что с друзьями решил знакомить, – это хороший признак, – заметила редакторша. – Значит, продемонстрировать хотел: вот, мол, какая у меня девушка. А если уж еще к родителям поведет...

– Да подождите вы, Наталья Николаевна, не перебивайте! – с досадой воскликнула Леля. – Ира ж говорит, что там все плохо у них... Рассказывай, Ир!

– Сначала все было в порядке, – печально продолжала Ира. – Пришли два парня и две девицы, мы посидели, хорошего красного вина попили, музыку послушали, стали танцевать. И тут одна из девиц, Марина, наглая такая блондинка, мне она сразу не понравилась, начала прямо-таки вешаться на Сергея...

– Да ты что? – хором ахнули слушательницы. – Прямо при тебе?!

– Представляете, девочки? – печально вещала рассказчица. – То обнимет его, то на колени сядет, а танцевала с ним уже вовсе так, что, как моя мама говорит, порядочный человек после такого танца жениться должен.

– Ну и нахалка! – возмутилась Леля.

Катя только качала головой, не находя слов. А Машка поинтересовалась:

– А он что же?

– Да самое жуткое, что он – ничего! Вел себя, как будто все так и надо! – У Иры повлажнели глаза.

– А ты-то что? – ужасалась Наталья Николаевна.

– А что я? Я-то что могла сделать? Хотела уйти, но меня Сережин друг задержал, забыла, как его зовут, лысый такой... В смысле, бритый наголо. Говорит, не обращай внимания на Маринку, она у нас известная эта самая... Ну, вы поняли кто. Я сдуру позволила себя уговорить, а они опять... Она от него вообще не отлипает, а он и не против. – Ира шмыгнула носом.

– Нет, ну какие же эти мужики сволочи! – всплеснула руками Таня. – Все причем, без единого исключения!

– Ну а потом-то, потом что было? – теребила Леля.

– А потом... Потом вообще страшно вспомнить! Я все-таки собралась уходить, так он даже провожать меня не пошел... Так с ней и остался. – Из глаз рассказчицы покатались слезы.

– Ирочка, ну ты что, не плачь, – засуежилась Катя. – Вот, выпей водички...

– Брось, Ирка, – поддержала Леля. – Не стоят они того, чтобы из-за них слезы лить!

– Ох, девочки... – вздохнула Наталья Николаевна. – Все мы знаем, что не стоят... А на самом деле в слезах, которые каждая из нас пролила по их милости, любого из них утопить можно...

– И было бы поделом, – мрачно сказала Маша. – Взять и утопить всех скопом...

Разговор коснулся значимой для всех темы и мог бы растянуться надолго, но тут в коридоре кто-то крикнул: «Катерина, ты где? К главному, срочно!»

Катя торопливо выскочила за дверь, следом за ней потихоньку разошлись и остальные. Ира тоже поднялась и хотела идти мыть

посуду, но ее остановила Алла, все это время сидевшая молча и удивленно глядевшая на подругу.

– Ир... Ир, ты чего?..

– В смысле? – Она опять шмыгнула носом.

– Ну, это... Ты не врешь, что ли? – тихо спросила Алка. Вид у нее был совершенно ошеломленный. – Я ж тебя сто лет знаю и вижу, когда ты сочиняешь, а когда правду говоришь...

– В общем... В общем, не вру. Почти... – Ира высморкалась в бумажный носовой платок.

– Ну дела! У тебя мужик появился, а я вообще не в теме! – возмутилась Алла. – А ну давай быстро говори – кто таков? Откуда взялся? Что у вас с ним?

На некоторое время Ирина заколебалась. Ей вдруг так захотелось поделиться с подругой всем тем, что накопилось в душе, рассказать, что она, похоже, истомившись от одиночества и ожидания перемен, ухитрилась не на шутку влюбиться в мужчину, с которым даже не знакома, которого видела всего-то несколько раз в жизни – да еще и через окно! Интересно, поймет ли ее Алка? Может, и поймет... А возможно, и нет. Она иногда бывает резкой, может поднять на смех... И уж точно – тут же начнет учить жизни, строить сложные стратегические и тактические конструкции, планируя, что Ире делать и как познакомиться с мужчиной в окне напротив. Нет, сейчас ей этого совершенно не хотелось.

– Это долгая история. – Ирина попыталась деликатно закрыть тему, но Алла не могла так просто оставить ее в покое:

– Ничего, я не тороплюсь.

Пришлось ответить более жестко:

– Зато я тороплюсь, мне уже пора заняться работой.

И, увидев, что подруга огорчена и даже обижена, Ира добавила примирительно:

– Извини, Алк, не обижайся. Я и правда сейчас не хочу говорить об этом, мне тяжело. Ты же слышала, что вчера было? Потом, когда немного успокоюсь, обязательно все тебе расскажу, ладно?

Такой вариант развития событий Аллу устроил.

Весь день Ирина тщетно пыталась сосредоточиться, но у нее ничего не получалось. Мужчина в окне напротив, его собака, бильярд-снукер и противная блондинка никак не выходил у Иры из головы.

Хорошо еще, что записи передачи у нее сегодня не было – а то неизвестно, что бы она там наплела...

После работы, пока ее машина вяло тащи́лась на Профсоюзную улицу, Ирина уже почти сумела уговорить себя раз и навсегда забыть о «Сергее». «В конце концов, это просто даже некрасиво, неэтично подглядывать за человеком в окно! – мысленно убеждала здравая половина ее рассудка другую половину, куда более легкомысленную. – Если бы кто-то так смотрел за тобой, тебе бы понравилось? Нет, конечно! Ты бы вообще сочла его извращенцем, не иначе! Тот-то и оно. Так что с этой минуты все, больше никаких «Сергеев» в окне! С чего ты вообще взяла, что его зовут «Сергеем»? Глупость какая!..»

Приехала домой и стойко продержалась минут сорок, даже больше, все сорок пять. Но, оказавшись на кухне, где не было занавесок, совершенно случайно все-таки бросила взгляд в окно. «Сергей» был дома. И один, вернее, только с собакой. Сидел себе как ни в чем не бывало на диване, пил пиво, смотрел телевизор, пес спал рядом. Блондинки нигде в квартире не наблюдалось. Впрочем, это, конечно, ровным счетом ничего не значило.

– Эх ты, изменщик коварный, – в сердцах сказала Ира. – Я-то тебе поверила... А ты такой же, как и все!

Тут зазвонил телефон – как обычно, мама.

– Детка, ты как? – осторожно спросила Александра Петровна.

– Нормально, – буркнула дочь.

– А у меня для тебя есть новость...

– Какая? – напряглась Ира. После вчерашнего ей что-то не хотелось никаких новостей.

– Тут кое-кто хочет с тобой повидаться... – Тон у мамы был интригующий и таинственный – ну просто до невозможности.

– Кто именно? – еще больше заволновалась дочь.

– Один твой давний знакомый.

– Мама, ты ОПЯТЬ? Мы же договорились!

– Иришка, но это же твой друг детства! Сережа с дачи. Я решила, что тебе будет интересно с ним увидеться...

Сережа с дачи... У Иры подогнулись колени, она не села, а почти упала на кровать.

– Мне тут совершенно случайно позвонила его мама, – торопливо продолжала Александра Петровна.

«Врет, – пронеслось в голове у Ирины. – Это она, моя мама, сама ей звонила, не иначе...» Но вслух она ничего не сказала, жадно слушала, что будет дальше.

– Мы с ней поболтали о том о сем... Она давно развелась с Серезиным отцом... Сереза институт закончил, работает экономистом в какой-то фирме. Так и не женился...

«Так и не женился, – эхом отдалось в голове Иры. – Сереза не женился...»

– Ну, мы с ней и решили, что вам с Серезей наверняка захочется увидеться, вспомнить детство и юность... Сначала думали встретиться всем вместе, у них или у меня, но потом пришли к выводу, что это не совсем удобно – ну что мы будем вам мешать?.. Алло? Иришка, ты меня слушаешь?

– Да мама... Мам... А ты уверена, что он вообще хочет меня видеть? Не получится по принципу «без меня меня женили»?

– Да что ты, дорогая! Его мама говорит, что он очень обрадовался, услышав о тебе! И сам предложил встретиться.

– Неужели сам? – Ире слабо в это верилось.

– Ну конечно же сам! – заверила мама честным-пречестным голосом. – В общем, он будет ждать тебя завтра в шесть в «Шоколаднице» на Баррикадной, напротив Зоопарка. Завтра суббота, вы оба свободны...

– А почему именно там? – удивилась Ира.

– Да так как-то... Это единственное кафе, которое мы с его мамой обе знаем. Сейчас же все так быстро меняется – только вчера было кафе, а сегодня глядишь – уже магазин, а завтра и вовсе банк. А тебе что, там неудобно?

– Нет-нет, ничего, удобно, – заверила Ирина. Ради Серези с дачи она готова была ехать куда угодно, на любой край света, хоть в Бибирево, хоть в Марьино.

– Только ты мне завтра обязательно позвони, – попросила Александра. – Расскажи, как и что.

– Конечно, мама...

Некоторое время Ира стояла у окна с замолчавшей трубкой в руках и не могла понять, что там изменилось. Вдруг до нее дошло – пошел снег! Первый снег в этом году. Густой и пушистый, он медленно и красиво падал крупными хлопьями, прямо как в

рождественских фильмах-сказках, которые всегда показывают в новогодние каникулы.

– С первым снегом тебя, «Сережа»! – сказала Ира мужчине в окне напротив. Но тот был так увлечен своим боевиком по телевизору, что не обратил на снег никакого внимания.

* * *

Снег шел всю ночь, устлая тротуары и крыши толстым рыхлым покрывалом, а утром, как это обычно и бывает в начале зимы, резко потеплело, и все стало таять. Ира, вышедшая из дома рано («Сергей» в квартире напротив еще спал), с грустью отметила, что если плюсовая температура сохранится, то к середине дня все вчерашнее снежное великолепие превратится в грязные лужи по колено. Впрочем, чего еще ожидать от ноября? Тем более в Москве.

В парикмахерской, куда Ира так спешила спозаранку, было еще мало клиентов, и дожидаться, пока освободится ее постоянный мастер, как это нередко случалось, не пришлось – она записалась самой первой.

– Что будем делать Ирочка? – поинтересовалась длинноногая красotka Джульетта, привычным движением беря в руки расческу. – Вон как у тебя волосы отросли, уже до лопаток, даже ниже. Стричь, надеюсь, не надумала? Жалко было бы такие волосы отрезать...

– Нет-нет, стричься я не собираюсь! – поспешно заверила Ира. – Если только подравнять чуть-чуть. А так мне нужно сделать прическу. Только, пожалуйста, Джуленька, очень красивую, я на свидание иду!

– Нет проблем! – заверила мастер. – Какую прическу будем делать: дневную, вечернюю?

– М-м-м... Можно, наверное, и вечернюю, свидание у меня в шесть, и оденусь я соответственно... Только, конечно, не слишком вычурную, не как на свадьбу.

– Да что я, не понимаю, что ли? – Джульетта даже обиделась.

Из салона Ира вышла настоящей красавицей. Прическа удалась на славу и была как раз такой, как хотелось Ирине – высокой, нарядной, не слишком претенциозной, но очень стильной, выглядящей вполне естественно. И с очаровательными вьющимися прядками по бокам,

которые Джульетта называла «завлекалочками». Когда мастер, сделав последние штрихи, отставила баллончик с лаком, сняла с Ирины непромокаемый фартук, Ира взглянула на свое отражение и чуть не ахнула от восторга. Против такой прически не смог бы устоять ни один мужчина, даже Сережа с дачи.

Довольная и счастливая от осознания собственной неотразимости Ира въехала в свой двор и с досадой обнаружила, что ее привычное место для парковки – чуть наискосок от подъезда – занято каким-то наглым внедорожником. Это был «чужой» автомобиль, незнакомый, не из их двора – очевидно, кто-то приехал на нем в гости. Как назло сегодня, в выходной день, все автовладельцы были дома, и двор оказался под завязку забит машинами. Ира с трудом нашла местечко для своей «деушки» на другом конце двора. Пустяк, конечно, но Ирина не любила, когда что-то выбивало ее из привычной колеи. Впрочем, эта мелкая неприятность вскоре забылась, вытесненная радостным предвкушением встречи с Сережей. Интересно, как он выглядит сейчас? Сильно ли изменился? Вдруг они не узнают друг друга? Хотя нет, не может такого быть! Разве она может не узнать эти руки, эти длиннющие ресницы, эту родинку над верхней губой, которая до сих пор снится ей по ночам? Все-таки странно, что Сережа так и не женился. Ему ведь в марте уже исполнилось тридцать шесть... Хотя что ж тут удивительного? Такие мужчины, как он, избалованные женским вниманием, как раз и не торопятся жениться, все ищут что-то необыкновенное, раздумывают, выбирают...

Остаток дня прошел в сборах и приятных необременительных хлопотах. Ира примеряла перед зеркалом одежду, подбирала аксессуары и то и дело поглядывала в окно на «Сергея», который все утро сидел за своим ноутбуком.

– Вот так тебе! – говорила Ира. – Получил? Ты небось думал, что я теперь все время буду сидеть дома и страдать? Не дожدهшься! Я иду на свидание! Вот!

Конечно, в голову нет-нет да и лезли неприятные мысли. А вдруг из этой затеи ничего не получится? Вдруг эта их первая встреча после стольких лет окажется и последней? Вдруг она не понравится Сереже, и он не захочет с ней больше общаться? Но Ирина волевым усилием просто не разрешила себе думать о плохом. Во-первых, как часто повторяет ее любимый начальник и учитель Федор Борисович,

мыслить всегда надо позитивно, настраиваясь только на лучшее – тогда и придет успех. Значит, она, Ира, обязательно постарается понравиться Сереже, чтобы он захотел возобновить знакомство. А во вторых, даже если, в крайнем случае, встреча закончится ничем, все равно здорово хотя бы повидать свою первую любовь...

Около двух «Сергею» в окне напротив позвонили на мобильник, он быстро собрался, погладил собаку и ушел. А Ира вернулась к своим приятным занятиям. Принимала ванну с ароматной солью, накладывала на лицо освежающую маску, красила ногти и планировала в уме линию своего поведения.

Она решила, что не будет слишком торопиться. Сегодня суббота, пробок быть не должно, значит, до «Баррикадной» она доедет максимум за полчаса. Получается, что из дома можно выйти полшестого или даже без двадцати шесть. А можно и без пятнадцати. Пусть Сережа подождет немного, поволнуется. Тем сильнее будет впечатление, которое произведет ее приход. Он-то помнит ее робкой стриженной девчонкой в мешковатых джинсах – а тут явится взрослая элегантная женщина с великолепной прической. И, между прочим, ведущая популярной телепередачи.

На одевание и макияж ушло немного больше времени, чем она предполагала, зато результат превзошел все ожидания. Ира откровенно любовалась собой в зеркало – давно она не выглядела так хорошо! Темно-зеленое трикотажное платье отлично подчеркивало все достоинства фигуры, легкий песочно-золотистый шарфик, изящно брошенный на плечи, добавлял ее облику немного пикантности и легкомыслия, а коричневая сумка и такого же цвета сапоги идеально сочетались между собой. Завершило ансамбль белоснежное кашемировое пальто, которое Ира купила в позапрошлом году в одном из бутиков ЦУМа за огромные деньги (очень уж понравилось!), но надевала лишь однажды, весной, на свадьбу подруги детства Насти, потому что ездить на машине в пальто ей было не слишком удобно, а пешком в нем по нашим улицам ходить – просто страшно, мгновенно испачкаешься...

В шесть минут седьмого ослепительно красивая Ира изящной походкой вышла из подъезда и зашагала через двор к своей «деушке». Она шла с гордо поднятой головой, но при этом старательно обходила лужи, которых, как она и предсказывала с утра, вокруг стало видимо-

невидимо. И вдруг... Ира даже не успела понять, как это произошло. Въехавшая во двор машина проехала прямо перед ней, и из-под колес на несчастную Ирину вылился веером брызг целый грязевой душ. Она только ахнула и застыла на месте.

Окно машины (это был красный «Форд», который Ира часто видела тут, во дворе) приоткрылось, и из него выглянул мужчина. Его лицо показалось Ирине смутно знакомым.

– Простите! Простите меня, пожалуйста, – проговорил он огорченно. – Я не заметил этой лужи. Честное слово, я не хотел...

Ира не отвечала, с ужасом разглядывая себя в свете фонаря. По всему белоснежному пальто там и сям проступали серо-черные пятна. О том, чтобы отправиться в таком виде на свидание с Сережей, не могло быть и речи.

– Вы испортили мне пальто... – тихо сказала она.

Мужчина торопливо сунул руку во внутренний карман черной кожаной куртки.

– Я готов компенсировать. Химчистку... Нет, всю вещь! Скажите, сколько стоит ваше пальто?..

Ира подняла на него глаза, на которые навернулись слезы... О каких деньгах он говорит, при чем тут деньги?! И вдруг она вспомнила, где видела этого человека – недели три назад в супермаркете. Это именно он тогда толкнул ее тележкой, из-за чего она выронила соус, перепачкала любимые джинсы и поругалась с грубой продавщицей.

– Опять вы! Мне от вас одни неприятности... – пробормотала Ира, развернулась и побежала к своему подъезду.

Поднимаясь в лифте, она все еще надеялась, что у нее получится спасти положение. Можно переодеться в куртку, и, если сделать это быстро, она, Ира, не так уж и сильно опоздает. Сереже, наверное, не понравится, что она так задержалась, но можно ведь позвонить маме, чтобы она позвонила Сережиной маме, а та позвонила бы Сереже и предупредила... И тогда все обойдется.

Однако зеркало в прихожей безжалостно обратило все надежды в прах.

От брызг из лужи пострадало не только пальто. Самое страшное, что прическа, этот замечательный шедевр, созданный руками кудесницы Джульетты, была безнадежно испорчена. Волосы все в

грязи, хорошенькие «завлекалочки» повисли сосульками. О том, чтобы идти на встречу с первой любовью с такой вот головой, не могло быть и речи.

Оставалось только хлопнуться на кровать и окончательно разрыдаться, что Ира и сделала. Вдоволь наревевшись, она все-таки нашла в себе силы пойти в ванную, пустила теплую воду в душе, разделась, с головой нырнула под струю, вылила на себя чуть не полфлакона шампуня и принялась яростно отмываться.

Когда она вернулась в комнату, там буквально разрывались от звонков оба телефона – и городской, и мобильный. Увидев на экране сотового надпись «мама», Ирина подошла к городскому. Оказалось, что на него тоже звонит Александра Петровна, очевидно, державшая в каждой руке по трубке.

– Ирочка, детка, у тебя все в порядке? Мне только что звонила Галя...

– Какая Галя? – не сразу поняла Ирина.

– Сережина мама. Она сказала, что Сережа прождал тебя целый час, но ты не пришла. Что-то случилось? Может, вы разминулись? Или ты его не узнала?

– Да нет же... – давясь слезами, Ира рассказала маме о том, что с ней произошло.

– Ну не плачь, не плачь, – утешала Александра. – Подумаешь, было бы из-за чего расстраиваться!.. Все уладится. Пальто почистим, прическу восстановим. А встречу с Сережей можно перенести. Да хоть завтра. Хочешь?

– Правда? – всхлипнула Ира. Такое простое решение как-то не пришло ей в голову. Она почему-то восприняла случившуюся с ней неприятность как драму, жуткую трагедию, крах всех надеж и мечтаний.

– Ну конечно же! – заверила мама Саша. – Сейчас я обо всем договорюсь и тебе перезвоню.

Кое-как утешившись и распрощавшись с мамой, Ира уже привычно взглянула в окно. Мужчина из квартиры напротив был дома. Он лежал на диване и читал какую-то книгу. Названия Ире, к сожалению, видно не было.

– «Сереж», давай выпьем? – сказала ему Ира. – А то у меня так паршиво на душе...

И полезла в бар, где у нее еще оставались полбутылки ликера.

* * *

– Ну, наконец-то! – улыбнулся Владимир, когда Саша вернулась в кухню. – Я уж подумал – ты совсем забыла, что я у тебя в гостях.

Он сидел на уже ставшем для него привычным месте – сбоку на угловом кухонном диванчике – и от скуки перелистывал снятую с ближайшей полки кулинарную книгу.

– Не сердись, мне нужно было сделать пару очень важных звонков. – Александра обошла стол и протиснулась на «хозяйское» место. Глотнула из своей любимой кружки в крупный красный горшок остывшего чая, поморщилась, снова поднялась, налила в электрический чайник воды из фильтра.

– И что ж у тебя за такие важные дела в субботу вечером? – Тон у Володи был вроде бы безразличный, но Саша чувствовала, что это только «вроде бы» и в душе ликовала. Похоже, все складывается как нельзя лучше. Она не просто небезразлична Володе, он явно заинтересован в ней, и, похоже, даже очень заинтересован.

– Да так... – ответила она столь небрежно, что Владимир не выдержал:

– И все-таки? Ты говорила с мужчиной?

– Да ты, никак, ревнуешь! – кокетливо рассмеялась Саша.

– Ну, не то чтобы ревную... – попытался защититься он. – Просто интересно. Вокруг тебя вечно столько мужиков вьется... То тебя какой-то Олег с работы подвозит, то некий Эдуард звонит...

Как ни старался Владимир говорить нейтральным тоном, его голос выдавал внутреннее напряжение.

– Ой, да ладно тебе! – отмахнулась Саша. – Это всё не считается. Просто старые друзья.

– А я кто?

– Ты тоже старый друг. – Алекс подошла к нему, на миг прижала к себе его седую голову, ласково взъерошила короткий ежик волос. Он поднял руки, чтобы ее обнять, но она ловко выскользнула из объятий и снова села за стол.

– И с кем же из старых друзей ты столько времени болтала сейчас по телефону? – строго спросил он.

– Володь, ну что ты, ей-богу! – Она пожалала плечами. – Сейчас я говорила с Иришкой, потом еще с одной женщиной... Вернее, сначала с женщиной, потом с Иришкой, потом опять с женщиной... А потом опять с Иришкой.

– Ой, темнишь ты что-то, Александра! – Он покачал головой. – Вот так приду в один прекрасный день к тебе – а ты тут с каким-нибудь жгучим брюнетом за романтическим ужином! – Владимир говорил вроде бы в шутку, но ни губы, ни глаза не улыбались.

Алекс сделала невинное лицо:

– Ну и что? Я свободная женщина. Никаких обязательств тебе не давала. И от тебя, кстати, тоже не требовала, – добавила она, а про себя подумала, что не дай бог Владимиру воспринять ее слова в серьез. Если он еще раз посмеет закрутить с какой-нибудь, она, Алекс, точно убьет обоих.

– Понятно, – негромко вздохнул Володя. – Ну и что ты решила?

– Ты о чем? – она потянулась к закипевшему чайнику.

– Ты уже забыла, о чем мы говорили? – Он нахмурился. – Ты обещала подумать, в какой театр ты хотела бы пойти. И на какой спектакль.

– Извини, я и правда забыла, – покаянно улыбнулась Саша.

– Ну, как знаешь. – Похоже, Володя и впрямь был обижен.

– Дорогой, не сердись. Ну такая уж я... беспамятная. Я правда очень переживаю за Иришку. Хочешь еще чаю?

– Хочу. А что такое с Иришкой? – встревожился Володя. – Какие-то неприятности?

– Нет, но...

На некоторое время Саша заколебалась, стоит ли говорить об этом ему, но потом все-таки решилась:

– Знаешь, у нее никак не складывается личная жизнь, – поведала она, разливая кипяток по чашкам. – Тридцать четыре года – и до сих пор ни мужа, ни детей, даже замужем не была ни разу.

– Это, к сожалению, очень типичная картина для нашего времени, – заметил Владимир, забирая кружку у нее из рук. – Многие девушки, вроде бы и симпатичные, интеллигентные и неглупые, так и

остаются одни. Конечно, печально – но все же не трагедия. Главное, что Ира здорова, с ней все в порядке. Работа, опять же интересная...

– Все это, конечно, так. – Саше стало немного досадно от того, что Володя не видит всей глубины и серьезности ситуации. – Понимаешь, Ира... Она у меня очень непрактичная, такая мечтательница-фантазерка, вечно в облаках витает. Сама она точно не справится со своей проблемой.

– И ты сама устраиваешь ее судьбу? – Он просил на нее быстрый взгляд.

– Ну да, – отвечала она, не заметив в его словах подвоха. – Разыскала тут старых знакомых по даче... Ты помнишь нашу дачу?

– В Заветах Ильича? Помню, конечно. – Взгляд Володи слегка затуманился от нахлынувших светлых воспоминаний. – Дом у вас такой уютный, добротный – твой отец рассказывал, как он его сам строил. И как сейчас ваша дача?

– Не знаю, – вздохнула Саша. – Мне ее продать пришлось...

– Вот как? Давно? И как же это случилось?

– Давно, уже лет пятнадцать назад. А как так вышло – я тебе в другой раз как-нибудь расскажу. Сейчас речь не о даче, а об Иринке.

– Ну да, конечно...

– Я уж ее и через Интернет пыталась с кем-нибудь познакомить...

– Ах вот зачем тебе понадобился Интернет! – улыбнулся Володя. – А я-то голову ломаю, почему у тебя одни сайты знакомств в закладках! И зачем, думаю, ты по ним лазишь?

– Где хочу – там и лажу! – возмутилась Александра.

Владимир смеялся.

– Ну, слава Ббогу, это для Иришки! А я был уверен, что ты сама ищешь спутника жизни. Какого-нибудь богатенького старичка-иностранца с собственной виллой.

– А что – это мысль! – хитро прищурилась Алекс. И Владимир сразу помрачнел.

* * *

Мамы переназначили встречу на другой же день, на воскресенье, тоже на шесть. Но в парикмахерскую Ира уже не пошла – если вдруг и

это свидание с первой любовью почему-либо сорвется, она будет чувствовать себя полной идиоткой. Поэтому ограничилась тем, что сама уложила тщательно вымытые вчера волосы и скрепила их нарядной заколкой. А место заляпанного пальто, которое было спрятано подальше в кладовку, чтоб лишний раз не попадалось на глаза и не напоминало о вчерашнем, заняла привычная кожаная куртка. Не так шикарно, конечно, зато машину вести удобнее.

С колотящимся от волнения сердцем, чувствуя, как неприятно повлажнели ее ладони, Ирина поднялась по невысокой лесенке в «Шоколадницу».

– Здравствуйте, – улыбнулась ей девушка в форменной рубашке, стоявшая у входа. – Налево у нас зал для курящих, направо – для некурящих...

– Ой! – растерялась Ирина. Об этом они не договорились. Сама-то она не курила, но Сережа во времена их юности иногда баловался, как все мальчишки. Кто знает, может, и втянулся на всю жизнь. Так что который из залов он выбрал сегодня, оставалось тайной покрытой мраком.

– Меня тут ждут, – ответила Ира девушке после некоторых раздумий. – Но я не знаю, где. Пойду посмотрю в обоих залах.

На самом деле залов оказалось даже не два, а три, поскольку отделение для некурящих еще подразделялось пополам стеной, в которую был вмонтирован большой аквариум с красивой подсветкой и огромными разноцветными рыбами. В другое время Ирина обязательно остановилась бы рассмотреть их повнимательнее – рыбки, в отличие от собак, ей нравились, она даже подумывала завести дома аквариум, но боялась, что не сумеет правильно ухаживать за ними. Вдруг рыбки погибнут, она тогда расстроится – а зачем ей лишние переживания?

Но сейчас Ире было не до рыбок. Народу в воскресный вечер в кафе собралось более чем достаточно, почти все места оказались заняты. Растерявшаяся Ирина, неловко лавируя в узких проходах между тесно поставленными столиками, никак не могла отыскать среди посетителей знакомое лицо с родинкой над верхней губой. Может быть, он просто еще не пришел, и сегодня ее очередь ждать?

– Ира! – вдруг окликнули ее из-за спины, когда Ирина наворачивала уже третий круг.

Она быстро обернулась. Из-за столика, расположенного на самом неудобном месте, прямо в проходе на пути к туалету, ей махал рукой худощавый мужчина в очках и черном свитере с высоким воротом. Ира только ахнула.

Это не был Сережа с дачи! Вернее, не так. Это *был* Сережа с дачи, но *не тот*. Не ее первая любовь, а другой парень из их компании, тот, которого, чтобы не возникло путаницы, все ребята с некоторым пренебрежением называли Сережиком.

Тогда это был некрасивый долговязый мальчик в больших очках, который от застенчивости вел себя излишне развязно и раздражал всю их компанию своими неуместными, а часто и просто глупыми шутками и манерой лезть во все, что его не касалось. Сейчас Сережик, конечно, несколько изменился, по крайней мере с виду. Он повзрослел и уже не казался таким худым и долговязым, выглядел просто высоким, а очки, хоть и сохранились, но сменились на более современные и элегантные и не портили его, а скорее даже украшали.

Возможно, будь на месте Иры другая женщина, она сочла бы, что Сережик изменился в лучшую сторону. Но у Ирины и мысли подобной не возникло. Она ведь ждала совсем другого Сережу! А тут – такой облом...

Вздыхнув и чувствуя себя так мерзко, как это только возможно, Ира приблизилась к нему. А что еще оставалось делать? Не сбегать же из кафе, в самом деле...

– Привет, – выдавила из себя Ирина.

– Привет Иришка! А я тебя сразу узнал. – Сережик сиял, как морда собаки пограничника на станции метро «Площадь революции», которая, как известно, исполняет желания. – Да ты садись, садись!..

– Спасибо, – буркнула она и опустилась на стул.

– А ты здорово изменилась! – Он продолжал бесцеремонно ее разглядывать.

– Ты тоже, – нехотя ответила Ира.

Сережик изо всех сил старался показать себя галантным кавалером:

– Что тебе заказать? Тут пирожные очень вкусные, десерты всякие...

– Я сладкого не ем, – сердито пробурчала она. – Берегу фигуру.

Он окинул ее взглядом:

– Ну да, ты, конечно, поправилась... Но пока еще ничего, ты не такая уж полная.

– Так себе комплементик! – фыркнула Ира.

– Девушка! Принесите нам меню, пожалуйста, – крикнул Сережик на весь зал.

– Не надо мне никакого меню! Дайте просто минералки без газа, и все. Я ненадолго, у меня еще дела сегодня.

– Ну вот, – огорчился Сережик. – А я-то надеялся, что мы с тобой посидим, поболтаем, детство вспомним...

– В другой раз как-нибудь, – отрезала Ира.

В глубине души она понимала, что совершенно напрасно злится на Сережика. Разве он виноват в том, что она надеялась на встречу с совсем другим человеком? Надо было бы взять себя в руки и хотя бы постараться быть вежливой, но Ира ничего не могла с собой поделать. Господи, ну почему, почему ей все время так не везет?!

– Значит, ты так и не вышла замуж? – вдруг спросил Сережик.

– Как видишь...

– Так это ж хорошо!

– Ты находишь? – скривилась Ира.

– Ну, конечно! Значит, теперь мы можем с тобой... это... Ну, в общем, встречаться. Ты ведь небось даже не знаешь, что я в тебя влюблен был? Два лета подряд, между седьмым и восьмым классом и между восьмым и девятым. Это я потом уже на Дашку переключился.

Ира ничего не ответила. Приняла у официантки свою воду, отпила большой глоток.

– А ты про Дашку ничего не слыхала? Как она там? Я ее тоже очень хотел бы повидать...

– Опоздал, – не без злорадства сказала Ирина. – Дашка уже замужем, сыну два с половиной года, сейчас второго ребенка ждет.

– Жаль, – огорчился Сережик, и это почему-то еще больше обидело Иру.

– А где ж ты раньше-то был? – ехидно поинтересовалась она.

Тот пожал плечами.

– Работал. Карьеру делал... Я экономист по специальности, сейчас работаю в строительной компании, «СТК-проджект», у Станислава Кириллова,^[6] знаешь такого?

Она отрицательно покачала головой.

– Ну что ж ты так! – осудил Сережик. – Это очень известный человек, и фирма у него одна из самых крупных в России. Я теперь начальник отдела, зарабатываю прилично, нашу компанию, тьфу-тьфу-тьфу, кризис пока не тронул... А ты, я знаю, ведущая на каком-то радио.

– Не на каком-то, а на «Маяке», – снова обиделась Ира.

– Ну извини, я просто радио вообще не слушаю. Когда в машине еду, предпочитаю аудиокниги крутить. Двух зайцев сразу убиваю. А ты, значит, не замужем...

– Слушай, сколько раз ты еще будешь это повторять? – вспылила Ирина.

– Да ладно тебе, не злись... Это ж я радуюсь. Я-то думал, ты одна из первых в нашей компании замуж выскочишь. Хоть за Сережку Москаленко. А у вас с ним не срослось, бросил он тебя, на ту красотку Маринку променял...

На этом терпение Иры лопнуло. Нет уж, хватит с нее! При всем уважении к маме она больше ни минуты не желает оставаться в обществе Сережика! Ирина поднялась и торопливо сунула руки в рукава куртки.

– Ладно, я поехала! Пока! Спасибо за угощение!

Она подхватила свою сумочку, которая так идеально сочеталась по цвету с сапогами, и зашагала к выходу.

– Ир! Ир, ну ты чего, обиделась, что ли? – крикнул ей вслед Сережик, но она даже не обернулась.

«Если я приеду домой, посмотрю в окно, а у него там блондинка, то возьму и повешусь», – сердито думала Ира, мчась по вечерним улицам. Но, к счастью, хотя бы тут все оказалось в порядке. «Сергей» из квартиры напротив был один, сидел за своим ноутбуком, не отрывая взгляда от экрана, и у Ирины немного отлегло от сердца.

– Вот скажи, «Сереж», – почему мне так не везет в жизни? – спросила она, заняв свое привычное «наблюдательное» место в кресле у окна. – Все как-то наперекосяк идет... Одна радость – с тобой поговорить. Если бы ты еще хоть что-нибудь отвечал...

* * *

Время шло, дни текли за днями, похожие один на другой, но это уже не вызывало у Иры такого гнетущего чувства тоски, как раньше. Проснувшись утром, она первым делом взглядывала в окно и радовалась, увидев в квартире напротив своего «Сергея». Обычно он в это время еще спал, так как был «совой», поздно ложился, не слишком рано вставал и обычно никуда не торопился по утрам, из чего Ирина сделала вывод о том, что у него, как и у нее, гибкий график работы, а собака привыкла. Скорее всего, что-то творческое: он часто и подолгу просиживал за раскрытым ноутбуком и явно не играл в игры, а делал что-то серьезное, писал или, может, рисовал – таких подробностей ей, к сожалению, не было видно.

В отличие от большинства мужчин, которых Ира знала лично или по рассказам подруг, «Сергей» любил готовить, мог иногда затеять целое пиршество, часа два, а то и три провести на кухне, нарезая что-то, помешивая, добавляя специи и снимая пробу, а потом съесть все это один, вернее, вдвоем с собакой. Впрочем, подобное кулинарное вдохновение посещало его довольно редко, не чаще раза в неделю, обычно по выходным. В другие дни он довольствовался полуфабрикатами, наскоро разогретыми в микроволновке.

Дневной ритм жизни мужчины в окне напротив был непредсказуем. Он мог целыми сутками не выходить из квартиры, разве с собакой гулять; мог уехать в обед часа на два или на три, потом вернуться и сидеть весь вечер дома; а мог сорваться около полудня и не возвращаться допоздна или даже до утра. Эти его долгие отлучки беспокоили и даже пугали Иру. Каждый раз, когда «Сергей» задерживался, она начинала волноваться и придумывать себе всякие ужасы. Зато вечера, которые он проводил дома, были для нее почти настоящим счастьем.

Раньше Ирина терпеть не могла серых осенних и зимних дней и долгих ночей, а теперь радовалась тому, что за окном пасмурно или темно – в квартире у «Сергея» почти все время горел свет, и она вся была видна из ее окон как на ладони. Сама Ира, наоборот, зажигала лампы редко, что, как она была уверена, позволяло ей оставаться невидимой для мужчины в окне напротив. Чтобы удобнее было за ним наблюдать, Ира сделала в своей гостиной перестановку: с немалым трудом придвинула диван к самому подоконнику, справа от него поставила журнальный столик, а телевизор переселила на новое место,

слева от окна. Когда «Сергей» включал «ящик» (у него была плазменная панель с довольно большим экраном), Ира находила ту же программу и смотрела вместе с ним новости, приключенческие фильмы или так полюбившийся ей снукер.

Ей очень нравилось разговаривать с ним. И раньше, еще до появления в ее жизни мужчины в окне напротив, Ира, находясь дома одна, иногда принималась разговаривать вслух, сама с собой, но заметив это, тут же пугалась и замолкала, поскольку считала почему-то, что это – первый признак сумасшествия. Теперь все было по-другому – она же говорила не сама с собой, а с «Сергеем»! И потому, ничего не боясь и не стесняясь, Ирина пересказывала ему свои сны, делилась всем тем радостным или неприятным, что происходило у нее на работе, «обсуждала» с ним прочитанные книги или просмотренные «вместе» и фильмы и иногда даже спрашивала совета. Для последних случаев у нее появилось что-то вроде особой игры – она искала ответ, в поступках «Сергея». Вот, скажем, однажды она случайно увидела, как водитель Ринат, любовник рекламщицы Лели, потихоньку обнимается в укромном углу с секретаршей главного Танечкой. Ира несколько дней мучилась сомнениями – сказать об этом Леле или не говорить? Вроде бы они с ней приятельницы, почти подруги... Спросила совета у мужчины в окне напротив. Тот, как сидел за своим компьютером, так и не пошевелился, и Ирина расценила, что это значит «нет». И верно – что она будет лезть в чужие дела? Пусть ребята сами разбираются в своем любовном треугольнике. Зато когда Ира через пару дней поинтересовалась мнением «Сергея», пора ли уже ставить на «деушку» шипованную резину или подождать настоящих морозов, он тут же встал из-за компьютера, потянулся, прошелся по комнате. И Ира решила, что это, конечно же, знак, обозначающий «да». Значит, время «переобувать» машину на зиму уже пришло.

Иногда у «Сергея» бывали в гостях друзья, чаще всего тот самый бритый наголо крепыш. Приятели пили пиво с креветками или соленой рыбой, смотрели вместе телевизор или просто разговаривали. Женщин Ирина, к своему великому счастью, больше не видела. Вернее, почти не видела.

Однажды часов в семь вечера в квартире напротив неожиданно появилась гостья. Это было действительно неожиданно, не только для Иры, но и для хозяина дома, который сидел за ноутбуком в домашних

джинсах, старой футболке и тапках на босу ногу, работал, прихлебывал чай из большой кружки и явно никого не ждал. Судя по тому, как он резко оторвался от компьютера, поднялся и пошел в прихожую, Ирина поняла, что ему позвонили в дверь. Она заинтересованно вытянула шею и, увидев визитера, тотчас сжала от досады кулаки – «Сергей» вернулся в комнату в обществе той самой сексуальной блондинки, которая когда-то оставалась у него после вечеринки и которую Ира, сама не зная почему, окрестила «Мариной».

Настроение у Ирины сразу резко испортилось. Не помог даже тот, весьма нелюбезный прием, который устроила гостье собака. Пес, отчего-то тоже невзлюбивший «Марину» принялся, судя по движениям, лаять на нее, а когда девица протянула к нему руку, намереваясь погладить, попытался цапнуть ее за палец. «Марина» стала возмущенно жестикулировать и кричать (крика, конечно, Ира не слышала, но догадаться о нем было несложно), хозяин был вынужден изолировать собаку, очевидно, закрыв ее в ванной. Удивительно, но Ирина, до фобии боящаяся укусов собак, наблюдая за этой сценой, была всей душой на стороне сеттера. Но вот нарушитель спокойствия был изгнан, в квартире напротив воцарился мир, блондинка живописно раскинулась на диване, закинув одну бесконечную ногу на другую.

«Чтоб тебя!.. – с досадой подумала Ира. – Весь вечер мне испортила!»

В тот день с утра шел густой мокрый снег, который сильно мешал обзору, но где-то час назад осадки прекратились, «видимость наладилась» как называла это для себя Ирина. Довольная, она приготовилась к долгому уютному вечеру, намыла полную вазочку мандаринов, налила себе большой стакан свежесжатого яблочного сока и с комфортом устроилась на своем наблюдательном посту, предвкушая отличный вечер. И тут на тебе – явление второе. Те же и «Марина».

Первым порывом было отойти от окна и вообще задернуть штору. Однако любопытство пересилило. Было в их поведении – и блондинки, и особенно «Сергея», что-то такое, что заставляло понять: это не обычное любовное свидание. Между двумя людьми в окне напротив чувствовалось какое-то напряжение, упругое и опасное, как слишком сильно натянутая струна.

«Уйду от окна, когда они обниматься начнут, – решила для себя Ира и осталась на диване. – А пока посмотрю».

Но до объятий в этот вечер дело не дошло, все свелось к продолжительной беседе. Сначала разговор между мужчиной и женщиной тек довольно плавно. «Марина» время от времени переменяла позы на диване, то откидывалась назад, то вытягивала длинные ноги, то поджимала их по себя, то красиво закидывала руку на спинку. «Сергей» же все это время сидел, слегка согнувшись, уперев локти в стол и положив подбородок на сплетенные пальцы, и почти не двигался. Затем они словно поменялись ролями, «Марина» замерла на диване, а «Сергей» распрямился, принялся жестикулировать, потом даже встал. Встала и блондинка.

«Эге! Да они, похоже, повздорили!» – догадалась Ирина.

Через некоторое время мужчина и женщина в окне уже стояли друг напротив друга, и даже несмотря на отсутствие звука было совершенно ясно, что они ссорятся. Кончилось дело тем, что блондинка, судя по всему, выкрикнула в лицо мужчине что-то весьма оскорбительное и, подхватив свою шубку, удалилась. Наблюдавшая за ними Ира так прониклась увиденным, что на минуту ей даже показалось, что она слышит обиженный цокот каблучков «Марины». «Сергей» запер за гостьей дверь и вернулся к компьютеру.

Казалось бы, что за дело Ирине до их ссоры? Какую выгоду этот скандал мог принести ей, женщине, которую «Сергей» никогда не видел и о существовании которой даже не подозревал? Да никакой. А вот поди ж ты – на сердце все цело и пело, точно на даче в мае.

– Не расстраивайся, «Сереж», – ласково проговорила Ира. – Ну ее, эту Марину! Я как чувствовала, что она нехороший человек...

Впрочем, «Сергей» совсем не выглядел расстроенным. Сразу после ухода блондинки он выпустил из ванной свою собачку и весело играл с ней. А Ира смотрела на них и радовалась.

Конечно, она задумывалась о том, что ведет себя странно. Ее любовь – а она действительно чувствовала, что полюбила мужчину в окне напротив, – была по меньшей мере необычна, чтобы не сказать хуже. Хотя, с другой стороны, разве так уж это необычно? Разве не именно такую любовь испытывал, скажем, великий Данте, автор бессмертной «Божественной комедии», к юной Беатриче? Он тоже видел свою прекрасную даму всего несколько раз в жизни, и то издали,

встречая случайно на улице или, однажды, на чьем-то свадебном торжестве среди многочисленных гостей, но ему вполне было достаточно этого для того, чтобы создавать в ее честь сонеты, благодаря которым имя его возлюбленной осталось в веках, навсегда сделавшись символом чистоты и возвышенной страсти. Ирина подготовила передачу о Данте и, наверное, впервые за всю историю цикла «Легенды любви» отождествляла себя не с женщиной, а с мужчиной – ее чувство к «Сергею» сильно напоминало ей любовь Данте к Беатриче.

Перечитывая классику, Ирина с удивлением и радостью открывала, как много в художественной литературе описаний любви героев к людям, которых они едва знали. Взять, скажем, Незнакомку Стефана Цвейга^[7] – как похожа ее история на историю Иры! Разве что писатель живет не в квартире напротив, а на той же лестничной клетке. А Пушкинская Татьяна? Она ведь тоже полюбила Онегина с первого взгляда, не обменявшись с ним и парой слов! Выходит, то, что случилось с ней, Ириной, не так уж глупо и странно... Наверное, «своего» человека, того, кто предназначен нам судьбой, свою, как говорят, половинку мы нередко сразу выделяем из толпы, интуитивно узнаем при самой первой встрече. И сразу чувствуем, а иногда и твердо знаем – это *он* или *она!* – даже если видим впервые. Потом будут другие встречи, разговоры, различные ситуации, в которых мы будем лучше и лучше узнавать своего избранника или избранницу; его или ее образ, возникший в нашем сознании, будет приобретать новые грани и краски – но все это станет лишь подтверждением открытия, сделанного в момент первого озарения.

Ирина сама не знала, стремится ли она к более близкому знакомству с мужчиной в окне напротив. С одной стороны – да, конечно, этого очень хотелось. Целыми днями, сидя на своем наблюдательном посту, она мечтала об их с «Сережей» встрече – знакомстве, взаимной симпатии, которая обязательно возникнет, первом свидании, объяснении, свадьбе и долгой счастливой жизни сначала вдвоем, потом с детьми, затем с внуками... Этих воображаемых сцен было такое количество, что они казались неисчерпаемыми: сегодня можно было представлять, как они выбирают подвенечные наряды, завтра – как едут в свадебное путешествие в Париж, послезавтра – как провожают первого сентября

в первый класс старшего сына (Серезу, конечно!), а еще через день – как покупают дачу, как две капли воды похожую на ту, что была когда-то у Бобровых в Заветах Ильича.

А с другой стороны, в глубине души Ирина чувствовала, что и не хочет ничего менять. Ни для кого не новость, что в жизни все получается совсем не так красиво и гладко, как в фантазиях. И кто знает, чем обернется их знакомство, если оно все-таки состоится? Вдруг она не понравится «Сергею» или еще что-нибудь не сложится? И тогда Ира не только ничего не приобретет, но может и лишиться того самого дорогого, что есть у нее на сегодняшний день – образа мужчины в окне напротив.

* * *

– М-да... И давно это с тобой? – поинтересовалась после паузы Алла.

– Давно. Уже скоро два месяца, – раздался тяжелый вздох.

Подруги сидели у Ирины в гостиной, пили кофе с коньяком и конфетами и, как это называется в старых романах, сумерничали, не зажигая люстру. На улице уже смеркалось, но от снега, укрывавшего двор, казалось светлее.

– Черт, как бы я хотела на него посмотреть! – Алка в который уже раз за вечер бросила взгляд на темные окна квартиры напротив.

– Я бы сама хотела его тебе показать. – Ира устроилась с ногами на своем привычном месте – диване, придвинутом к подоконнику. – Но он, как назло, именно сегодня куда-то уехал...

Алка помолчала немного, затем взглянула на приятельницу с некоторым подозрением:

– Иренция, а ты не это? Не того?

– В каком смысле? – не поняла та.

– Ну, в смысле – не сочиняешь? Как это у тебя принято?

– Нет, – покачала головой Ирина. – Сейчас я говорю чистую правду...

Алла снова помолчала, а потом спросила с укором:

– Так что ж ты, дурочка, раньше-то мне ничего не рассказывала?

– Сама не знаю... – пожала плечами Ира. – Наверное, не думала, что у меня это все так серьезно. Точнее, я чувствовала, что влюбилась, но боялась сама себе в этом признаться, понимаешь?

– Ну что за глупости ты говоришь! – усмехнулась Алла. – Как можно влюбиться в человека, которого ты никогда толком и не видела? Что ж это за любовь, если ты о нем ничего не знаешь?

– Я о нем не знаю? – обиделась Ира. – Да я знаю о нем все! Во сколько встает утром, во сколько ложится – он «сова», всегда сидит допоздна. Знаю, что ест на завтрак, когда выходит гулять с собакой, по сколько часов за компьютером сидит, какую гимнастику делает, какое пиво любит, что по телевизору смотрит, даже какие программы предпочитает! Он обычно смотрит...

– Знаю, знаю, – закивала подруга, не дав ей договорить, – новости, боевики и бильярд. Этот, как его там, снукер... Ты мне об этом уже все уши прожужжала.

Ира ничего не ответила.

– Да уж, воистину – нет такой проблемы, которую люди бы сами себе не создали, – продолжала Алла. – Это ж надо такое учудить: влюбиться, глядя в окно! Увидела бы такое в киношке – ни за что бы не поверила. Но от тебя, фантазерки, всего можно ожидать...

Ира обиженно поджала губы. Алла покосилась на нее и рассмеялась.

– Да не дуйся ты! Нормально все.

Потрепала подругу по голове, съела еще конфету, глотнула кофе. И снова вернулась к разговору:

– Не вешай нос, Иренция, все не так уж плохо! Ты хоть его видишь, своего Сергея, знаешь, где он живет и чем занимается, а это гораздо лучше, чем все мои виртуальные знакомства. Когда при встрече вместо бизнесмена спортивного телосложения перед тобой появляется безработный ханурик. Который к тому же единственное, чего хочет от тебя – это затащить в постель на один раз и быстренько забыть о твоём существовании. Да еще считает, что он тебя этим облагодетельствовал!

– Да уж... – посочувствовала Ирина. Эту тему они с подругой обсудили уже множество раз.

– Поэтому делаем вывод, – бойко продолжала Алла. – Какой? Правильно. Нужно срочно познакомиться с ним поближе!

– А как ты себе это представляешь? – пожала плечами Ира. – Позвонить к нему в квартиру и сказать: «Здрасьте, Сережа, я ваша соседка из квартиры напротив, последние два месяца только и делаю, что пялюсь на вас в окно!» Вот он обрадуется!

– Ну зачем все так утрировать? Мало ли способов есть? Сосед ведь... Кстати, а откуда ты знаешь, что его Сережей зовут? – оживилась Алла.

Ира отмахнулась:

– Да не знаю я его имени! Просто придумала для себя. Надо ж его как-то называть...

Алка допила совсем остывший кофе и поднялась.

– Пошли на кухню, я покурю.

Ира покорно потопала за ней.

– Ох, Иренция, ничего-то ты без меня не можешь, – притворно вздохнула Алка, привалившись спиной к холодильнику и затягиваясь сигаретой. – Ладно, уж так и быть, не брошу тебя в беде, помогу, чем могу. Слушай сюда. Во сколько, ты говоришь, он с собачкой-то гуляет?

– Вечером часов в десять, если по телевизору ничего интересного нет, – быстро ответила Ира.

– Ну, вот и славненько. Значит, ты, как только увидишь, что он отправился на променаж, быстренько намарафечиваешься – и бегом во двор. Подваливаешь к нему и умильно так говоришь: «Ой, какой прелестный у вас песик! А какая это порода? А погладить его можно?»

– Ой, ты что! – Иру даже передернуло. – Чтобы я собаку погладила? Да ни за что на свете! Я же их на дух не переношу...

Алла поглядела на нее с сочувствием, как на больную.

– Да, послала ж мне судьба подружку... Не человек, а проблема ходячая. Куда не кинь – везде клин! Собак не переносит, с мужиком познакомиться не умеет... Прямо убогая какая-то! Ладно, будем отделять мух от котлет и решать проблемы постепенно. Начнем с собак. Я сейчас.

Алла, оставив дымящуюся сигарету в пепельнице, сбегала в прихожую, вернулась со своей сумкой и принялась в ней рыться.

– Блин, нету! Куда ж я ее засунула?

– А что ты ищешь? – недоумевала Ирина.

– Да погоди ты! Вот она. Слава богу, а я уж думала, что потеряла... – Алла потрясла перед носом у подруги чьей-то визитной

карточкой.

– А что это?

– Не видишь, что ли? Визитка.

– Чья?

– Сейчас расскажу. Ты знаешь, что у нас на радио недавно была запись беседы, что-то такое о судьбе лирики в двадцать первом веке?

– Знаю, конечно, – кивнула Ира. – ФБР очень хотел, чтобы я тоже в том разговоре участие приняла, но начальство не согласилось почему-то...

– Ну вот, тебя там не было, а Лола Руслановна, – Алла сверилась с карточкой, – была.

– Что еще за Лола Руслановна такая?

– Психолог. Кандидат наук, между прочим. Очень милая женщина нашего с тобой возраста, замужем, двое детей... Дала мне свою визитку и сказала обращаться если что...

– И что?

– Иренция, ты иногда бываешь тупа, как сибирский валенок, – нахмурилась Алла. – Ладно, объясняю по буквам. Твой страх перед собаками – это психологическая проблема, так?

– Ну, допустим.

– Вот и допускай. Кто, по-твоему, должен помочь решить психологическую проблему, как не психолог?

Ира задумалась. Пойти на прием к психологу? А, собственно, почему бы и нет? В этом нет ничего стыдного или особенного, в западных фильмах и книгах героини постоянно посещают своих психоаналитиков, это считается даже престижным. Да и у нас, пожалуй, тоже. Некоторые Ирины знакомые обращались к психологам, многие остались довольны. Вот Настя, например, подруга детства, несколько месяцев ходила на психологический тренинг, и ей это очень помогло: была нервной, дерганной, замотанной, а стала оптимистичной, более уверенной в себе и в тот же год замуж вышла. Может, и правда специалист сумеет помочь Ире избавиться от ее навязчивого страха перед собаками? Тогда, глядишь, уже ничто не помешает ей познакомиться с «Сережей»...

– Ладно, я подумаю, – проговорила она, наконец. – Дай мне, пожалуйста, визитку. Может, и вправду обращусь к этой Лоле...

* * *

«...в передаче принимали участие: кандидат психологических наук Лола Юсупова; певица, заслуженная артистка России, Людмила Се...»

– Алекс, можно тебя на минуточку? – раздалось из кухни.

Саша неохотно поднялась с дивана, в котором она с таким комфортом устроилась, слушая передачу, и отправилась на зов.

– Что? Ты мне, между прочим, всего минуту не дал дослушать!

На кухне вовсю кипела работа. Владимир, в ее красном клетчатом фартуке, с закатанными рукавами рубашки, резал, ловко орудуя ножом, зелень на разделочной доске, вокруг повсюду были живописно разложены овощи, расставлены миски, баночки со специями, на плите весело булькала большая кастрюля, распространяя по всей квартире головокружительный аромат тушеного мяса.

– Надеюсь, ничего важного ты не пропустила, – улыбнулся Володя. – Будь добра, почисть мне лук, пожалуйста. Двух крупных луковиц, думаю, будет достаточно.

– Все равно, я не люблю, когда меня отрывают, – проворчала Саша, вставая к раковине.

– Дорогая моя, но ты же постоянно слушаешь этот свой «Маяк»...

– Ну и что? У меня, между прочим, там дочь передачу ведет.

– Ирочкины передачи выходят раз в неделю, я теперь их сам регулярно слушаю. А ты проводишь у приемника целые дни.

– У меня, между прочим, не какой-нибудь приемник, а музыкальный центр.

– Очень рад за тебя, дорогая.

– А я вот за себя сейчас нисколько не рада!

Александра и впрямь была на взводе. Только что, во время передачи, ей пришла в голову простая, но как показалось Саше, очень удачная мысль – надо посоветоваться насчет Иришки с психологом. Вообще-то, эта идея посещала ее и раньше, Алекс даже обсуждала ее с подругой Ольгой, но та сказала, что идти надо не абы к кому, а только к профессионалу – чтобы наверняка. А то психологи в наши дни стали вроде магов или народных целителей: очень легко напороться на шарлатана, который возьмет с тебя деньги, может быть, даже немалые,

а помочь ничем не поможет. И сейчас, слушая выступление этой Лолы, Саша решила, что нашла именно такого специалиста, который ей нужен. Психолог – сразу чувствуется, что кандидат наук! – говорила умно и по делу. Правда, иногда слишком злоупотребляла непонятными научными терминами, но Александра сочла, что это не самое страшное. Она была уверена, что в конце передачи скажут телефон этой Лолы, даже ручку приготовила записать. И надо ж было Володе отвлечь ее так не вовремя!

Владимир тем временем заглянул ей через плечо.

– Лук готов? Спасибо больше.

Она с досадой сунула ему луковицы и, не удержавшись, выпалила:

– И вообще – что ты ко мне придираешься? Почему я не могу делать то, что я хочу?

– Сашенька, я не придираюсь. – Володя нарезал лук, отложил нож, вытер руки о фартук, взял ее ладонь в свои и поглядел прямо в глаза. – Мне просто хочется, когда мы вместе, чтобы ты общалась со мной, а не была где-то еще – хоть у приемника, хоть у музыкального центра, хоть у телефона.

Алекс ничего не ответила. Выдернула руку, отвернулась к раковине и принялась мыть накопившуюся за время готовки посуду.

Пожав плечами, Владимир подошел к плите, поднял крышку кастрюли, ссыпал туда лук и зелень, зачерпнул варево, подул на ложку:

– Попробуй, соли достаточно?

– Ты готовишь – ты и пробуй! – буркнула она, не оборачиваясь.

– Алекс, ну что ты злишься? Чем я тебя обидел?

– Я слушала сейчас по «Маяку» выступление психолога, хотела записать ее координаты – а ты меня отвлек!

– Родная, да зачем тебе психолог? – Владимир с удивлением уставился на нее.

– Неважно. Нужен – и все.

– Ох, Сашка, вечно ты что-то темнишь, скрываешь от меня... Не к добру это, чует мое сердце. Ладно, сейчас найдем твоего психолога, – он снова вытер руки о фартук.

– Как ты ее теперь найдешь? – недоверчиво поинтересовалась Саша.

– Да элементарно, Ватсон. Все через тот же Интернет. Ты ведь запомнила, как его зовут? В передаче назвали имя?

– Ну да. Лола Юсупова.

– Тогда все в порядке. Иди включай компьютер, я сейчас нарежу овощи и тоже подойду.

– Думаешь, в Интернете есть ее данные? – засомневалась Алекс.

– Не думаю, а уверен. Обязательно должны быть!

Владимир оказался прав. Поисковая система Интернета мгновенно вывела их на официальный сайт кандидата психологических наук Л.Р. Юсуповой – с фотографией, подробным перечнем услуг, прейскурантом и контактными телефонами.

– Ну, вот видишь... Вот она вся тут, твоя психологиня, как на ладони. А недешевые у нее услуги, между прочим, цены-то ого-го, – заметил Володя. – А вот тут – смотри – контактная информация. Жаль, у тебя принтера нет, а то бы сразу и распечатали ее координаты...

– Ничего, я перепишу. – Саша открыла записную книжку, разыскала уже успевшую куда-то задеваться ручку и заскользила ею по бумаге. – А цены меня не пугают. На хорошее дело можно и раскошелиться.

Владимир некоторое время наблюдал за ней, затем произнес:

– Знаешь, Алекс, я бы хотел серьезно поговорить с тобой...

– ...девяносто три – семьдесят пять. С десяти до восемнадцати, кроме воскресенья... Да? – Она подняла голову. – Я тебя слушаю.

– Саш... – Владимир стоял над ней, засунув большие пальцы рук за боковые тесемки фартука, и от волнения слегка покачивался с пятки на носок и обратно. – Что между нами происходит, а?

– В каком смысле? – недоуменно проворковала Александра.

– В таком смысле, что я никак не могу понять, как же ты ко мне относишься. – Он осторожно присел на диван напротив нее. – Мы с тобой встречаемся, ходим в театр, на прогулки, ты приглашаешь меня к себе и даже говоришь, что рада меня видеть... Но при этом ты все время вроде бы и рядом со мной и одновременно очень далеко. Что с тобой?

– Я думаю о дочке, – пожала плечами Саша.

Он покачал головой:

– Нет, Алекс, не убедила. Гнилая отмазка, как сказали бы мои студенты. Не верю я, что мысли об Иринке могут настолько занимать

тебя. Ты реально что-то не договариваешь. Почему? Если у тебя есть кто-то другой, так ты скажи прямо – и я оставлю тебя в покое. Точнее – оставлю *вас* в покое...

Саша вздохнула. Она давно предчувствовала этот разговор, готовилась к нему и одновременно боялась его. И для начала попробовала свести все к шутке.

– Ты что же, отношения со мной выяснять собрался? – нарочито весело спросила она.

– А если собрался?

– Тогда начинай первым. Ты же мужчина. Вот и отвечай: как ты ко мне относишься? – Она делала вид, что забавляется, но внутри все напряглось в ожидании его ответа.

– Изволь, – весь облик Володи, от выражения лица до интонаций голоса говорил о том, что он, в отличие от нее, не шутит. – Алекс, я очень рад, что снова нашел тебя. Сделай милость, избавь меня, пожалуйста, от мелодраматизма и не заставляй говорить киношные пошлости, вроде: «Я понял, что все эти годы любил только тебя одну»...

– А что, это не так? – не удержалась Саша.

– Это так, – признался он после паузы. – Но сказать об этом мне хотелось бы несколько иначе.

– Вот как? И как же именно?

– Ну, например, так: Алекс, мы оба уже не дети, и неизвестно, сколько лет нам еще осталось впереди. Но я хотел бы, чтобы все эти годы мы были бы вместе. Такая формулировка тебя устроит?

– Устроит, – согласилась Александра, чувствуя себя очень странно. Ей бы радоваться, ликовать, получив то, чего она так жаждала уже месяца полтора... да при чем тут полтора месяца? Всю жизнь! А она ощущала только усталость и растерянность.

– Тогда твоя очередь. – Было ясно, что Володе тоже не так-то легко дается этот разговор.

– Видишь ли, дело в том... – начала Александра и запнулась. – Ты действительно хочешь знать, как я к тебе отношусь? – Она пристально поглядела на него.

– Естественно. – Он выглядел очень серьезным.

– Ну, тогда слушай, – решительно заявила Саша. – Я тебе не верю, Володя. Однажды ты уже предал меня – и я не хочу повторения!

Его точно обухом по голове ударили.

– Алекс, родная, но ведь это случилось так давно... – забормотал Володя. – Я был совсем мальчишкой...

– Неважно, – сказала, как отрезала.

Он помолчал, а потом спросил:

– И что, ты за этим собралась идти к психологу?

В первый момент она даже удивилась, а потом расхохоталась.

– Из-за этого? Вот еще! Слишком много чести! Нет, конечно. Психолог нужен не мне, а... – Она замолчала. Сказать, что ли, правду? Так он опять не поверит, пожалуй. Он же ясно дал ей понять, что не верит, когда она призналась, что сильно озабочена проблемами дочери. Володя, конечно, хороший, даже очень хороший... Но он мужчина, а ни один мужчина, даже самый лучший, не в состоянии понять, что такое материнские переживания. И потом, если она признается, что хочет обратиться к психологу из-за Ирины, он, чего доброго, еще начнет учить ее жить, станет читать нотации, что напрасно она вмешивается в жизнь дочери. Нет, не стоит ему ничего говорить!

– ... а совсем другому человеку, – закончила Александра.

– Опять твои интриги, Алекс! – развел руками Володя. – Я уже начинаю думать бог знает что. Скоро ты меня совсем в Отелло превратишь!

– Так тебе и надо! Я свое отревновала – теперь твоя очередь.

* * *

Офис кандидата психологических наук Лолы Юсуповой оказался совсем недалеко от дома Александры, на Шаболовке. Сашу это очень устроило: всего несколько остановок на троллейбусе, потом пять минут пешком – и она на месте. Психологиня, как назвал ее Володя, снимала большую квартиру на первом этаже старого дома. Внутри Саше очень понравилось – обстановка стильная, современная, подобрана со вкусом. Вроде бы и офисный интерьер, нет ничего лишнего, но цветы, мягкая мебель, немногочисленные, но весьма уместные предметы декора вроде абстрактных картинок или изящных вазочек (все выдержано в теплых, приятных глазу бежевых, песочных

и коричневых тонах) и непонятно откуда доносящаяся расслабляющая музыка создавали ощущения комфорта и уюта.

Тоненькая, как молодая рябинка, черноокая красавица на ресепшене приветливо встретила клиентку, уточнила что-то, сверившись с записями в компьютере, сообщила, что оплата у них проводится до начала сеанса, приняла от Саши деньги и вскоре пригласила ее в кабинет:

– Лола Руслановна ждет вас!

Сама Лола тоже произвела на Александру хорошее впечатление. Еще молодая, но уже не девчонка (по виду чуть старше Иринки, лет сорок, наверное), хорошенькая, ухоженная, глаза умненькие.

– Добрый день, – поздоровалась Саша, которая, сама не зная почему, слегка волновалась перед этой встречей.

– Здравствуйте. – Лола улыбнулась, демонстрируя безупречные зубы. – Прошу вас, проходите, присаживайтесь. Вот сюда, пожалуйста, тут вам будет удобно.

Кабинет психолога несколько удивил Александру. Начитавшись западных книг и насмотревшись голливудских фильмов, она ожидала увидеть полумрак, тяжелые портьеры и непременно кушетку, на которой ей придется лежать во время разговора с психологом. Но ничего подобного тут не оказалось. Только рабочий стол, новенькие офисные шкафы, полные книг в разноцветных обложках, несколько удобных кресел и открытые жалюзи на окнах, сквозь которые в комнату заглядывает декабрьский день, пасмурный с прояснениями, как это называется в метеосводках.

Все еще недоумевая, Алекс устроилась в кресле напротив рабочего стола хозяйки кабинета.

– Чем я могу вам помочь, Александра Петровна? – спросила Лола, продолжая приветливо улыбаться.

– Я пришла посоветоваться по поводу своей дочери, Ирины, – начала Саша. – Она, кстати, на «Маяке», где вы выступали, ведет цикл передач, – добавила она, не удержавшись. Александра никогда не упускала случая похвастаться своей дочкой.

– Значит, вы обо мне по радио услышали? – психологиня сделала какую-то пометку у себя в блокноте.

– Да-да! Была такая интересная дискуссия о лирике в двадцать первом веке... Ну, я и записала ваше имя и фамилию.

Лола покивала и уточнила:

– А какую именно передачу ведет на этом канале ваша дочь?

– «Легенды любви», – с гордостью отвечала Саша. – Ее Ирина Боброва зовут.

– Неужели? – Психолог, по-видимому, даже обрадовалась. – Я ее периодически слушаю, очень позитивная программа. Ведущая так экспрессивно, так динамично рассказывает... И всегда идентифицирует себя со своими героями, это чувствуется даже по голосу. Угадывается холерический темперамент и эмоционально-лабильный тип, возможно, с некоторой склонностью к истероидности, но в границах нормы.

Не будучи уверенной, что правильно поняла все услышанное, Александра на всякий случай покивала головой. И решила, за неимением других вариантов, воспринять эти слова как комплимент Ире.

– И что же за проблемы у вас с дочерью? – поинтересовалась собеседница.

Саша тут же попыталась расставить все точки над «i»:

– Если говорить о наших отношениях с дочкой, то тут никаких проблем нет. Мы с ней как подружки, всегда отлично ладили. Проблемы у самой Иры. Видите ли... У нее никак не складывается личная жизнь. Уже тридцать четыре года, а замужем так ни разу и не была. Поклонников нет, мужчины попадают все какие-то не те... И вообще, она у меня какая-то... Не приспособленная к жизни. Домоседка, совершенно непрактичная, очень застенчивая... И к тому же фантазерка, вечно что-то выдумывает. Я вам сейчас все подробно расскажу, а вы посоветуете, что мне с ней делать, хорошо?

Лола Руслановна снисходительно улыбнулась:

– Дорогая моя Александра... м-м-м... Петровна... Конечно, я с удовольствием выслушаю вас и побеседую с вами. Но помочь вам, точнее, вашей дочери, смогу только в одном-единственном случае – если она сама ко мне придет.

– Это обязательно? – нахмурилась Саша. – Боюсь, она может не согласиться... А без нее никак нельзя?

– Увы! – развела руками собеседница. – Я терпеть не могу, когда работу психолога сравнивают с работой врача, у нас совершенно разные и задачи, и стили, и методы. Но в данном случае подобное

сравнение исключительно уместно. Согласитесь, мы с вами никак не смогли бы заочно вылечить Ирину, скажем, от ангины без осмотра и точного диагноза? Или, сохрани Господи, вырезать ей аппендицит без ее присутствия?

Александра помолчала, потом вздохнула:

– Да, вы правы... Но как же быть?

– Поговорите с ней. Предложите ей самой зайти ко мне. Вы сказали, что у нее трудности в контактах с противоположным полом – она сама рефлексит это? Испытывает негативные переживания по данному поводу?

– Да, конечно. Ирочка почти не признается в этом, но я же мать и все вижу...

– Что ж, в этом есть и положительная сторона. Раз так – значит она, возможно, и сама осознает необходимость психологической консультации у специалиста.

– Хорошо, – проговорила Александра, поднимаясь. – Я попробую уговорить ее прийти к вам. Спасибо, Лола Юсуповна.

– Пока не за что. А куда это вы собрались? У нас с вами еще больше сорока минут.

– Но я хотела только посоветоваться насчет дочки...

– А разве у вас самой нет ни единой темы для разговора с психологом? – Лола пристально посмотрела на нее, и Алекс на миг даже растерялась.

– Не бывает беспроблемных людей, – продолжала тем временем Лола. – У каждого из нас вытеснены в подсознание какие-то детские страхи и потрясения, у каждого скрыты в душе нерешенные личностные конфликты. И лучше, раз уж представилась такая возможность, попытаться избавиться от этого груза.

Саша задумалась и некоторое время молчала, наблюдая через окно, как проносятся по улице автомобили.

– Даже не знаю, с чего начать... – призналась она после долгой паузы.

– Начните с вашего детства, – посоветовала собеседница. – Расскажите мне о своих родителях. Какими они были людьми, как вас воспитывали? С кем у вас был более тесный психологический контакт – с матерью или с отцом? Были ли вы единственным ребенком в семье или имелись сибсы?

– Кто-кто?

– Братья или сестры, – перевела психологша свои слова на человеческий язык.

– Нет, ни брата, ни сестры у меня нет и не было.

– А вам хотелось их иметь?

– Да, конечно, очень! Знаете, как это бывает в детстве, когда сидишь дома одна или с родителями, но они вечно заняты, а тебе совершенно не с кем поиграть...

И Сашу как прорвало. Не закрывая рта, едва давая собеседнице вставить слово, она принялась рассказывать о детстве, о маме, об отце, о том, как жаждала всю жизнь получить его похвалу и как у нее это не получалось. А Лола слушала, кивала, делала пометки в своем блокноте и лишь иногда задавала наводящие вопросы: «Кем работала ваша мама?», «Сколько вам было лет в этот момент?» или «Какую сказку вы любили в детстве больше всего, не помните?»

От детства, юности и отношений с родителями Саша перешла к своей несостоявшейся артистической карьере. Эта часть ее жизни очень заинтересовала Лолу, особенно тогда, когда Александра поделилась с ней:

– Я так мечтала, что хотя бы Иришка станет актрисой... И она сперва хотела, а потом передумала. Конечно, я очень довольна тем, чем она сейчас занимается, и в какой-то степени это даже похоже на работу актрисы – но это не совсем то, вы меня понимаете?

Лола молча кивала.

А потом Александра, сама не заметив, как это произошло, вдруг заговорила о Володе. И рассказала, как на исповеди, всю историю их отношений: и про первое знакомство под песни у костра, и про объяснение на привале, и про свои глупые капризы – это только сейчас, с возрастом, она поняла, как они были глупы! – и про разлучницу Таисью, и, с особенными подробностями, про удивительную встречу спустя тридцать пять лет и все перипетии их нынешних непростых отношений.

– Тогда, во время нашего последнего объяснения, я сказала ему правду, – делилась наболевшим Саша. – Я действительно ему не верю. Точнее, боюсь поверить. А вдруг он опять... Сейчас он ко мне со всей душой – а я нарочно держу его на расстоянии, мучаю и сама мучаюсь... Но так страшно вновь обмануться!

– А с другими мужчинами? – спрашивала Лола. – Как складывались ваши отношения с другими?

– Знаете... А примерно так же, – призналась после долгой паузы Алекс. – Вроде бы я и хотела полюбить – и боялась. Не стану врать и жаловаться на недостаток кавалеров, были они у меня, и ухажеры были, и, между нами, любовники... Но ни одного из них я так и не пустила в свое сердце. Опасалась, понимаете?

– Конечно, – сочувственно кивнула психолог и подняла взгляд на большие часы над столом. – К сожалению, наше с вами время подходит к концу. На сегодня пора закругляться.

– Как, уже? – удивилась Саша. – Действительно, почти час прошел, а я и не заметила... Но вы мне скажете что-нибудь, посоветуете? Хотя бы насчет Ирочки?

– Насчет вашей дочки я вам уже говорила, – отвечала Лола. – Этот разговор мы с вами продолжим только после того, как я встречу с ней. Но мне есть что сказать вам по другому поводу – по поводу ваших отношений с Владимиром.

– Я вся внимание. – Саша даже вытянулась в струнку, чтобы лучше слышать и ничего не пропустить.

– Если хотите, это будет вашим заданием на дом, – продолжала психолог. – Подумайте как следует, порефлексируйте...

– Простите, что сделать?

– Прислушаться к своим чувствам, осознать их, проанализировать. И постараться честно ответить себе на вопрос, что именно вы сейчас к нему испытываете? Инерцию, отголоски старой привязанности? Вновь возникшие интерес и симпатию к нему, как к новому человеку – ведь за это время он стал уже совсем другим человеком? Или вами движет только неосознанная жажда мести, желание взять реванш за прошлое?

– Вы думаете, что?.. – Алекс не договорила и залилась яркой краской, как юная девушка.

– Я пока ничего не думаю. – Лола покачала головой и улыбнулась. – Я предлагаю подумать вам. Всего хорошего, Александра Петровна.

* * *

В тот вечер Ира засиделась в библиотеке допоздна, готовила последнюю в плане этого года передачу об Александре Грибоедове и Нине Чавчавадзе. Передачу должны были дать в эфир прямо накануне Нового года, и Ирине очень хотелось, чтобы рассказ о драматической истории любви русского дипломата и поэта, автора бессмертной комедии «Горе от ума» и юной красавицы грузинской княжны, в семнадцать лет оставшейся вдовой, получился особенно интересным, особенно красивым, романтичным и трогательным.

Чтение мемуаров и писем далеких лет так увлекло Ирину, что она напрочь забыла о времени и опомнилась уже только в самый разгар часа пик. За что и поплатилась, потратив на обратную дорогу намного больше времени, чем обычно. Накануне был снегопад, днем проглянуло солнце и все растаяло, а теперь, к вечеру, здорово подморозило, и автомобили еле-еле тащились по запруженным улицам. Когда Ирина попала наконец к себе на Профсоюзную, было уже около девяти часов вечера.

Бормоча себе под нос текст будущей передачи, она вошла в подъезд, поднялась на лифте и увидела на лестничной площадке, около своей двери, небольшую толпу соседок. В центре этого сборища, оживленно размахивая руками, вещала что-то Зинаида Геннадиевна. Остальные тетушки внимали.

– Явилась – не запылилась! – заорала соседка снизу, приветствуя таким образом Ирино появление. – Целый потоп мне в квартире устроила! Сколько можно тебе говорить! Постоянно меня заливаешь, ни стыда, ни совести!

– Мы уж в диспетчерскую звонили, хотели слесаря вызвать, дверь вам ломать, – встряла Капитолина, подружка Зинаиды, вредная остроносая старушенция с третьего этажа. – Как тут вы пришли...

– Краны надо закрывать перед уходом, – ехидно добавил кто-то из женщин.

– Зинаида Геннадиевна, ну вы опять? – устало проговорила Ира. – Вечно вам мерещится...

– Мерещится! – хором заголосили Зинаида с подружкой Капой. – Нет, вы только посмотрите на нее! Да у Зины и в ванной, и в прихожей с потолка льет, как из ведра, иди посмотри!

– Ей не смотреть на ваш потолок надо, а скорее дверь свою открывать, да трубу перекрыть! – здраво возразила Елена Семеновна,

интеллигентная пожилая дама из квартиры рядом с Ириной. – Ирочка, я в ЖЭК звонила, но у сантехника рабочий день уже закончился...

Дрожащими руками Ира с трудом отперла замок. Пол в прихожей был мокрым.

– О господи! – ахнула Ирина и как была, в куртке и сапожках, кинулась в ванную. Соседки, подбирая полы халатов, рванули за ней.

Там на полу уже натек слой воды сантиметра в три высотой, а то и больше. Откуда-то из-под ванны фонтаном хлестала целая струя. Счастье еще, что пол тут был уровнем ниже, чем по всей остальной квартире...

Соседки предусмотрительно остановились поодаль – мочить тапочки никому не хотелось.

– Хорошо хоть холодная, а не горячая... – пробормотала Ирина. – А то сварились бы тут в кипятке...

– Трубу прорвало! – поставила диагноз дама из квартиры рядом. – Надо аварийку вызывать!

– Так они когда еще приедут, а меня затапливает, – верещала Зинаида Геннадиевна.

Ира тем временем металась по ванной, нашла пластиковый таз для белья, поставила его под струю, но это мало помогло – таз тут же наполнился доверху. И тут запиликал телефон. Это была мама, она звонила с мобильного, что случалось с ней довольно редко.

– Детка, мне очень нужно с тобой поговорить! Я иду к тебе от метро и буду через...

– Ой, мам, у меня тут такое творится! Трубу в ванной прорвало, настоящий потоп!

– Да что ты! Ужас какой! В диспетчерскую звонила?

– Соседи звонили, говорят, там уже рабочий день закончился... – повторила Ира то, что сама только что услышала от дамы из квартиры рядом.

– Так аварийку надо вызывать! – всполошилась в телефоне мама. – Хотя она когда еще придет... Ладно, сейчас что-нибудь придумаем, найдем кого-то, кто сможет помочь. Что, мужики совсем перевелись, что ли?

Дозвониться в аварийную службу согласилась все та дама из соседней квартиры. Мерзкие старушечки, к счастью, тоже ушли вместе с ней. Если б они стояли над душой и наблюдали, как Ира

борется со стихией, она бы точно не выдержала и наговорила бы им гадостей.

Метнувшись в комнату, Ирина сбросила одежду, торопливо натянула шорты и домашнюю футболку и босиком побежала в ванную. Схватила тряпку, собрала ею воду раз, другой... И тут отворилась входная дверь.

– Ирочка! – По сладкой маминой интонации Ирина сразу поняла, что мама пришла не одна. – Мы идем тебе помогать.

Ира распрямилась, бросила тряпку на пол, убрала от глаз прядь растрепавшихся волос, подняла голову... и замерла от неожиданности. За спиной у мамы возвышался тот самый парень в черной кожаной куртке, которого она уже привыкла считать своим злым гением. Тот, который столкнулся с ней в супермаркете и обрызгал ее из лужи в злополучную субботу, когда не состоялось свидание с Сережей... Точнее, с Сережиком.

– К счастью, мир не без добрых людей, – щебетала мама. – Вот, Сергей любезно согласился нам помочь... Ну, что ты застыла, доченька?.. Ох, сколько ж воды натекло! Кошмар какой! Сергей, проходите... Пожалуйста...

Мужчина в черной куртке, которого, как выяснилось, тоже звали Сергеем (сколько ж их на белом свете!), деловито прошагал в ванную, оценил обстановку и обернулся к Ире:

– Разводной ключ есть?

Та подскочила к стенному шкафу и вынула ящик с новенькими инструментами – купила при переезде, как чувствовала, что пригодится. Сергей оценил содержимое, вытащил инструмент, осмотрел:

– Ладно, сойдет... Пропустите меня.

Ира спиной попятилась в коридор и тихо спросила маму:

– Ты где его взяла?

– На улице. То есть во дворе, – шепотом ответила Александра. – Он из машины выходил, красная такая иномарка. И сразу согласился помочь. По-моему, он очень симпатичный, ты не находишь?

Ира пожалала плечами, устало привалилась к стене и машинально посмотрела в окно. В квартире напротив была полная темнота.

«Ну вот, у меня проблемы, а тебя и дома нет!» – сказала Ира про себя.

– Доченька, ты бы переоделась, – продолжала шептать мама. – Так, конечно, сексуально, но не очень презентабельно... А я пока чай приготовлю. У тебя есть что на бутерброды положить?

– Кажется, там еще колбаса оставалась в холодильнике...

Оглядев свои мокрые босые ноги, Ира решила, что мама права и направилась в спальню, но не дошла. Из ванной ее окликнул Сергей.

– Все, хозяйка, принимайте работу!

– Уже? Так быстро? – удивилась Ирина.

– А чего тянуть-то? Я только воду перекрыл. Завтра с утра звоните в ДЭЗ, чтобы вам трубу поменяли, в ней вот такая дырища. А сегодня придется побыть без воды.

– То есть как это? – растерялась Ира. – Совсем?

– Ну, не совсем... – Он, улыбнувшись, кивнул на пол. – Тут-то у вас воды достаточно.

– Сережа, идите сюда, будем чай пить, – позвала из кухни Александра Петровна.

– Нет, спасибо, я пойду. У меня еще сегодня дела.

Он наклонился, приводя в порядок джинсы, которые подвернул, перед тем как зайти в ванную.

– А вы ноги не промочили? – заботливо спросила Ирина.

– Нет, у меня хорошие ботинки, не промокают. До свидания. – Он действительно торопился уйти.

– Спасибо вам большое! – запоздало крикнула вслед Ира.

– Да не за что. Не забудьте завтра в ДЭЗ позвонить, прямо с утра пораньше.

Ира закрыла за ним дверь и встала столбом в прихожей, не зная, что делать дальше.

– А где Сережа? – выглянула из кухни мама.

– Уже ушел...

– Как ушел? А чай? – огорчилась Александра. – Ира, как же ты его отпустила?

– Ну а что же я его, силой держать буду?

– Жалко, такой симпатичный молодой человек! Вы могли бы познакомиться поближе...

– Мама!

– А что «мама»? Что ты ему такое сказала, что он ушел?

– Ничего я ему не говорила. – Ира сердито потопала в ванную.

– Даже «спасибо»? – крикнула ей вслед Александра.

Дочь не стала ей ничего отвечать.

Шлепая босыми ногами по воде, она собирала ее тряпкой, выжимала тряпку над тазом, снова собирала... Казалось, это будет длиться вечно. Через некоторое время к ней присоединилась Александра Петровна.

– Я вот что хотела тебе сказать, доченька, – начала она, поднимая переполнившийся таз и с шумом сливая воду в раковину. – Я тут случайно услышала о хорошем психологе... Она по вашему радио выступала, Лола Юсупова.

– Да, я о ней знаю. – Ира шлепнула выжатую тряпку на пол.

– Я что подумала... Может, тебе сходить к ней? Просто поговорить? – осторожно предложила Саша и очень удивилась, услышав в ответ:

– Я уже сама об этом думаю...

От такой реакции Александра просто расцвела:

– Ну вот и чудесно! Я тебе перепишу ее телефоны.

– Спасибо, мама, они у меня есть. Мне Алка ее визитку дала.

– Только ты не затягивай! – попросила довольная мама.

– Не буду, – пообещала дочь. – Завтра же ей позвоню.

В четыре руки они справились с уборкой на удивление быстро. А потом вдвоем пили чай на кухне. Или, можно даже сказать, втроем, потому что «Сергей» из квартиры напротив уже вернулся домой и тоже пил чай, выдул две большие кружки подряд, да еще свитер на себя натянул. Видимо, замерз где-то, бедный... Как бы не заболел, не дай бог!

Сидя так, чтобы хорошо его видеть, Ира поглядывала на окна квартиры напротив и тихонько улыбалась. Мама тоже молчала. Сразу после ухода Сергея она вдруг как-то изменилась, стала задумчива и неразговорчива, то и дело погружаясь в какие-то свои мысли. Это было на нее не похоже, но Ира не стала лезть с расспросами. Захочет – сама расскажет, решила она. Однако в тот вечер мама ничего ей не сказала. Так и уехала вся из себя молчаливая и загадочная.

* * *

– Здравствуйте, Лола Руслановна, – поздоровалась Ира, входя в кабинет психолога. – Я Ирина Боброва, мне назначено на три часа.

– Здравствуйте-здравствуйте! – приветливо встретила ее сидящая за столом приятная женщина восточного облика. – Очень рада вас видеть! Вы ведь та самая ведущая с «Маяка»? Очень люблю вашу радиостанцию.

– Спасибо... – Ира опустилась в кресло, чувствуя себя несколько неловко. – Видите ли, мне рекомендовали обратиться к вам...

– Да, я знаю, – бойко произнесла Лола, явно стараясь подбодрить свою растерявшуюся клиентку. – Я уже в курсе вашей проблемы.

– Вот как? – пробормотала Ира, а про себя подумала: «Ну, Алка дает! И когда она успела с ней поговорить?»

– Ваша проблема состоит в трудностях адекватной оценки и взаимодействия с частью вашего амвелта, что нарушает структуру восприятия и взаимодействия с ним, ведь так?

– Моего ам... чего?

– Как бы вам это объяснить... Вашего окружающего мира. Это соответствует действительности?

– Ну... В общем, да...

«Как все-таки эти психологи любят заумно выражаться! Почему бы не сказать проще – вы не любите собак?»

– Понимаете... – замялась Ира. – Дело в том, что я их действительно не люблю, на дух не переношу. Честно признаться, просто боюсь. Я даже знаю, откуда это идет – с детства. Однажды, когда я была маленькой... Бр-р, до сих пор страшно вспомнить...

– Вы хотите сказать, что столкнулись с деструктивным поведением, насилием, агрессией, в результате чего пережили сильный стресс и впали в состояние фрустрации? – заинтересовалась психолог.

– Ну да, что-то в этом роде...

– А сколько вам было лет?

– Кажется, пять или шесть.

– Возраст формирования половой идентификации... Нижняя граница латентного периода... – пробормотала Лола себе под нос и сделала несколько пометок в своем блокноте. – Вы могли бы рассказать об этом, или воспоминание слишком травмирует вас?

– Могу, – кивнула Ирина. – Неприятно, конечно, вспоминать, но могу.

– Тогда воспроизведите, желательно как можно подробнее, что произошло.

– Было лето, мы жили на даче, – ударилась в воспоминания Ира. – У нас за калиткой лежала большая песочная куча. Знаете, как бывает: привозят на грузовике песок и ссыпают перед домом, а потом люди тачками перевозят его к себе на участок? Песок только-только привезли, дедушка еще не успел перетащить его, а мне так хотелось в этом песке поиграть! В тот день мама была на работе, дедушка с бабушкой чем-то заняты, и я потихоньку улизнула за калитку, хотя мне строго-настрого запрещали одной уходить с участка, и стала играть. Как вдруг появился он...

– А вы его помните? Кто это был? Кто нанес вам эту физическую и душевную травму? – оживилась Лола Руслановна.

– Помню, конечно. Гадкое животное, мерзкий пес! Такой огромный, черный, лохматый...

– Какая интересная вербальная символизация. – Психолог так и застрочила в своем блокноте.

– Что, простите?

– Я говорю, что вы так интересно его назвали... «Мерзкий пес». А вы знали его?

– Ну, видела раньше иногда... Таскался рядом с дачами. Он бездомный был... А какое это имеет значение?

– Вы правы, никакого. Итак, что же было дальше?

– Вот дальше я не помню. Во всяком случае, подробностей. Помню только, что страшно испугалась и что было очень больно...

– Ну что же нормальная защитная реакция сознания – вытеснение, – кивнула психолог. – Вы рассказали родителям о том, что случилось?

– Конечно, я тут же побежала к ним, плакала... Дедушка выскочил за калитку, кинулся его искать. Если б нашел, убил бы, наверное, так он был рассержен. Но того уже нигде не было.

– И что было дальше?

– Потом меня отвезли в больницу... – Ира замолчала.

– Я вам очень сочувствую, – горячо заговорила Лола. – В шесть лет пережить такое!.. И взрослой-то женщине не дай бог столкнуться, а уж ребенку...

– Спасибо! – Ира была тронута ее неожиданным участием. Надо же, какая эта Лола Руслановна внимательная и сопереживающая...

– Думаю, многие ваши жизненные проблемы корнями уходят именно в тот инцидент.

– Я и сама это чувствую последнее время, – согласилась Ира. – Знаете, я встретила недавно с очень симпатичным мужчиной, но у него есть собачка, и... как вы сказали, *последствия травмы* мешают мне с ним сойтись, познакомиться поближе.

– Что же, будем работать. Не скажу, что это будет легко и просто, понадобится длительный реабилитационный курс, но если мы будем сотрудничать, то сможем вместе добиться успеха. – Лола заговорила как по писаному.

– А побыстрее никак нельзя? – попросила Ирина. – Мне бы только первый страх преодолеть, познакомиться с ним... Ну, с этим человеком. А дальше, как я думаю, все будет проще.

– Ошибаетесь, – покачала головой собеседница.

– Почему?

– Потому что проблемы дадут себя знать. Вам ведь всю жизнь не везет с мужчинами, так? У вас не ладится контакт с ними, не строятся отношения?

Ира грустно кивнула:

– Да, это так.

– Ну вот именно, – торжествуя проговорила психолог. – В отдельных случаях трансфер бывает необычайно стоек. Надо работать и работать. Аутотренинг, беседы, обязательно групповые занятия, возможно гипноз... Я вижу, что противоположный пол – далеко не единственное ваше слабое место. Есть еще трудности с самопринятием...

– Простите, Лола Руслановна, а это что такое?

– В быту это называется «неуверенность в себе», – объяснила психолог. – Но это решаемо. Через год-два, я вам ручаюсь, вы станете гармоничной личностью, и у вас уже не будет никаких проблем с мужчинами.

– А с собаками?

– Шутите? – улыбнулась Лола. – С собаками тоже не будет.

– Я подумаю, – пообещала Ирина. Она и правда не знала, что сказать.

– Хорошо, подумайте и позвоните мне, – согласилась, мило улыбаясь, психолог. – Приятно было познакомиться с вами, Ирина. До свидания, надеюсь, до скорого. На следующем сеансе я порекомендую вам специальные упражнения...

* * *

Посещение психолога оставило в душе Иры странное чувство. Вроде бы все прошло нормально, но сложилось такое впечатление, что они говорили на разных языках. Ведя машину по заснеженным московским улицам, Ирина была вся погружена в свои мысли, но думала не столько о разговоре с Лолой Руслановной, сколько о «Сергее» из квартиры напротив. Может, и правда решиться да и подойти к нему, будто случайно встретиться у подъезда? Что говорить, собачка была бы идеальным поводом для знакомства, но она, Ирина, пока еще никак не может преодолеть в себе неприязнь к этим существам. Вдруг эта тварь укусит и ее, как ту блондинку «Марину»?! Бр-р, подумать страшно!.. Нет, надо придумать что-то еще...

Перебирая в уме разные варианты и отменяя все их один за другим, Ирина уже подъехала к зданию проектного института, как вдруг ее осенило – поводом для знакомства могут стать автомобили! Ну конечно же, как ей раньше это в голову не пришло? И почему она до сих пор не знает, какая машина у «Сергея»? Это огромное упущения с ее, Ириной, стороны. А все потому, что смотрит она исключительно на окна, а вместо этого надо бы смотреть во двор. Тогда она узнает, какая у «Сергея» машина, и тут уж повод для знакомства появится сам собой – два автомобилиста всегда найдут, о чем поговорить.

Алла, похоже, поджидала ее наверху. Во всяком случае, стоило Ире выйти из лифта, подруга тут же перехватила ее, потащила в курилку и потребовала, затачиваясь сигаретой:

– Давай рассказывай, как сходила к психологу!

– Даже не знаю, что сказать, – пожала плечами Ирина. – С одной стороны... И с другой стороны. То есть вроде бы она такая внимательная, долго со мной говорила, расспрашивала. Когда я ей рассказала, как меня в детстве укусила собака, так сочувствовала,

будто со мной невесть что случилось. Мы не только о собаках говорили, обо всем... Она у меня кучу проблем нашла – и с мужчинами, и с этим, как его, самопринятием. Ну, что я такая застенчивая и неуверенная к себе.

– Это как с врачами, – заключила подруга. – Пока к ним не ходишь – вроде здорова. А как заглянешь из-за пустяка, выясняется, что и то у тебя не так, и это не эдак... Может, оно, конечно, и правда... Иногда. А в большинстве случаев, я уверена, они просто деньги из нас тянут... Так что она посоветовала-то тебе, эта Лола?

– Ой, кучу всего. – Ира подняла глаза к небу. – Индивидуальные и групповые занятия, тренинг, гипноз... Теперь два года к ней надо ходить.

– Сколько-сколько?

– Два года.

– Да она обалдела совсем! Сколько у нее прием стоит?

– Две с половиной тысячи.

– Офигеть! Ну вот и прикинь, сколько она с тебя бабла за два года срубит.

– Думаешь, она просто разводит меня на деньги? – огорчилась Ира. Ей не хотелось плохо думать о Лоле, та ей понравилась.

– Да похоже на то... Вот скажи, – Алка снова застучала своими кольцами, – она тебе какие-то конкретные рекомендации дала? Ну, что делать, чтобы не бояться собак?

– Нет... Сказала, что на следующем сеансе...

– Значит, точно разводилово, к бабке не ходи, – заключила подруга. – Так и будет она тебя «завтраками» кормить.

– Тогда я просто не пойду к ней больше, – решила огорченная Ира. – Не стоят эти дурацкие собаки таких денег... И двух лет моей жизни. Сегодня же позвоню ей и отменю встречу. И потом, мне кажется... Знаешь – я все-таки попробую познакомиться с Сережей без всякого психолога. Он же не только с собакой из дома выходит...

– Умница! – одобрила Алла. – Сразу видно – моя школа! Придумала уже что-то?

– Да. Можно на почве машин познакомиться...

– Вот ведь можешь, можешь соображать, когда хочешь! – похвалила подруга. – Иренция, я тобой горжусь. Ты во сколько планируешь освободиться нынче?

– Пока не знаю, часов в пять, наверное.

– Тогда прихвати меня, ладно? Начальства сегодня нет, можно смыться пораньше... И по дороге все обсудим. Такой план с тобой разработаем – только держись!

Однако разработать хитроумный план им в тот вечер не пришлось. В холле первого этажа, когда они уже собирались выйти из здания проектного института, Иру вдруг кто-то окликнул. Она повернулась на зов и увидела Сережика, стоящего у окна с букетом цветов.

– Кто это? – почему-то шепотом спросила Алла.

– Так... Нечто вроде друга детства, – отмахнулась Ира.

– Симпатичный...

– Ты находишь?

Ирина была сильно удивлена этой встречей. После того нелепого свидания в «Шоколаднице» они больше не виделись. Правда, Сережик звонил несколько раз, но все время попадал как-то неудачно, Ира была занята и не стеснялась говорить ему об этом. Последние дней десять звонки прекратились, и Ирина решила, что он все понял и оставил ее в покое. И вот на тебе – нагрянул к ней на работу. Да еще с цветами.

– Здравствуй, Ира. – Он неловко протянул ей букет. – Это тебе.

– Спасибо, конечно... А в честь какого праздника?

– Да так просто, захотелось тебя увидеть. Я попросил маму, она позвонила твоей, та сказала моей адрес твоей работы.

– Ну, не буду вам мешать, – сказала со странной интонацией Алла и неторопливо зацокала каблуками к выходу.

– Алка, подожди! – крикнула ей вслед Ирина, но та даже не обернулась.

– А это твоя подруга, да? – Сережик проследил за ней взглядом. – Симпатичная. Стройная такая... Люблю стройных девушек.

– Чего ж ты тогда ко мне-то приперся? – разозлилась Ира. – Да еще с цветами. Дарил бы свои букеты стройным девушкам.

– Да ладно тебе, что ты все обижаешься по пустякам? – рассмеялся Сережик. – Просто у меня сегодня выдался свободный вечер, вот я и решил: мне нечего делать, тебе наверняка тоже – надо вместе сходить куда-нибудь.

– Да с чего это ты взял, что мне нечего делать? – Ирина была возмущена до глубины души. – У меня скоро свидание с любимым

человеком. Вот только заеду домой переодеться...

– А, ну раз так... – Он пожал плечами. – Тогда я поехал. Тебя подбросить?

– Спасибо, я на машине. – Ира уже хотела поспешить следом за Аллой и догнать ее, как тут остановилась и снова сделала шаг к Сережику.

– Пстой-ка! Минуточку погоди...

Мимо них быстро шла Маша. Та самая диджей Маша, единственная из девчонок, кто не верил в Ирины рассказы о поклонниках.

– Привет, Машенька, – сладко пропела Ира, выставив вперед букет, чтобы он был как можно заметнее. – Познакомься, а это мой старый друг Сережик... Сережа.

– Очень приятно, – раскланялся тот. – Правда, не такой уж я старый... В смысле – я сам не старый. А друг старый, это да.

Маша деланно улыбнулась:

– Рада познакомиться. Простите, ребят, лечу – у меня эфир через десять минут! С этими пробками...

И умчалась.

Ира была очень довольна. Как здорово, что их увидела именно Машка! Пусть она теперь только попробует ей не поверить!

– А ничего, – констатировал Сережик, глядя вслед Маше. – Симпатичная. И стройная... Любою стройных.

Ира замахнулась на него букетом.

– Еще раз скажешь это при мне – убью!

* * *

Перед второй встречей с психологом Лолой Саша волновалась еще больше, чем перед первой. Она уговаривала себя, что беспокоится о дочке, но отлично отдавала сама себе отчет, что это не так. Слова Лолы о мести Володе и жажде реванша разбередили ей душу. Александра все время думала об этом и пыталась разобраться в своих чувствах, но только еще больше запутывалась. Иногда ей казалось, что она действительно любит Владимира, полюбила его с новой и силой и даже более того – всегда, всю жизнь только одного его любила и

ждала. Но чаще в голову приходили совсем другие мысли – что психологиня права, и ею, Алекс, движет исключительно жажда мести. Ей просто хочется заставить Володю страдать так, как страдала когда-то она сама, а никаких других чувств у нее к нему нет...

Разговор они начали с обсуждения проблем Иришки – так Александре было проще.

– Ну что я могу сказать... – развела руками Лола. – У вашей дочери действительно серьезные проблемы в личностной сфере. Это последствия той глубокой психологической травмы, которую она пережила в детстве.

– Какой еще травмы? – Глаза Саши округлились от ужаса. – Я ничего не знала!

– Вы что, не помните, что случилось с ней летом, когда ей было шесть лет? После чего вам пришлось везти ее в больницу?

– Ах, вы об этом! – у матери отлегло от сердца. – Помню, конечно. Но неужели это происшествие могло иметь такие значительные последствия?

– А вы как думали? Подобные, как вы выразились, происшествия, и взрослых-то людей вводят в состояние депрессии или фрустрации, а уж для ребенка это и вовсе жесточайший стресс, – строго произнесла кандидат наук.

– Что вы говорите! – поразилась Александра.

– У нее произошла интериоризация психической травмы. С тех пор ваша дочь постоянно испытывает подсознательное чувство вины. Вы сами говорили, что она слишком робка, слишком застенчива, слишком не уверена в себе. Это все последствия того события. Тогда в детстве она подсознательно обвинила во всем себя. Мол, такое произошло со мной из-за того, что я была плохой девочкой и убежала без спросу одна за калитку. С тех пор она выросла, а чувство вины осталось. Это отражается на всех сторонах ее жизни, но более всего – на межличностном общении, взаимодействии с противоположным полом...

Александра слушала эту странную, не всегда понятную ей речь как откровение. Вот ведь удивительная наука эта психология! Оказывается, какой-то несчастный укус бродячего пса может поломать человеку всю жизнь. Она-то, по наивности своей, думала, что после этого дочь только собак стала бояться. А у Иришки, выходит,

сформировался, как выражается Лола, еще и целый букет комплексов. Тут тебе и чувство вины, и неуверенность в себе и даже трудности с мужчинами...

– Надо же, какой ужас! Но что же делать?

Лола строго поглядела на нее:

– Я считаю, что вашей дочери нужно измениться. Кардинальные перемены помогут ей ощутить себя новой Ириной, другой, не той шестилетней девочкой, которая не послушалась бабушку, а иной, взрослой женщиной, у которой больше нет тех проблем. Ей необходима новая идентификация, если хотите, переосмысление собственной самости. Понимаете?

Александра сначала кивнула, потом помотала головой. В этот раз она действительно поняла почти все услышанные слова. Но не могла взять в толк, к чему клонит собеседница.

– Как же Иришка сможет вот так взять, раз – и измениться?

– У меня был вариант – длительный реабилитационный курс, – проговорила психологша, – но ваша дочь от него отказалась.

– Да, она такая – упрямая, – вздохнула Саша. – Если уж упрется – беда, с места не сдвинешь. Но неужели нет другого выхода?

– Есть, но он тоже не из простых. Возможно, в чем-то даже и более сложный.

– И что же это?

– Пластическая операция.

– А это тут при чем? – удивилась Александра.

Улыбнувшись с видом «ну как можно не понимать таких элементарных вещей!», Лола снисходительно принялась объяснять:

– Ваша дочь довольно симпатичная девушка. Если внести совсем немного изменений в ее внешность, она станет настоящей красавицей. Это поможет ей приобрести уверенность в себе.

– Вряд ли она согласится... – задумалась Александра. – Да это и опасно... Я слышала...

– Вы слышали о работе плохих врачей, – не дала договорить Лола. – А у хороших специалистов, у профессионалов, пластические операции совершенно не опасны, это я вам гарантирую. Вы знаете клинику доктора Лодкина?

– Да, – кивнула Саша. – Слышала, конечно, рекламу видела и в журналах, и по телевизору. У него все звезды делают пластические

операции. Но это очень дорогая клиника.

– Я могла бы вам помочь, – дружеским тоном проговорила собеседница. – По секрету скажу вам, что мой папа, Руслан Альбертович Юсупов, один из ведущих специалистов этой клиники. Прием у него, даже предварительная консультация, стоят недешево, но я могу попробовать организовать вам встречу с ним в неофициальной обстановке. И бесплатно.

– Как же это? – заинтересовалась Александра.

– Дело в том, что папа – страстный кулинар, – заговорщицким тоном поведала Лола. – Точнее, кулинар-коллекционер. Он собирает коллекцию оригинальных рецептов. Вы умеете готовить какое-нибудь интересное блюдо?

– Да, – обрадовалась Саша. – Мусаку по-гречески. Этот рецепт нам достался от папиного друга и однополчанина, Жоры Попандопуло, у него отец был грек, и бабушка его научила...

– Ну вот и чудесно! – обрадовалась Лола. – Думаю, перед таким предложением папа не устоит. Я поговорю с ним и позвоню вам, телефон ваш у меня есть. А сейчас – всего хорошего, наше с вами время на сегодня закончилось.

Только выйдя из кабинета психолога, уже одевшись и спускаясь с крыльца дома, Александра сообразила, что так и не успела поговорить сегодня о собственных проблемах. Досадно, конечно, это было так важно для нее. Впрочем, ребенок всегда важнее...

* * *

Декабрь уже перевалил за середину, близился Новый год, самый любимый Ирин праздник. Еще с детства, с тех пор, когда дедушка каждый год обязательно приносил в дом настоящую елку – живую, пахнущую хвоей и морозом, а бабушка украшала ее, вешая попеременно с игрушками конфеты и завернутые в фольгу орехи и мандарины. И сладости с елки были не в пример вкуснее обычных – так, по крайней мере, казалось маленькой Ире.

С тех пор много воды утекло, но каждый раз Ирина ждала Нового года с таким нетерпением, таким предвкушением перемен к лучшему и такой надеждой в душе, что Алка даже смеялась над ней.

– Ты, Иренция, как маленькая, честное слово! Ты что, и впрямь веришь, что ночью тебе положат под елку большую любовь в коробочке с красным бантиком? Так вот что, подружка... Мне неприятно тебе об этом говорить, но ты уже большая девочка и должна узнать, что Деда Мороза не существует!

Но Ирина не обращала внимания на ее дружеские подколки. Даже если новый год, пришедший на смену нынешнему, и не принесет с собой перемен к лучшему, праздник всегда должен оставаться праздником. А значит, обязательно должна быть елка – искусственная, к сожалению, это даже лучше с ней хлопот меньше, иголки выметать не надо. И шампанское должно быть, и мандарины, и роскошный стол, и подарки, и телевизор на всю ночь – а как же иначе?

У Бобровых сложились свои традиции встречи Нового года. Домашним, для узкого семейного круга, этот праздник оставался в их семье только до тех пор, пока были живы дедушка и бабушка, и ставилась живая елка. Потом же в их большой квартире каждый год обязательно собиралась веселая компания, и Иришке, к ее великой радости, разрешали оставаться со взрослыми. Затем она выросла, у нее появились собственные друзья и отдельные от мамы посиделки на Новый год. Один раз в жизни она даже встретила этот праздник с мужчиной – с Колей, но это совсем не было романтично.

Лет до тридцати Ира обязательно стремилась отметить Новый год в компании, неважно в какой, лишь бы были люди и было весело. И они с Алкой обязательно отправлялись к кому-то в гости или звали к себе приятелей, знакомых или даже малознакомых, Ира придумывала какие-то игры, фанты, развлечения, оригинальные подарки... Но чем старше она становилась, тем менее интересны делались ей подобные сборища. И вот уже несколько лет, как Ирина вообще от них отказалась, вернувшись «на круги своя» к тихим встречам Нового года вдвоем с Аллой, с мамой или немногочисленной компанией старых друзей семьи.

Однако при этом рождественские каникулы все равно оставались для нее особенным временем, несшим в себе что-то волшебное и таинственное. Ирина задолго начинала готовиться к празднику, запасалась хорошими книгами и дисками с фильмами и музыкой, минимум за неделю до тридцать первого декабря наряжала елку и украшала всю квартиру свечами, гирляндами и венками. Подарки,

полученные заранее, от сотрудниц по работе, например, Ира старалась никогда не разворачивать сразу, а складывала под елку, чтобы открыть после боя курантов уже все сразу. А если кто-то вручал ей подарок без упаковки, Ирина сама заворачивала его, перевязывала ленточкой и тоже отправляла под елку.

В этом году она тоже начала загодя готовиться к празднику, купила новую светящуюся гирлянду, обновила запас елочных игрушек, разноцветных свечей и золотого дождя. Много ездила по магазинам, выбирала подарки маме, Алке, сотрудницам, подругам детства Насте и Даше и их семьям. Больше всего времени ушло на выбор подарка «Сергею». Конечно, Ирина не стала ничего покупать, это было бы уж совсем глупо. Но отказать себе в удовольствии побродить по магазинам, посмотреть, прицениться и подумать, что именно могло бы действительно понравиться мужчине в окне напротив и доставить ему настоящую радость, Ирина никак не могла.

На католическое Рождество мама позвала ее к себе. По большому счету, никуда ехать Ирине не хотелось. Хотелось сидеть дома, забравшись с ногами на диван у окна, пить чай с любимым белым шоколадом и вместе с мужчиной из квартиры напротив смотреть телевизор. Все равно что. Пусть даже новости или боевик, раз их любимый снукер позавчера закончился.

Но, во-первых, не было никакой гарантии, что «Сергей» в такой вечер останется дома или, еще того хуже, не соберет у себя компанию со всеми вытекающими из этого последствиями, которые Ира уже однажды «имела счастье» наблюдать осенью. А во-вторых, точнее, это даже было во-первых, мама бы ее отказа не поняла и обиделась.

Поэтому ровно в семь, с низкокалорийным фруктово-йогуртовым тортом в одной руке и синей бутылкой мамино любимого немецкого вина в другой Ира позвонила в дверь ее квартиры. Мама тотчас открыла – такая нарядная и сияющая, что Ира поняла: тут что-то не так. Может, решила наконец познакомить ее со своим избранником?

Действительно, в комнате, за накрытым столом сидел восточного вида мужчина лет шестидесяти в дорогом костюме и еще более дорогом галстуке. Он показался Ире смутно похожим на кого-то, только она никак не могла сообразить на кого. Она, Ирина, точно никогда не видела его раньше. Так вот он, значит, какой, новый мамин кавалер и, не исключено, что будущий Ирин отчим... С первого

взгляда Ира не могла решить для себя, понравился он ей или нет. Красивый, конечно, мужчина, импозантный, холеный. Видно, что обеспеченный. Но что-то такое есть в глазах, что не то чтобы отталкивает, а, как бы это выразиться, настораживает, что ли...

– Руслан Альбертович, а вот и моя дочка Ирочка, – познакомила их мама.

Ира усмехнулась про себя – что ж это мама его по имени-отчеству называет? Судя по отдельным репликам, которые у нее иногда вырывались, дело у них давно было на мази.

– Руслан Альбертович пластический хирург, – продолжала мама. – Один из лучших в Москве. Ты ведь слыхала про клинику доктора Лодкина? Он его правая рука... А Ирочка у меня передачи по радио ведет, я вам рассказывала.

– Как же, как же, помню, – закивал мужчина. – Рассказывали.

«Надо же, они до сих пор «на вы» – отметила про себя Ира и невольно восхитилась. – Как это романтично! Прямо как Орлова с Александровым...»

– Ну, давайте за стол, за стол... – засуетилась мама. – Садитесь, Руслан Альбертович. Да вы снимайте пиджак, тут тепло. И галстук снимайте, у нас тут все запросто...

За столом, гвоздем которого было мамино коронное блюдо – мусака, велись исключительно кулинарные разговоры. Гость похвалил искусство хозяйки, деликатно дал пару советов, как можно довести кушанье до полного совершенства, и принялся рассказывать, как он готовит чахохбили – не ту жалкую подделку, которую сейчас называют этим словом, а настоящее грузинское блюдо.

– Мясо надо брать обязательно молодое, с жирком, – вещал он. – При этом совсем не обязательно курицу, можно и баранину. Раньше чахохбили вообще готовили исключительно из фазана, но теперь с фазанами, как вы сами знаете, не очень... Главный секрет – сухая жарка, без всякого масла и жира! Только через пятнадцать минут можно добавить вино. И обязательно поджарить половинки помидоров...

Ира, никогда не бывшая увлеченной кулинаркой, вскоре заскучала. Мама несколько раз бросала в ее сторону осторожные взгляды и через некоторое время решила сменить тему разговора.

– Руслан Альбертович, вот вы, как профессионал, скажите – Ирочке стоило бы изменить что-нибудь во внешности?

Ирина вспыхнула, но ничего не сказала. Хирург бросил на нее заинтересованный взгляд.

– Но разве что чуть-чуть, – галантно сказал он. – Вообще Ирочка и так очень привлекательная девушка. Я бы посоветовал только... Ира, вы позволите?

Та ошарашено кивнула.

Мужчина отложил вилку, тщательно вытер руки салфеткой и, взяв Иру за подбородок, развернул ее лицо к свету.

– Легкий птоз справа... – забормотал он. – Уберем... Асимметрия носогубной слева – не страшно, можно подрихтовать. Здесь подтянем... Тут гель... Немного, буквально полкубика. Бровки надо приподнять, чтобы открыть взгляд, ну, это понятно, ботокс. Тут мимические... Угу... В общем, сделаем из вас ослепительную красавицу. Носик не хотите подправить или ушки?

– Вроде никогда не собиралась... – пробормотала Ира, глядя то на него, то на мать.

– Дело ваше, тут острой необходимости нет. А вот фигурка... Ирочка, встаньте, пожалуйста.

Та, недоумевая, поднялась.

– Вот тут работать и работать, – покачал головой Руслан Альбертович. – Минимум пару размеров надо убирать. Животик... Бедро... Без липоксации не обойтись. Ну и, конечно, грудь подтянем... Добавим...

– Мама. – Ира наконец пришла в себя. – Можно тебя на минуточку?

Извинившись перед гостем, Александра вышла следом за ней в прихожую.

– Мама, кто это такой?

– Дочка, да я же тебе говорила – пластический хирург, просто виртуоз своего...

– Да это-то я поняла! Ты лучше объясни, почему твой ухажер ко мне так пристал, будто и впрямь хочет мне операции делать?

– Ну какой же он мой ухажер, – рассмеялась Александра. – Я сама его первый раз в жизни вижу. Это отец психолога Лолы Руслановны, помнишь ты у нее...

– Помню. А что он тут делает? – никак не могла взять в толк Ира.

– Я его пригласила, чтобы он на тебя посмотрел, – самым что ни на есть невинным тоном поведала Саша. – Лола Руслановна сказала, что тебе нужно кардинально измениться, тогда пройдут твои проблемы с самопринятием...

Полностью осознав, что происходит, Ира вдруг рассердилась. Это случалось с ней не так уж часто, обычно, даже если что-то сильно действовало ей на нервы, она старалась держать себя в руках. Но если уж не выдерживала и выходила из себя, то взрывалась, как бомба.

– Знаешь, что мама! – закричала она, нисколько не заботясь о том, что гость в комнате может ее услышать и получится *неудобно*. – Нет у меня никаких проблем! Ни с самопринятием! Ни с внешностью! Ни с мужчинами! И вообще никаких проблем нет! У меня все нормально! Я... Я, если хочешь знать, скоро замуж выхожу!

И принялась торопливо обуваться.

– Что? – удивилась мама.

– А то, что слышала! – кипятилась дочь.

– Опять сочиняешь... – пробормотала Александра, но Ира перебила ее.

– Нет, не сочиняю. Говорю чистую правду, – заверила она, стягивая с вешалки свою куртку.

– И кто же он?

– Неважно! Сосед...

– Но почему ты мне ничего не сказала... – Александра выглядела совершенно растерянной. – И когда же свадьба?

– Под Новый год! – выдала Ира и ушла, хлопнув дверью.

Саша запоздало метнулась за ней:

– Это через неделю, что ли?.. А... А платье?..

Но дочь даже не обернулась.

На выходе из подъезда она чуть не сбила с ног высокого седого мужчину в синей куртке с букетом алых роз в руках.

– Извините. – Он посторонился.

– Ничего, – бросила она и пошла прочь.

А мужчина вошел в подъезд, поднялся на последний этаж и позвонил в ту же самую квартиру, откуда только что ушла Ира.

Мужчина – это был Владимир – чувствовал себя несколько неловко. Они с Сашей не договаривались встретиться в этот

праздничный вечер, потому что он до последнего не знал, успеет ли закончить статью, которую нужно было срочно сдать в редакцию журнала. Но работа спорилась, статья была завершена еще днем, и Владимир решил сделать сюрприз женщине, которую (теперь он знал это наверняка) он всю жизнь любил, но однажды уже потерял и теперь отчаянно боялся потерять второй раз.

Саша открыла, даже не поглядев в «глазок» и не спросив, кто, так как была уверена, что это вернулась Ира. Увидев на пороге Владимира, Алекс смешалась.

– Ты? – растерянно пробормотала она. – Я тебя не ждала...

– Да я уж это понял, – хмуро отвечал Владимир. Через открытую дверь в комнату он прекрасно видел празднично накрытый стол и восседавшего за ним импозантного брюнета без пиджака и галстука. Брюнет выглядел смущенным, а Алекс была такая нарядная...

– Извини, что помешал, – сухо сказал Володя. – Впредь такого не повторится.

Не глядя, бросил букет на подзеркальник и вышел вон.

– Володя! – кричала бросившаяся за ним Саша. – Володя, погоди, я тебе сейчас все объясню! Ты все не так понял!

Но он, как и Ира пять минут назад, даже не обернулся.

Александра вернулась в комнату, села за неприбранный стол и спрятала лицо в ладонях.

– Я все испортила... – прошептала она. – Все кончено...

– Не думаю, – спокойно возразил Руслан Альбертович. – Уверен – все только еще начинается.

Александра взглянула на него и запоздало извинилась:

– Простите, мне так неудобно перед вами... Пригласила вас на ужин – а вместо этого заставила быть свидетелем наших семейных сцен... Сначала Ира, теперь Володя...

– Пустое, Сашенька. – Хирург ободряюще похлопал ее по руке. – Извиняться не за что. Ужин был чудесным.

– Вам правда понравилось? – обрадовалась она.

– Я очень доволен! Даже не знаю, чем больше – угощением или знакомством с такой привлекательной женщиной.

– А вы находите меня привлекательной? – Саша кокетливо взглянула на него и машинально поправила прическу.

– Конечно. И при этом – заметьте – без всяких пластических операций.

* * *

В предпраздничные дни в магазинах всегда суета и толчея. Стоя в длиннющей очереди к кассе супермаркета, Ира уже жалела о том, что пришла сюда именно сегодня, вечером двадцать девятого декабря. Может, стоило сделать запасы пораньше? Или, наоборот, отложить шопинг на более позднее время. Тридцать первого днем, возможно, народу было бы поменьше...

Когда она вышла на улицу, оказалось, что уже стемнело. Шагая по улице с тяжеленными пакетами, Ирина ругала себя за то, что не отправилась за покупками на машине. Ну и что, что супермаркет в соседнем доме, зато не нужно было бы всю эту тяжесть на своем горбу волочь...

Она прошла как раз половину дороги, когда в кармане джинсов зазвонил телефон. Чертыхаясь, Ира поставила пакеты прямо на снег и не без труда вынула мобильный, который никак не хотел вылезать из узкого кармана. Звонила Алла.

– Ир, я тут подумала... – без всяких приветствий начала она.

– Ой, Алка, давай не сейчас! Я из магазина иду, накупила себе всякого на праздники – и вино, и сок, и фрукты, и банок всяких... Еле тащу, руки просто отваливаются... Приду – перезвоню тебе.

– Только сразу! – предупредила Алла. – Это важное.

Кое-как дотащившись до квартиры, Ира пристроила шубку на вешалку и, не снимая сапог (бог с ним, все равно завтра убираться), отволокла пакеты на кухню и принялась разбирать их, одновременно набирая номер Аллы.

– Привет, ну что там у тебя? – спросила она, ловко прижимая трубку плечом к уху.

– Я вот тут подумала, – с того же места продолжила подруга, – и решила, что ты, Ирка, дура.

– А из чего ты сделала такой глубокомысленный вывод? – Ирина аккуратно пристраивала банки вишневого компота, маслин и маринованных огурчиков на среднюю полку холодильника.

– Ты ведь, сколько мы с тобой ни говорили, так и не решилась познакомиться со своим «Сергеем», так?

– Ну, пока да... – Ира вытащила завязанный узлом пакет с мандаринами.

– А вот почему, интересно знать? Ты же хотела посмотреть, какая у него машина, и на этой почве подкатить к нему?

– Я смотрела Алл, честно, – оправдывалась Ирина. – Один раз подкараулила, когда он домой возвращался, и дважды – когда из дома уходил. Так знаешь – он все три раза пешком шел. Может, у него автомобиль в ремонте?

– Или просто машины нет, – заключила Алка. – Да и квартиры своей может не быть. Ты ведь даже не знаешь, его это квартира или нет. Может, он ее снимает?

– И что с того? – Ира пыталась развязать узел на пакете с мандаринами, но у нее это никак не получалось. – Не так уж для меня важно, есть ли у него машина, квартира и московская прописка или нет...

– Да при чем тут прописка, чучело ты гороховое!

– А в чем тогда дело? – махнув рукой на узел, Ира решительно рванула пакет и разорвала его.

– Да в том, что если он эту квартиру снимает, то может в любой момент съехать! Мало ли что случится... Может, хозяева цену повысят, может, его с работы уволят – кризис же...

– Да ты что?! – ахнула Ира. Рука у нее дернулась, мандарины, весело запрыгав, раскатились по всей кухне рыжими упругими мячиками. Но Ирина даже не обратила на это внимания.

Ей как-то никогда не приходила в голову мысль, что «Сергей» может исчезнуть из ее жизни. И больше никогда не будет уютных, почти что семейных вечеров в кресле у окна...

Точно желая убедиться в том, что подруга заблуждается, Ира бросила взгляд в окно... и замерла. Мужчина в квартире напротив открыл шкаф и вынимал из него одежду, аккуратно складывал и упаковывал в большую серую сумку.

– Алл... – Ира произнесла это таким голосом, что подруга даже испугалась.

– Иренция, что это с тобой?

– Алл, он вещи собирает...

– Ну, вот видишь! Я ж тебе говорила! – заорала Алка, но тут же принялась ее успокаивать. – Да погоди ты не паникуй! Может, он просто на каникулы куда-нибудь едет.

«Сергей» тем временем закрыл сумку, упаковал ноутбук, внимательно оглядел квартиру. Потом направился в прихожую и вернулся с пожилой женщиной в синем пальто.

– Алк, к нему тут кто-то пришел... Женщина...

– Молодая?

– Нет... В пальто...

– И что они делают?

– По квартире ходят. Он ей что-то показывает, она смотрит туда, сюда... Ой, он ей, кажется, ключи отдает!

– Похоже, квартирная хозяйка, – заключила подруга. – Наверное, и правда съезжает...

– О боже! Что же делать? Алк, извини, я тебе потом перезвоню!

В тот момент Ира толком не соображала, что делает. Она думала только об одном – сейчас «Сергей» уедет, и она больше никогда его не увидит. Этого нельзя было допустить!

Рывком сдернув с вешалки куртку, Ира пулей вылетела из квартиры и даже не захлопнула за собой дверь. Проскочила через двор, подлетела к подъезду напротив. Домофон на двери мог стать препятствием, но тут Ире повезло – перед самым ее носом дверь отворилась и из нее вышла девочка-подросток в ярко-красном шарфе. Чуть не сбив ее с ног, Ира влетела в подъезд.

Как раз в тот момент, когда она подбежала к лифту, тот остановился, и из раскрывшихся дверей вышел мужчина в черной кожаной куртке, с большой серой спортивной сумкой на плече, державший в руках связку ключей. Ирина с разбегу налетела на него, ударила локтем по руке и выбила ключи из рук. Те отлетели в сторону и весьма удачно опустились прямиком за решетку подвала позади лифта.

– Тьфу ты черт! – выругался мужчина, проследив взглядом траекторию полета ключей. Потом обернулся к Ирине и воскликнул:

– Это опять вы?

Ира обалдело уставилась на него. Перед ней стоял Сергей, тот самый, владелец красного «Форда», что испортил ее пальто и перекрыл трубу в ванной. Ира впервые увидела его так близко и вдруг

заметила, что у него родинка над верхней губой – точь-в-точь, как у Сережи с дачи. Только с другой стороны, у Сережи была слева, а у этого – справа...

– Так это вы?.. – эхом повторила она. – Получается, Сергей – это вы?

Так вот кем оказался мужчина из квартиры напротив! Странно, что она не додумалась до этого раньше, не узнала его... Ведь Алка неоднократно намекала на что-то подобное, говорила, что, скорее всего, Ира с «Сергеем» уже неоднократно встречались, виделись во дворе – не может быть, чтобы люди жили в соседних подъездах и ни разу не столкнулись. А она, Ира, не верила. До этой самой минуты.

Вблизи Сергей оказался еще выше и стройнее, чем это наблюдалось в окно. И лицо у него было очень симпатичное – даже сейчас, когда приняло недовольное выражение.

– Ну да, я Сергей, – ответил он раздраженно. – А вы Ирина, насколько я помню. И только что по вашей милости я остался без ключей. А у меня на этой связке и от машины ключи, и от квартиры...

– Сейчас мы их достанем! – оптимистично заверила Ира. Ради мужчины из квартиры напротив она была готова горы свернуть, не то что найти потерянную вещь.

Увы, сказать было проще, чем сделать. Ключи, пролетев через решетку, приземлились где-то далеко, их даже видно не было. А на самой решетке красовался огромный замок и табличка «Ключи у техника-смотрителя».

За решеткой было совершенно темно. Сергей достал карманный фонарик и попытался осветить туда, но слабого огонька оказалось недостаточно.

– Надо позвонить в диспетчерскую, – предложила Ирина.

– Сомневаюсь, что сейчас там кто-то есть, – покачал головой мужчина. – Вечер накануне праздника...

Он вынул мобильный и набрал номер, указанный на табличке.

– Занято... Это обнадеживает. – Сергей посмотрел на часы и поморщился: – Черт, у меня самолет через три часа!

– Вы уезжаете? – У Иры упало сердце. Неужели Алла оказалась права? Неужели Сергей сейчас уедет, и она, Ира, никогда больше его не увидит?

– Решили с друзьями встретить Новый год в Чехии, – не слишком охотно поделился он.

Слава тебе господи! На праздники – это не навсегда...

«Наверное, он едет с тем лысым, то есть бритым, парнем», – подумала Ирина и чуть не спросила об этом вслух, но вовремя прикусила язык. Как бы, интересно, она объяснила Сереже, откуда знает его друга?

– Но, похоже, накрылась моя поездка, – посетовал мужчина из квартиры напротив и снова набрал номер диспетчерской.

– Но три часа – это еще ничего, можно успеть – Ира старалась как могла, поддерживая его.

– Опять занято...

– А давайте сходим в диспетчерскую? – предложила Ира. – Это ведь недалеко, через два дома.

– Да, я сам уже подумал об этом, – кивнул Сергей. – Сейчас пойду.

– Я с вами, можно?

Он с сомнением поглядел на нее:

– Ира, вам что, делать нечего?

По его тону Ирина поняла, что мужчина из квартиры напротив очень сердит на нее. Впрочем, что тут удивительного? Она сама бы разозлилась, если б торопилась куда-то, а кто-то налетел бы на нее, как бешеный носорог, и выбил бы из рук ключи. Конечно, Сергей злится! А раз так, она, Ира, должна сделать все возможное, чтобы загладить свою вину и исправить положение.

– Это ведь я виновата, что у вас упали ключи... – проговорила она. – Поэтому хочу вам помочь.

Сергей снова посмотрел на нее и поправил сумку на плече.

– Ладно, идемте. Только быстрее, время не ждет.

* * *

Двери диспетчерской были заперты, но сквозь одно из неплотно зашторенных окон пробивался свет. Сергей позвонил в звонок раз, другой, третий... Потом снял с плеча сумку, поставил ее на крыльцо и

решительно заколотил по двери кулаком. Стук отозвался грохотом металла.

– Бесплезно, – бормотала Ира, прислушиваясь. – Там тихо. Наверное, просто ушли и забыли выключить свет... Ой нет, идет кто-то!

Действительно, внутри слышались нетвердые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге возникла по виду явно подвыпившая женщина неопределенного возраста, со съехавшим набок пучком обесцвеченных волос и смазанным вульгарным макияжем.

– Ну чего трезвонишь? – икнув, спросила она.

– Срочно нужно открыть подвальную решетку в первом подъезде шестого дома, – проговорил Сергей.

– Это с какой радости? – вытаращилась женщина.

– У меня ключи...

– А у меня праздник! – перебила его женщина. – Новый год. Слышал о таком? – Она пьяно захихикала, точно сказала что-то необыкновенно смешное.

– Раиса, ну где ты там? Ноливо! – слышался откуда-то из недр помещения еще более пьяный мужской голос.

Ира умоляюще сложила руки:

– Поймите, нам очень нужно!

– Мне тоже отдохнуть нужно, – резонно ответила женщина. – Рабочий день давно кончился. Все – ик! – гуляйте, молодые люди. Приходите после праздников!

И захлопнула дверь прямо у них перед носом.

– Наглость какая! – возмутилась Ирина. – Что она себе позволяет? Надо немедленно пожаловаться начальнику ДЭЗа!

– У которого сейчас, в предпраздничный вечер, только и забот, что слушать наши жалобы. И, как это в газетах пишут, «незамедлительно реагировать на требования населения». – Сергей еще раз постучал кулаком по двери, но на этот раз никакой реакции не последовало.

– Да они вообще должны круглые сутки работать! – не успокаивалась Ирина. – Вдруг у кого-нибудь авария, как у меня с трубой?

– Авариями аварийная служба занимается, – здраво возразил он. – Кстати, как ваша труба? Починили?

– Да, спасибо... Сергей, но что же вы теперь будете делать?

Он пожал плечами и поднял свою сумку.

– Поймаю такси.

– В аэропорт? – ужаснулась Ира. – Но с вас же бог знает, сколько денег сдерут! Тысячи две, а то и три! Вам куда ехать?

– В Шереметьево.

– Тем более!

Сергей невесело улыбнулся:

– У вас есть альтернативное предложение?

– Конечно! – заверила Ира. – Знаете что? Давайте я вас отвезу? У меня ведь тоже машина есть. И вожу я хорошо, уже больше года за рулем!

Ей очень сильно, ну просто больше всего на свете хотелось, чтобы он согласился. Это ведь такой шанс, его нельзя упустить! Она проводит Сергея в аэропорт, потом встретит, когда он вернется. За время его отсутствия обязательно постарается найти управу на наглую тетку из диспетчерской и отыскать его ключи – это будет сюрприз, ее, Иры, новогодний подарок для Сережи. Он, конечно, будет доволен, и на радостях непременно пригласит ее куда-нибудь. Они посидят вечером в каком-нибудь тихом уютном ресторанчике, поболтают за бокалом хорошего вина, и Сергей удивится, как много у них общих интересов, она же теперь даже в снукере разбирается! И тогда он скажет ей...

Увы, все это было только в мечтах. А реальный Сергей безжалостно обрушил все Ирины радужные планы, сказав совсем другое:

– Спасибо, Ира, не нужно. Я сам доберусь. Идите домой... Все, что вы могли, вы уже сделали... Всего хорошего, с наступающим!

Поправил на плече сумку и зашагал прочь со двора. А она так и осталась стоять – посреди осколков собственных разбитых надежд.

* * *

Сначала Ира хотела тут же броситься вслед за Сергеем, но подумала и сдержалась. Это было бы глупо, да и бесполезно, она только поставила бы себя и его в неловкое положение.

Вместо этого она торопливо вернулась к своему дому, по дороге нащупав в кармане куртки ключи от машины, подбежала к своей «деушке», села за руль, завела мотор и выехала со двора.

На другой стороне улицы Ирина увидела Сергея, голосовавшего проезжающим автомобилям. Пока Ира разворачивалась, около него уже успело тормознуть несколько машин, но, после непродолжительных переговоров все проезжали дальше. Очевидно, никому не хотелось на ночь глядя, да еще в предпраздничный день, ехать в аэропорт. Или наоборот – водители заламывали такие цены, что сам Сергей не соглашался.

Лихо подрулив, Ирина затормозила прямо рядом с ним. Мужчина из квартиры напротив тут же рывком открыл дверь:

– Мне в Шереметьево, срочно!.. Опаздываю на само... Господи, опять вы?!

Ирина быстро качнула головой, указывая на сиденье:

– Садитесь скорее, а то и правда опоздаете!

Сергей помедлил несколько секунд, потом решил, бросил сумку на заднее сиденье и сел рядом с ней.

– Поехали, только прошу вас, побыстрее! Два часа осталось, ну, может, чуть больше.

– Успеем!

Ира, точно заправский гонщик, рванула с места.

– Надо ехать по МКАДу, так будет быстрее, – посоветовал Сергей.

– Плавали – знаем! – бодро отвечала Ирина.

На самом деле она была не таким уж опытным водителем, каким хотела казаться. Права получила только в прошлом году и, как правило, ездила очень осторожно. Но сейчас ей отчаянно хотелось произвести впечатление на мужчину из квартиры напротив, и она гнала на предельно допустимой скорости, чего обычно никогда себе не позволяла.

Однако, как известно, Москва – не то место, где можно лететь на всех парах. Мчались только до первого светофора, там пришлось остановиться на некоторое время. Затем постояли на перекрестке с Ломоносовским проспектом, потом, у метро «Новые Черемушки» угодили уже в настоящую пробку, в которой потеряли не меньше пятнадцати минут. Сергей старался держаться спокойно, но у него, как у любого автомобилиста, неожиданно оказавшегося не за рулем, а

рядом, это не всегда получалось. Вскоре он стал советовать ей, что делать, когда перестроиться и как кого объехать. Ирина начала нервничать. Не из-за того, что пассажир пытался руководить ее действиями, нет. Сергею из окна квартиры напротив она готова была простить все, тем более что он не ворчал и не говорил под руку, как это часто случается, а давал действительно дельные и своевременные советы – он явно был более опытным водителем, чем Ира. Так что расстраивалась она совсем из-за другого, – Ирина уже чувствовала, что к самолету они не успеют. Казалось, в этот предпраздничный вечер все оборачивалось против них, как будто все автовладельцы, сговорившись, сели за руль своих машин и отправились именно по их с Сергеем маршруту. Даже на МКАДе было столпотворение, машины тащились еле-еле. Нужно было срочно спасать положение – ведь от этого зависело ее счастье!

– Похоже, там авария впереди... – Сергей взглянул на часы и мрачно констатировал:

– Все, можно уже не торопиться. До окончания регистрации осталось сорок пять минут...

– Прорвемся! – решительно выкрикнула Ира, оглянувшись назад и, неожиданно для самой себя, вырулила на встречную полосу.

– Что вы делаете? Вы сумасшедшая! – воскликнул Сергей.

– Я всегда это знала! – смеясь, отвечала девушка.

На «встречке» машин было много меньше, они шарахались от дерзкой нарушительницы правил, сигналили ей, жестами и словами выражая все, что они думают о женщинах за рулем вообще и о ней, Ирине, в частности. Но Ире было наплевать. Только бы проскочить место затора, только бы успеть!

Сергей оказался прав – причиной пробки действительно были две «поцеловавшиеся» иномарки. К счастью, без жертв и особых повреждений, лишь слегка помявшиеся. Ирине повезло – сотрудники ГИБДД еще не прибыли на место происшествия, и ее сумасбродный маневр остался безнаказанным. Сразу после места аварии она, как ни в чем ни бывало, вернулась на свою полосу.

Заметно побледневший Сергей с облегчением вздохнул:

– Однако, Ира... С вами не соскучишься. Я-то думал, что вы тихоня, кисейная барышня...

– В тихом омуте черти водятся! – хохотала Ира. Она была возбуждена, полна энергии, «на адреналине», как называла такое состояние Алка. Ей было мало только что случившегося происшествия, хотелось выкинуть что-то еще более отчаянное и рискованное – и все ради него, Сергея, мужчины в окне напротив.

Дальше дорога была уже намного свободнее. Даже поворот на Ленинградское шоссе, к удивлению их обоих, проскочили довольно легко, почти не останавливаясь.

– Ну давай, «деушка» моя, давай, жми, родимая, – повторяла Ира, летя по Ленинградке, через Химки, а затем поворачивая на Шереметьевское шоссе. Верная помощница старалась как могла. И вот уже показались вдали огни аэропорта.

– Неужели успеваем? – Ирина не верила своему счастью.

– Если и успеваем, то впритык. – Сергей был настроен более скептически. – И то, если на парковке не будем мешкаться.

– Не будем, мы быстренько! – оптимистично заверила Ира.

Конечно, прав оказался он, а не она. Пока нашли место для стоянки, пока припарковались... В терминал уже пришлось бежать со всех ног. Сергею, который, похоже, занимался спортом (и когда только успевал – непонятно?) это далось легче, нетренированная Ира еле поспевала за ним, но изо всех сил старалась не отставать.

Они примчались почти вовремя. Но беда в том, что в аэропорту или на вокзале «почти» не считается.

Ирина и ее пассажир опоздали на одну минуту – всего лишь на одну минуту! – но эта минута оказалась решающей. Когда они, запыхавшиеся, красные, взъерошенные, с трудом переводя дыхание, подбежали к стойке регистрации, выяснилось, что уже поздно.

– Сергей Бекетов? – заглянула в документы дежурная в форменном кителе. – Вас ждали до последнего. Несколько раз по радио объявляли. Самолет поднялся в воздух минуту назад.

– Что вы говорите? А мы так спешили... – Ира готова была заплакать с досады. – А никак нельзя вернуть самолет?

Дежурная с усмешкой поглядела на нее:

– Увы, девушка... Самолет, как и молодость, вернуть нельзя. – И поправила темные волосы, в которых уже явно были заметны серебряные нити.

– И что же мне теперь делать? – огорченно спросил Сергей.

– Попробуйте поменять билет, – посоветовала дежурная. – В Прагу будет еще один рейс, через три часа.

– Спасибо за идею! А где это можно сделать?

– В соседнем зале.

Несостоявшийся турист и следовавшая за ним по пятам Ира отправились в соседний зал, отстояли очередь к нужному окну. Однако и тут их ожидало разочарование. На ближайший рейс билетов не оказалось – ни из брони, никак. Только на десять пятнадцать утра, не раньше.

– Что ж, это лучше, чем ничего, – решил Сергей. – Давайте... Сейчас поеду домой, посплю часов шесть... Нет, лучше пять – и вернусь сюда.

Он оформил билет, положил его в паспорт, спрятал документы и бумажник во внутренний карман своей черной кожаной куртки. И лишь когда они отошли от окна, его осенило:

– Черт! У меня ж ключей от квартиры нет!

– Поедьте ко мне, – поспешно предложила Ира.

– Еще чего не хватало! Нет уж, я перекантуюсь у друзей. – Сергей вынул мобильник и торопливо стал набирать номер.

Ира терпеливо ждала рядом. Она почему-то не сомневалась, что у Сергея ничего не получится. Интуиция, наверное...

Так и оказалось. Трое из друзей уехали на каникулы из Москвы – кризис кризисом, а отдохнуть тоже надо. У двоих был выключен телефон, у одного заболел ребенок, а еще один проводил ночь с женщиной и явно не жаждал принимать гостей. В перерывах между звонками Сергей периодически уговаривал Иру ехать домой, но она категорически отказывалась:

– Нет-нет, Сережа! Я дождусь вас и отвезу туда, куда вам будет нужно.

– Да, похоже, не мой сегодня день, – констатировал он, закончив последний разговор.

– Я же говорила, что надо ехать ко мне! – воскликнула Ира. – Только время зря потеряли.

– Ира, вы, конечно, очень любезны, но это исключено, – твердо заявил мужчина из квартиры напротив. – Ночевать к вам я не поеду.

– А что же вы будете делать?

– Попробую устроиться в гостиницу. – Сергей с сомнением оглядел помещение терминала. В таких местах и в обычные-то дни многолюдно, а накануне праздника и вовсе наблюдалось настоящее столпотворение. Москвичи и гости столицы целыми толпами отбывали на каникулы в самые разные концы света.

– А если не получится, посплю здесь, в зале ожидания, – продолжил Сергей. – Не так уж долго ждать осталось.

– Ну почему? Почему вы не хотите поехать ко мне и поспать с комфортом, а не в жестком кресле! – возмутилась Ира и добавила: – Послушайте, отказывать женщине, которая приглашает вас к себе на ночь, – это просто невежливо!

Как раз в этот момент мимо них проходила группа мужчин кавказской наружности. Услышав последние слова Иры, они засмеялись, зацокали языками, закачали головами, явно осуждая Сергея. Тот недовольно посмотрел на них, перевел взгляд на Иру и вдруг рассмеялся.

– Действительно, с вами не соскучишься... Ну черт с вами, уговорили. Едем к вам, а утром я закажу такси.

– Да я вас сама утром могу... – начала она, но Сергей решительно перебил:

– Ира, давайте уже закончим препирательства, ладно?

Ирина кивнула и дала себе слово больше уже не спорить с ним. Когда на парковке он сам заплатил за стоянку ее машины, она открыла было рот, но спохватилась и благоразумно закрыла его обратно, не сказав ни слова.

Обратно ехали уже не торопясь. Сергей все время молчал, видно, серьезно огорчился из-за опоздания на самолет, и, чтобы заполнить гнетущую паузу, Ира решила включить радио. Нажала кнопку, нашла привычную волну.

– ...сковское время двадцать три часа пять минут, с вами по-прежнему «Маяк» и Михаил Раевский, – зазвучал в эфире знакомый голос лучшего диджея их радио. – Мы продолжаем нашу предновогоднюю игру «Поздравления от ваших любимых ведущих». Только что мы с вами получили поздравления от Стеллы Паниной и послушали ее любимый романс «Средь шумного бала» в исполнении Любви Казарновской. А сейчас мы позвоним... кому же мы позвоним? Ну, конечно же, вашей любимице Ирине Бобровой,

замечательной ведущей замечательной передачи «Легенды любви»...
Набираем номер...

Ира хотела что-то сказать, но не успела, Сергей ее опередил.

– О, я эту передачу знаю! – сказал он. – Слушаю иногда в машине.
Хорошо девушка рассказывает, душевно так, аж за душу берет...

И тут же зазвонил Ирин мобильник.

– Ирина, здравствуйте, с наступающим вас! – раздалось одновременно и в трубке, и в эфире. – Это Михаил Раевский! Что вы сейчас делаете, Ирина?

– Еду в машине в компании очень симпатичного мужчины, – весело отвечала Ира. Она не могла отказать себе в удовольствии понаблюдать, как вытянулось лицо у Сергея.

– Вот как? Тогда не буду вам мешать... Скажите только два слова: что вы хотите пожелать своим радиослушателям в наступающем году?

– Любви! – само собой вырвалось у Иры. – Такой большой и красивой, чтобы она тоже стала легендой. Но обязательно счастливой и долгой-долгой, на всю жизнь!

И закончила фразой, которая традиционно звучала в финале каждой ее передачи:

– Будьте счастливы, любите и будьте любимы!

– Отличное пожелание, Ирина! – дежурно восхитился Миша. – Последний вопрос: какую песню вы хотели бы услышать прямо сейчас?

– Заказывайте, Сергей. – Ира лукаво посмотрела на своего спутника. Тот выглядел совершенно ошарашенным и только растерянно пожал плечами.

– Тогда поставьте, пожалуйста, мою любимую, – попросила Ира. – Песню о счастье из «Ивана Васильевича».

– Нет проблем! Еще раз с наступающим и всего самого наилучшего! Дорогие друзья, по просьбе Ирины Бобровой, ведущей передачи «Легенды любви» звучит «Песня о счастье» из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»!

Счастье вдруг в тишине
Постучалось в двери,
Неужели ты ко мне?
Верю и не верю!

Падал снег, плыл рассвет,
Осень моросила...
Столько зим, столько лет
Где тебя носило? —

донеслось из динамиков.

– Ну чудеса, – развел руками Сергей. – Вы, оказывается, та самая Ирина Боброва... Да уж действительно с вами не соскучишься!

Ира тихонько рассмеялась.

Вдруг, как в сказке,
Скрипнула дверь...
Все мне ясно
Стало теперь.
Мерз я где-то
Плыл за моря...
Значит, это
Было не зря!
Все на свете
Было не зря,
Не напрасно было!

* * *

– А что это у вас дверь не заперта? – удивился Сергей, когда они подошли к квартире Ирины.

– Ой, я не успела ее закрыть, очень спешила... – ответила Ира и страшно испугалась, что сейчас мужчина ее мечты спросит, куда именно она спешила. И что, интересно знать, она ему на это скажет?

– Вы проходите, раздевайтесь, будьте, как дома!.. – затараторила она, чтобы отвлечь его внимание. – Вот, тапочки берите... А я сейчас, сейчас!

Еще в дороге Ира вспомнила о том, что ее гостиная выглядит, мягко говоря, странно. Созданный ею пару месяцев назад «зрительный

зал», обращенный прямо на окна его квартиры, обязательно привлечет внимание гостя, и тогда... Страшно даже подумать, что тогда.

Ирина со всех ног бросилась в большую комнату, торопливо отодвинула от окна журнальный столик, развернула телевизор... С диваном пришлось попрыгать. Она и сюда-то его еле-еле подтащила, а теперь нужно поставить обратно, да побыстрее...

– Вам помочь? – спросил Сергей, входя в комнату.

– Нет-нет, спасибо, я сама...

– Ира, ворочать мебель – это не женское занятие, – строго заметил он. – Давайте я сделаю, что нужно?

– Диван вот передвинуть... Я вам на нем постелю, не возражаете?

– Нисколько. Куда вы хотите его поставить?

– Вот сюда, к стене.

– Правильно, здесь ему самое место. – Сергей с недоумением поглядел на диван, потом на окно, и Ирина так и обмерла. Но он ничего не сказал и взялся за работу.

– Отойдите-ка, я сам.

– Нет-нет, он тяжелый, давайте вдвоем...

Ира почему-то была уверена, что Сергей обязательно подойдет к окну, посмотрит на свою квартиру и что-то скажет по этому поводу. Но он не сделал ничего подобного, может быть, потому что устал и слишком много нервничал сегодня вечером. Вместо этого он разложил диван, забрал у Иры из рук постельное белье (ради него она достала из шкафа новый шикарный комплект, уже больше года хранившийся в ожидании подобного случая) и сам принялся стелить себе постель.

– Может быть, вы есть хотите? – поинтересовалась Ира.

– Нет, спасибо, – отвечал Сергей, но как-то не очень уверенно.

«Стесняется!» – решила Ирина.

– Я почему спрашиваю. – Она пошла на хитрость. – После всей этой беготни я ужасно проголодалась...

– Сводить вас куда-нибудь в ресторан? – Он посмотрел на часы и добавил с сомнением в голосе:

– Хотя в час ночи... Хотите, закажем пиццу или еще что-нибудь? У них бывает круглосуточная доставка.

– Нет-нет, не нужно, у меня полный холодильник еды! – заверила его Ира. Какое счастье, что она сегодня накупила продуктов! – Просто я так не люблю есть одна... Может быть, вы поужинаете со мной?..

– Ну, если только за компанию...

Ира со всех ног бросилась на кухню жарить отбивные и строгать на скорую руку салат, который они с мамой называли «Зимним» – с маринованными огурцами, яблоком и тертым сыром.

Мужчина из квартиры напротив оказался благодарным гостем, уплетал поздний ужин за обе щеки и дважды похвалил кулинарное мастерство хозяйки. Ира так и таяла от удовольствия. Садясь за стол, она была уверена, что ей ничего в горло не полезет, но стоило ей положить в рот маленький кусочек мяса, как она почувствовала, что тоже страшно хочет есть.

– Уф, Ира, вы меня просто спасли от голодной смерти! – проговорил Сергей, доедая отбивную. – Спасибо вам.

– Да не за что. Давайте я вам еще салата положу, – суежилась Ирина.

– Не откажусь. Обычно я не ем в такое время суток, но...

– Ничего, сегодня можно! – заверила она. – Пить что будете: чай, сок? Хотите свежесжатого сока? У меня яблоки есть, мандарины...

– Нет, спасибо, лучше чай. Я не большой любитель соков, разве что в спортклубе иногда витаминные коктейли пью после занятий.

– О, вы спортом занимаетесь? – Ира поглядела на него с уважением. – И когда же вы успеваете?

– Ну что вы, какой это спорт! Так, фитнес. Физкультура, в переводе на русский язык. А спорт я только по телевизору иногда смотрю.

– Снукер? – вырвалось у Ирины.

Он недоуменно поглядел на нее.

– Как вы догадались? Мне действительно из всех видов бильярда больше всего снукер нравится.

– Мне тоже, – затараторила она. – И я почему-то интуитивно почувствовала, что наши вкусы совпадают... Сергей, а по профессии вы кто?

– Дизайнер. Это мне чай? Спасибо. Нет, сахара не надо.

«Выходит, я угадала!» – обрадовалась про себя Ира, а вслух сказала:

– Как интересно! А чем именно вы занимаетесь? Интерьером? Или, может быть, ландшафтным дизайном?

– Ни тем и ни другим, – он взял у нее из рук горячую кружку. – Я работаю в полиграфии. Делаю всякие календари, постеры, рекламные буклеты, каталоги. Раньше еще с двумя журналами сотрудничал, но теперь, из-за кризиса, только один остался и тот на ладан дышит. А как у вас на радио дела, вас кризис сильно затронул?

– Пока не очень, но... – Ира машинально бросила взгляд на часы и прервалась на полуслове. – С ума сойти, уже третий час ночи, а нам завтра рано вставать...

– Уже сегодня, – с улыбкой поправил Сергей.

– Ну, вот именно. Идите ложитесь. Хоть немного, а все-таки поспите по-человечески, в нормальной постели, а не в кресле зала ожидания.

– Да, это, конечно, не в пример лучше. Спасибо вам, приютили бездомного... – Сергей достал мобильный:

– Надо будильник завести, часов на шесть, наверное. И такси вызвать.

– Да ладно, завтра все успеем! – принялась уверять Ира. Не без задней мысли – ей, конечно, хотелось самой отвезти в аэропорт мужчину из квартиры напротив. – И будильник я заведу. У меня он старый и такой громкий, что весь дом на уши поднимает. С ним мы уж точно не проспим!

Через десять минут Сергей уже спал. А Ира, хоть и валилась с ног от усталости, все-таки нашла в себе силы вымыть посуду и привести квартиру в порядок, чтобы с утра в чистой и убранной кухне накормить завтраком того, кто уже два месяца был героем ее ночных грез и дневных мечтаний. Когда она, наконец, добралась до своей широченной испанской кровати, было уже половина четвертого.

Никогда в жизни ей не спалось так сладко! Только под утро, просыпаясь, Ира почувствовала в глубине сознания какую-то неприятную, как заноза, мысль. Ах да, будильник! Что же он не звонит? Пора бы уже...

Она открыла глаза – было уже совсем светло.

Рывком Ирина села на кровати и посмотрела на часы. О боже! Двадцать три минуты одиннадцатого! Самолет Сергея уже восемь минут как в воздухе. А она, оказывается, забыла вчера завести будильник!..

Напяливая на ходу халат и не попадая от волнения в рукава, Ира бросилась в гостиную. Сергей спал сладким сном на разложенном диване. Спящим, прикрытым одеялом лишь до пояса, он показался ей еще красивее и мужественнее – широкая грудь, крепкие плечи, мускулистые руки... Лицо спокойное, губы как будто улыбаются, видно, снится что-то хорошее, приятное. Даже жалко будить... Но надо.

– Сергей, Сережа! Вставай... те! Мы проспали!

Он подскочил, такой милый, заспанный, взъерошенный спросонья:

– Сколько времени?

– Половина одиннадцатого! – покаянно сказала Ирина.

– Как половина одиннадцатого? – схватил часы с журнального столика, посмотрел на них и грустно добавил:

– А чего вы тогда так кричите? Кричать-то уже поздно.

– Извините, я не хотела... – пробормотала Ира. – Но я забыла завести будильник...

– Знаете, Ира, – тихо сказал Сергей, – вы не женщина, а просто какая-то ходячая катастрофа. И, несмотря на всю вашу привлекательность, я глубоко сочувствую человеку, который решится быть с вами рядом.

Услышав такие слова, Ирина так и застыла посередине комнаты, не понимая, радоваться ей или огорчаться.

Сергей тем временем встал с кровати и стал одеваться. А она совсем растерялась, не зная, как потупить и что сказать. Только когда он уже вышел в прихожую и обул знакомые ей непромокаемые ботинки, она спохватилась:

– Куда же вы?

– Если вам интересно, куда я еду, то я отправляюсь менять билет, – сухо ответил мужчина из квартиры напротив. – Чувствую, это уже скоро войдет у меня в привычку. По вашей милости.

– А завтрак? – жалобно проговорила Ира.

– Благодарю вас, обойдусь без завтрака. С наступающим вас, спасибо за помощь.

И захлопнул за собой дверь.

«Они так и не перешли на «ты», – почему-то вспомнилось Ирине.

Она прислонилась к стене и горько заплакала. Не переставая всхлипывать, прошлась по квартире, отыскала мобильный и набрала номер.

– Алк, приезжай ко мне? Прямо сейчас, а? Мне так плохо, хоть в петлю...

– Прямо сейчас никак не могу, – откликнулась верная подруга. – Буду часа в три-четыре. Погоди вешаться до моего приезда, ладно?

* * *

Услышав звук зуммера, Ирина со всех ног кинулась к домофону. Вдруг это вернулся Сергей? Но трубка откликнулась бодрым голосом Аллы: «Скорая дружеская помощь! Специалиста по утешению несчастных вызывали?» И на душе, несмотря ни на что, стало теплее.

Она распахнула дверь и ахнула. Аллу было почти не видно за пушистой елкой – настоящей, живой, да не обычной, «лысенькой», а дорогущей импортной толстолапкой, больше похожей на сосну, чем на елку.

– Держи, подруга, это тебе вместо цветов. – Алла сунула елку в руки Ирине. – Да бери же скорее, а то она тяжеленная, зараза...

– Алка, ты с ума сошла! Они же кучу денег стоят, эти елки!..

– Да ладно, не разорилась, по миру, глядишь, не пойду... Зато всамделишная. Я же знаю, ты каждый год о настоящей елке мечтаешь.

– Аллочка, милая... Спасибо тебе! – Ира была тронута до слез. Глаза у нее повлажнели, и подруга, заметив это, тут же скомандовала:

– Это еще что? А ну, прекрати реветь! Было бы из-за чего! Лучше подумай, во что мы ее ставить будем. Крестовина есть? Если нет, придется в ведро какое-нибудь...

– Где-то была подставка такая специальная... – вспомнила Ира. – Кажется, на антресолях...

И полезла в кладовку за стремянкой.

Пока устанавливали и украшали елку, Ирина начала не торопясь, во всех подробностях, пересказывать Алле то, что случилось сегодня ночью. С огромным удивлением она обнаружила, что прошло это все за каких-то пятнадцать часов – именно столько времени назад подруга вселила в ее душу сомнение, из-за которого все и началось...

Следом за елкой настала очередь украшать всю квартиру. Ира расставляла там и сям новогодние свечи и подсвечники в виде снеговиков и заснеженных домиков, вешала на стены венки из искусственных еловых веток, уставляла на видное место пузатого Санта-Клауса с красным носом и подозрительно скошенными глазами, тянула от карниза к люстре яркие гирлянды, и при этом не замолкала ни на минуту. Алла работала на подхвате, поддерживала, подавала, советовала, оценивала, не криво ли висит, и постоянно комментировала ее рассказ и задавала уточняющие вопросы.

– Да, Иренция... – пробормотала она, когда квартира окончательно приобрела новогодний вид, а история пришла к своему завершению. – Даже не знаю, что тебе и сказать... Надо ж тебе было так лохануться! Вроде только дело с мертвой точки сдвинулось, такой шанс судьба подарила... И не один даже, целый букет шансов. И тут – на тебе!..

– И не говори... – Ира снова готова была заплакать. Что бы она ни делала, каждые несколько минут ее взгляд сам собой обращался к окнам квартиры напротив, но там, конечно, было темно.

– Ладно, пойдем покурим, – позвала Алла. И уже на кухне, затягиваясь сигаретой, продолжила:

– Значит так, Ирка. Что бы ни случилось – ни в коем случае нельзя отчаиваться! Помнишь, это у Маяковского, кажется, было: «Найдется выход хоть один из всякого безвыходного положения!» Да, он сейчас сердит на тебя, возможно, считает душой безалаберной – что ж, ты дала ему для этого все основания. Но раз уж вы так хорошо общались, как ты рассказываешь, может, еще не все потеряно? Он отдохнет, вернется в благодушном настроении, и тогда ты...

– Да что – я? – Ира сидела за кухонным столом, подперев руками голову и сжимая пальцами виски. – Ну что я теперь-то могу сделать?

– А то и можешь! Он когда вернется из своей Праги?

– Откуда же я знаю?

– Ну, вряд ли он поехал туда меньше, чем на неделю, – здраво рассудила Алла. – Значит, несколько дней у тебя в запасе есть...

– Да на что он мне, этот запас? – недоумевала Ирина.

– Ох, Иренция, ты как малое дитя, ей-богу! – вздохнула Алла. – До самых элементарных вещей дотумкать не можешь, всему учить

надо! Хорошо, раз ты такая дурочка, слушай умных людей, они подскажут, что надо делать...

– И что же советуют умные люди? – поинтересовалась Ира без особой надежды в голосе.

– А умные люди, простая ты душа, советуют идти в ЖЭК! Можно было бы и сегодня даже попробовать, да поздно уже, скоро семь... Значит, завтра с утра или сразу после праздников, прямо второго числа, это пятница. Сходи, разыщи техника-смотрителя, пусть тебе откроют решетку. Возьмешь его ключи...

– И что?

– Да то! Он приедет – а ключи у тебя. А он без них, как без рук, там же у него, ты говоришь, и от квартиры ключи, и от машины. Тоже, я тебе скажу, ума у твоего Сергея палата! Это ж надо догадаться – все на одной связке таскать!

– Да погоди ты, Алк! – Ира несколько оживилась. – Значит, возьму я его ключи... Он придет за ними в ДЭЗ, а там скажут...

– ...а там скажут, что ключи у тебя, – подхватила Алка. – Дошло, наконец?

Однако Ирина не разделяла оптимизма подруги:

– А может, он ко мне и не пойдет? Наверняка у него есть еще другие ключи...

– И от квартиры, и от машины? – скептически подняла бровь Алла. – Что ж он тогда сегодня ими не воспользовался? Думаю, от квартиры у него только два комплекта – потерянный за решеткой и тот, который он тетке отдал.

– Какой еще тетке?

– Да той, которую ты в окно видела, помнишь? Которая к нему приходила перед его отъездом. Она, наверное, без него будет с собачкой гулять. А от машины дубликатов, скорее всего, нет. Так что, по-любому, все дороги у него после Праги ведут к тебе. И тут уж ты не оплошай!

– Ты думаешь? – Ира почувствовала, что к ней вновь возвращается жизнь.

– Уверена на все сто!

– Ой, Аллочка, спасибо тебе, родная! – Ирина кинулась обнимать и целовать подругу.

– Спасибо на хлеб не намажешь, – смеялась та. – Ой, Иренция, и правда, может, пожужим чего-нибудь? А то я голодная, как сто китайцев. Хочешь, в кафешку сходим?

– Да какая кафешка, у меня в холодильнике еды на месяц! – Ира действительно повеселела. – Сейчас закатим с тобой пир на весь мир. Накрывай стол в большой комнате, доставай бокалы, тарелки праздничные. Помнишь, где они у меня лежат? А я сейчас...

Ее прервал звонок мобильного. Высветившийся на экране номер Ире был незнаком. Она ответила не без волнения. Вдруг это Сергей? Невероятно, конечно – но вдруг?

– Привет! – раздался в трубке голос Сережика с дачи. – С наступающим тебя! Не отрываю? Чего делаешь?

– Да вот, ужин готовим с подружкой...

– Скучаете? – оживился Сережик. – Хотите – приеду, внесу разнообразие в ваше женское общество?

«А почему нет-то? – подумалось Ирине. – Все лучше, чем сидеть вдвоем...»

– Ну давай, приезжай! Записывай адрес...

– А подруга у тебя симпатичная? – поинтересовался Сережик.

– Стройная, – ехидно отвечала Ира.

– Тогда ждите, девчонки, сейчас буду! Скажи только, чего с собой прихватить?

– Он? – с любопытством спросила появившаяся в дверях кухни Алла, едва Ира нажала кнопку отбоя. – Сергей?

– Федот – да не тот, – усмехнулась Ирина. – Сергей, но другой. Сережик с дачи, помнишь, я тебе рассказывала... А, да ты же его видела!

– Который к тебе с букетом приезжал? Ну, конечно, помню! И что он?

– Сказал – сейчас приедет, торт привезет.

– Да ты что? – Алла кинулась к своей сумочке, вынула оттуда битком набитую косметичку величиной чуть не с футбольный мяч. – Пойду-ка я в ванную схожу...

Как ни удивительно, но скрасить вечер Сережику действительно удалось. Он привез большой торт и по букету цветов для каждой из девушек и был в ударе: шутил, травил анекдоты, рассказывал забавные истории из своей студенческой молодости. Алла хохотала до слез,

осторожно, чтобы не смазать тушь, вытирала глаза и кокетливо поглядывала на Сережика. Ира тоже улыбалась, наблюдая за ними и понимая, что эти двое явно понравились друг другу. Алка накладывала Сережику на тарелку салаты, уговаривая попробовать то и это, он подливал ей вино и галантно щелкал зажигалкой, когда она собиралась закурить.

После еды включили музыку и устроили танцы, причем Алла и Сережа вдруг одновременно проявили огромную любовь к медлякам. Невостребованная Ирина сидела на диване и потягивала вино, но при этом совершенно не чувствовала себя забытой или несчастной. Ей приятно было смотреть на счастливые лица друзей.

– Ир, можно тебя на секундочку, – вытащила ее на кухню подруга, когда очередной танец закончился.

Прикрыла дверь и вполголоса спросила:

– Признайся мне, только честно: ты правда не имеешь на него никаких видов?

– Торжественно клянусь! – Ира шутливо подняла руку.

– Тогда ты не обидишься... Ну, если мы сейчас уедем? Ко мне, а то к нему нельзя, у него мама...

– Конечно, не обижусь. Поезжайте.

– Все-таки ты молодец, Ирка! – заявила Алла. – Я бы вот так не смогла... Ни за что бы мужика не уступила, даже подруге, даже если он мне и не очень-то нужен... И знаешь что? У меня такое чувство, что у нас с ним серьезно.

– У меня точно такое же предчувствие, – заверила ее Ира и вдруг рассмеялась.

– Ты чего это?

– Вспомнила, как мы с тобой осенью загадали встретить суженых до Нового года. Помнишь?

Алка нахмурила брови, потом просияла:

– А, точно, было такое!

– Ну, вот видишь – сбылось, хоть и наполовину.

– Не скажи, подруга, – Алла погрозила ей пальцем. – До боя курантов еще больше суток, мало ли, что может случиться...

– Что, интересно? – грустно улыбнулась Ира. – Ладно, не буду вас задерживать.

– Только помни: завтра с утра в ДЭЗ!

– Хорошо... Пстой, Алк, еще минутку. Я вот все думаю... Ну, допустим, придет он ко мне за ключами – и что с того? Возьмет их – да и уйдет...

– А ты его задержи! – Алле сейчас и море было по колено. – Как в песне поется: «Если он уйдет, это навсегда, значит, просто не дай ему уйти!» Начни про Чехию расспрашивать, попроси, чтобы фотки показал...

– А если не получится?

– Ну, раз не получится, просто встань в дверях и скажи: «Не отпущу! Не для того я тебя всю жизнь искала, чтобы так легко отпустить!» – Она с размаху затушила сигарету в пепельнице.

– Смеешься... – вздохнула Ира. – Ладно беги. Сережик там небось уже истомился в ожидании.

Проводив друзей, Ира осталась одна в опустевшей квартире. Было грустно, но плакать уже не хотелось – она была очень рада за подругу. Ребята уезжали такие счастливые... Может, и правда, и у них все сложится? Вот хорошо бы...

Она улыбнулась и позвонила маме.

– Доченька? Ты как?

– Я хорошо, мама, – бодро заверила Ира. – А ты?

– А я еще лучше! – рассмеялась мама.

– Да ты что? – обрадовалась Ирина. – Ну-ка рассказывай!

– Завтра все узнаешь! – заверила Александра. – Ты ведь заедешь ко мне завтра?

– Обязательно заеду. Должна же отвести тебе твой подарок.

– И получить свой. Кстати, ты заедешь одна или?..

– Скорее всего, одна, – как можно более спокойно проговорила Ира. – У Сережи срочная работа, он может освободиться только к вечеру.

– Жалко. – Мама как будто верила ей. – Но ты ведь нас познакомишь?

– Конечно, обязательно.

– Я вот только не поняла, когда у вас свадьба...

– Ой, мам, извини, кто-то в дверь звонит. Я тебе еще позвоню, пока!

Мама, конечно, была уверена, что неожиданного визитера дочка в очередной раз придумала, чтобы не отвечать на неприятный вопрос. И

зря, потому что звонок в дверь действительно был. И Ира так обрадовалась ему, что даже не стала спрашивать, кто там. Пусть хоть мерзкая соседка снизу. Ирина распахнула дверь...

На пороге стояла не Зинаида Геннадиевна, а Сергей из квартиры напротив собственной персоной. С той же большой сумкой на плече и с цветами в руках.

– Ира, я пришел попросить у вас прощения, – несколько смущенно сказал он. – Утром наговорил вам лишнего... И теперь целый день неловко. Все время думал, что под праздник испортил хорошему человеку настроение. Хотел позвонить, извиниться, но я не знаю вашего телефона... Вот, возьмите, это вам.

– Спасибо, – пролепетала Ира. – А вы... Как ваши дела? Удалось поменять билет?

– Да, я улетаю завтра, в два часа дня. Был сегодня в ДЭЗе – бесполезно, раньше второго числа никто подвал не откроет...

– И где же вы будете сегодня ночевать?

– Только не подумайте, что я пришел к вам из-за того, что мне переночевать негде! – испугался Сергей. – Нет-нет, с этим все устроилось. Поеду к тетке, в Раменки, я уже договорился, такси туда вызвал на утро.

Она молчала, собираясь с духом. Он тоже молчал.

– Ну, я пойду? – проговорил он наконец.

И Ира решилась:

– Сергей, – сказала – точно в холодную воду с разбегу нырнула, – если вы прямо сейчас уйдете, то испортите мне настроение не только под праздник. Вы мне его испортите на весь год, да что там, на все жизнь, вот!

– Ты хочешь сказать...

– Да, именно это я и хочу сказать! – почти выкрикнула она и сама сделала первый шаг к нему. Он обнял ее и поцеловал, так и не сняв с плеча сумки.

* * *

Было около двух часов ночи. Мужчина из квартиры напротив уже спал рядом с ней на ее широкой кровати, а Ира так и не могла

сомкнуть глаз, думая о том, что так неожиданно произошло в ее жизни. Правильно ли она все сделала, не совершила ли ошибки, не поторопилась ли? Вдруг Сергей сочтет ее легкомысленной женщиной, которая без раздумий прыгает в постель к каждому? Ведь они знакомы всего лишь сутки... Вдруг он перестанет после этого уважать ее? Да, он был нежен и внимателен с ней, но ведь это ничего не значит. Скорее всего, он просто не из тех мужчин, которые получают свое и тут же забывают о женщине, которая доставила им удовольствие. Завтра утром он улетит в свою Прагу, а когда вернется, то вспомнит ли вообще о ее существовании? Или просто даст понять, что секс – это не повод для знакомства? И что тогда?

«А ничего! – сказала сама себе Ирина. – Что бы ни было дальше – сегодня я счастлива! Пусть даже он никогда не узнает, как я к нему отношусь, он все равно останется в моей памяти. И в окне напротив... Лучше однажды пережить неземное блаженство и лишиться его, чем всю жизнь ждать, и так ничего и не дожидаться...»

С этими мыслями она уснула.

Проснувшись Ира от запаха кофе. Сергея уже не было с ней рядом, но по доносящемуся с кухни аромату и звону посуды нетрудно было догадаться, где он находится. Ирина быстро поднялась, накинула халат и босиком побежала к нему.

– Доброе утро! – Он обнял ее и прижал к себе. – Сейчас я буду готовить завтрак...

– Давай лучше я, – заволновалась она. – А ты пока собирайся. Если ты и в третий раз опоздаешь из-за меня на самолет, то я никогда себе этого не прощу.

– А я куда не лечу.

– То есть... как это? – Она так и застыла посреди кухни.

– Да вот так. Позвонил друзьям и сказал, что не еду. Раздумал. В Праге я уже был и Новый год в этой компании много раз встречал, а с тобой еще ни разу.

Ира не верила своим ушам.

– Ты шутишь?

– Нет, говорю совершенно серьезно, – покачал головой Сергей. – Я бы хотел встретить этот Новый год с тобой. И все последующие тоже. Или у тебя другие планы?

– Нет, – счастливо засмеялась Ирина. – Я бы тоже очень хотела, чтобы все мои планы были связаны только с тобой...

Он снова обнял ее.

– А ты мне расскажешь, куда ты так бежала позавчера, когда чуть не сшибла меня у лифта? – спросил он, когда закончился долгий-долгий поцелуй.

– Расскажу, – пообещала она, машинально бросив взгляд на окна квартиры напротив. – Как-нибудь обязательно. Только не сейчас, а то у тебя кофе убежит!

До чего же приятны самые обычные вещи вроде приготовления завтрака, когда делаешь их вместе с любимым человеком! Сергей жарил на большой сковородке яичницу, Ира помогала ему, резала ветчину, терла сыр и думала о том, что никогда еще в ее жизни не было такого замечательного утра тридцать первого декабря.

– Знаешь, как познакомились мои родители? – начал он, когда они уже сидели за столом. – Также под Новый год. Папа дежурил в больнице, он у меня врач-травматолог, тогда только-только институт закончил в своем родном Ярославле. А мама, она москвичка, приехала туда к подружке на каникулы и – надо же было так случиться! – вывихнула ногу прямо тридцать первого декабря. Ее привезли к папе, в травмпункт, они сразу друг другу понравились. Он к ней три недели каждый день ходил, перевязки делал, а как только она встала на ноги, они первым делом отправились в ЗАГС и подали заявление. В марте расписались, а в ноябре родился я... Кстати, в этом году у нас в семье большой праздник – сорокалетие их совместной жизни.

– Какая романтическая история! – восхитилась Ира и даже вилку отложила. – Прямо как те, о которых я рассказываю в «Легендах любви». А где живут твои родители?

– Там же, в Ярославле. А меня бабушка к себе в Москву прописала. Когда бабушка с дедушкой умерли, эта квартира осталась мне... Так что я уже лет пятнадцать в Москве живу. Был когда-то женат, но недолго, всего три месяца. Мы с Мариной быстро поняли, что слишком разные люди и разбежались.

«И тут Марина!» – усмехнулась про себя Ира, глотнув кофе.

– Так что я уже лет десять один, – продолжал Сергей. – И знаешь, что, Ириш? Последнее время постоянно чувствовал, что просто физически устал от одиночества. Почему-то в кино и в книгах, даже

если они написаны мужчинами, чувство одиночества и потребность любить, быть нужным, заботиться о ком-то, присущи только женщинам. Хотя нет, я не совсем правильно выразился. Мужчины там тоже одиноки, но как-то по-другому. Они словно гордятся этим, мол, вот я какой крутой, одинокий волк, мне никто не нужен. А у меня как-то совсем по-другому... Бывали моменты, когда я всерьез думал поселиться вместе с первой встречной женщиной – лишь бы не приходиться домой в темную квартиру, где тебя никто не ждет. Но когда увидел тебя, почти сразу понял, что хочу быть именно с тобой. Я как будто давным-давно тебя знаю, понимаешь? Такое чувство, что мы уже разговаривали с тобой много раз, ты мне рассказывала о своей работе, о маме, о подругах...

– И даже советовалась, когда переобуваться в шипованную резину, – закончила Ира.

Отреагировать на ее странную фразу Сергей не успел – зазвонил его мобильный.

– Алло? Такси? Какое такси? Ах да... Нет, не надо, не подтверждаю... Хотя подождите, девушка! Да, я подтверждаю заказ! Только пришлите машину по другому адресу. Улица Профсоюзная, дом семь. Спасибо, будем ждать, – и отправил в рот последний кусок яичницы.

– Ты все-таки едешь? – Ира старалась не показать своего огорчения.

Он что-то промычал с набитым ртом.

– Что-что?

– Я говорю: не я, а мы?

– Мы? – удивилась она. – А куда мы едем?

– В ЗАГС.

– Что-о-о?

– А ты что, не согласна стать моей женой?

Ира смотрела на него, вытаращив глаза:

– Прямо так сразу?

– Ты не хочешь? – заволновался Сергей.

– Что ты, что ты! Очень хочу, но... Сегодня же тридцать первое декабря, они наверняка не работают.

– Работают, – уверенно заявил мужчина из квартиры напротив. – В госучреждениях сегодня рабочий день. Правда, короткий. Так что

иди быстренько собирайся – и поехали жениться.

– Ну уж и жениться, – засмеялась Ира. – В лучшем случае, заявление подавать. И то, скорее всего, не примут. А потом еще ждать месяц как минимум.

– Не желаю ждать! – заявил он, торопливо допивая кофе и отставляя чашку. – Сейчас поедem и добьемся того, чтобы нас расписали прямо сегодня. А что ты сидишь, я не понимаю?

* * *

– Ты мне сразу очень понравилась, с первого взгляда, – уверял Сергей по дороге в ЗАГС.

Они сидели на заднем сиденье синего «Опеля», тесно прижавшись друг к другу. Мужчина из квартиры напротив обнимал Иру за плечи и шептал на ухо всякие приятные вещи.

– Прямо, как увидел тебя...

– В супермаркете? – уточнила Ирина.

– В каком супермаркете? – не понял он. – Я говорю о встрече во дворе, помнишь? Когда я тебя водой из лужи окатил? Ты стояла такая несчастная, такая милая, такая грязная...

– Да ну тебя!

– Я серьезно! И потом, когда у тебя трубу прорвало... Просто обалдел, когда увидел тебя в этих шортах! Ты в них настолько сексуально выглядишь!.. Обещай, что все время будешь их дома носить, ладно? Но только дома! Не хочу, чтобы другие мужики на мою жену пялились!

– Приехали, – сказал водитель такси, подруливая прямо к подъезду. – Вас подождать?

– Подождите! Мы быстро – поженимся и назад! – пообещал Сергей.

– Ничего у тебя не получится! – смеялась Ира.

– Спорим, что получится? На поцелуй?

Сергей не ошибся – ЗАГС действительно работал. Хотя в коридорах было пусто – тридцать первого декабря людям обычно не приходит в голову записывать акты своего гражданского состояния. Тощая девица в больших очках оторвалась от чтения женского романа

в бумажной обложке, недовольно посмотрела на часы, на Сергея с Ириной, потом опять на часы и сунула им в руки две анкеты.

– Заполняйте, только разборчиво. Там, за дверью...

– А без этой бюрократии никак нельзя? – поинтересовался Сережа.

– Нет, – отрезала девица и вернулась к своему чтиву.

Провозившись четверть часа над анкетами, они вновь постучались в ее кабинет. Девица мельком проглядела отданные ей листы и раскрыла журнал.

– На какое число хотите назначить бракосочетание? Есть варианты седьмого февраля и двадцать первого. На четырнадцатое февраля даже не думайте просить, забито под завязку еще с осени.

– А мы и не собираемся расписываться четырнадцатого февраля, – очаровательно улыбнулся Сергей. – У нас теперь каждый день День влюбленных, да Иришка?

– Так какой вы день выбираете? – служащая не ответила на его улыбку.

– Тридцать первое декабря.

– Тридцать первое... Чего?

– Вы не ослышались, декабря, – кивнул Сергей. – Мы хотели бы расписаться сегодня.

У девицы вытянулось и без того длинное лицо.

– Вы что, шутите? Это невозможно.

– А вы сделайте для нас исключение, – мило попросил Сергей. – Неужели вам самой не приятно сделать людям добро?

– Молодой человек! – строго заявила девица. – Здесь государственное учреждение, а не балаган! Перестаньте паясничать, или назовите день, или закройте дверь с той стороны!

– Так я назвал вам день – сегодня. А вы почему-то рассердились.

Ира молча наблюдала за этой сценой, уверенная, что у Сергея ничего не получится и только ждала момента, когда можно будет его увести. Но он не собирался сдаваться.

– Молодой человек, я вам последний раз повторяю. – На желтом лице девицы выступили красные пятна. – Правила есть правила! Я для вас их менять не буду!

– А кто будет? Может, ваше начальство?

– И начальство не будет!

– И все-таки давайте сходим к нему и поговорим?

– Хорошо, – процедила сквозь зубы девица, вставая из-за стола. – Идемте к заведующей.

– Ты сумасшедший, – шепнула Ира, когда они оказались в коридоре.

– И это говорит девушка, которая на МКАДе гоняет по встречной полосе? – весело отвечал Сергей.

И заглянул в комнату, где сидела полная немолодая женщина со строгим лицом. Ира сразу отметила, что в кабинете у нее звучит «Маяк». Ди-джей Маша Карлицкая, та самая, которая не верила Ириным рассказам, весело поздравляла всех слушателей с праздником.

– В чем дело, молодой человек? – недовольно поинтересовалась дама за столом.

– Нас отказываются расписывать!

– На каком основании?

– Зоя Михална, да они с ума сошли совсем! – пожаловалась протиснувшаяся следом за ними в кабинет тощая девица. – Пришли сегодня, в короткий рабочий день, и требуют, чтобы их прямо сразу, незамедлительно, расписали!

– Но нам срочно надо! – объяснил Сергей.

– Эмигрируете? – строго спросила заведующая.

– Нет, просто любим друг друга!

– Тогда понятно. До свидания!

– Но послушайте!..

– Вы, кажется, пьяны, – взвизгнула дама. – Или вы сейчас же уйдете, или я вызову охрану!

Ира посмотрела на нее, на приемник в углу и потянула Сергея за рукав:

– Подожди, у меня, кажется, есть идея...

Они вышли в коридор, где Ирина достала мобильник и набрала номер Машиной помощницы Елизаветы.

– Лиз, привет, это Ира Боброва. Мне срочно нужно с Машей поговорить. Знаю, что эфир, потому и звоню... У нее ж сейчас все равно песня играет, а мне буквально на два слова! Спасибо тебе! – и продолжила после паузы. – Маша, здравствуй! Тут такое дело... Мы с женихом в ЗАГСе, а нас расписывать не хотят... Не могла бы ты сейчас объявить по радио...

– Ира, ты опять врешь? Ну знаешь, это уже переходит всякие границы, – возмутилась Маша, не дав ей договорить.

Еще минута – и она бросила бы трубку. Но тут Сергей, который, судя по его лицу, догадался, что задумала Ира, выхватил у нее телефон со словами: «Дай я с ней поговорю!»

– Маша? Очень приятно, а я Сергей, жених Ирины. И скоро буду мужем, если вы нам поможете!

Не прошло и минуты, как они уже снова оказались в кабинете заведующей. Та раскрыла было рот, но тут Ира нежным голоском попросила:

– Сделайте, пожалуйста, радио погромче! Там вам поздравление передают...

Дама перевела взгляд на приемник, где уже заливалась соловьем Маша:

– В этот замечательный день на «Маяке» двойной праздник! Сегодня свадьба у нашей коллеги, ведущей передачи «Легенды любви» Ирины Бобровой! Поздравляем Иру и ее избранника! И также мне хочется сказать самые добрые, самые теплые слова о тех чудесных женщинах, без которых этот праздник не состоялся бы! От всего коллектива нашего канала благодарим сотрудников ЗАГСа и лично заведующую Зою Михайловну Камышко, этих нежных фей, которые точно мановением волшебной палочки соединяют любящие сердца. Зоя Михайловна, если вы сейчас нас слышите, знайте, что этот чудесный вальс Евгения Доги из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь» звучит сейчас только для вас!

Некоторое время вальс звучал в полной тишине. Заведующая недоуменно глядела на приемник, жених с невестой молчали, боясь даже пошевелиться. Когда музыка закончилась, дама вздохнула и перевела взгляд на Иру:

– Надо же, Ирина Боброва... Я ведь ни одной вашей передачи не пропускаю, сижу, слушаю, даже плачу иногда... Только я отчего-то думала, что вы постарше будете...

Вздохнула еще раз, достала откуда-то ключи и полезла в сейф.

– Ладно, так уж и быть... Давайте ваши паспорта. – Ишь ты, как сказали-то «нежные феи»...

* * *

– Слышала, слышала, все слышала! По радио! – Мама кинулась обнимать Ирину прямо на пороге. – Но что же вы так втихаря-то все сделали, ничего не сказали?! Ладно, все равно молодцы! Поздравляю, доченька, желаю счастья! И вас поздравляю! А вы, значит, Сергей! Очень прия... – и замолчала на полуслове, взглядываясь в лицо новоиспеченного зятя. Тот смущенно улыбался.

– Постойте! – догадалась, наконец, Александра. – Так я же вас знаю! Это ж вы трубу у Ирочки чинили! Надо же, а я и не поняла в тот момент, что вы знакомы... Или вы только тогда и познакомились?

– Мы тебе обязательно все расскажем, мама, – пообещала Ира. – Но потом. А сейчас, может, тыпустишь нас в квартиру? Или так и будем на пороге стоять?

– Ой, голова дурная, – ахнула мама. – Проходите скорее, раздевайтесь...

Она попятилась, пропуская их в прихожую.

– А ты ведь тоже обещала меня сегодня кое с кем познакомить, – вполголоса спросила Ира, пока Сережа помогал ей снять куртку. – Он здесь?

– Здесь, здесь, – закивала Александра. – Идите в комнату.

Ира почему-то была уверена, что увидит Руслана Альбертовича. Но вместо него за празднично накрытым столом сидел совсем другой человек, худощавый мужчина в очках и с аккуратным ежиком седых волос, который понравился ей гораздо больше, чем пластический хирург.

– Владимир, друг моей юности, – представила мама и добавила: – А теперь, надеюсь, еще и старости.

– Ну, до этого еще далеко, – галантно заметил Сергей.

А Ира спросила:

– Вы тот самый Володя, который так хорошо пел «Милая моя, солнышко лесное»? Мне мама о вас рассказала, когда я еще маленькая была.

– Так ты рассказывала своей дочери обо мне? – Владимир даже смутился.

– А ты думал? – весело отвечала Алекс. – Ну хватит болтать, давайте мыть руки – и за стол!

* * *

Утром четвертого января Ира проснулась пораньше. Еще вчера перед сном ей пришла в голову идея побаловать Сережу, подав ему завтрак в постель. У нее даже специальный поднос имелся для таких случаев, на складывающихся ножках – она сама себе его подарила на Восьмое марта в прошлом... нет, теперь уже позапрошлом году. Как там шутил Жванецкий? «Я тоже могу пить кофе в постели, но для этого мне надо встать, сварить кофе, потом снова лечь в постель и выпить его». Господи, какое счастье, что она теперь не одна! Что ей есть, о ком заботиться и кому приносить кофе в постель.

С нежностью поглядев на спящего Сережу, Ирина осторожно встала и тихонько прошла в кухню. Налила в чайник воды, поставила кипятиться, вынула из хлебницы батон, чтобы сделать тосты, потянулась за ножом и по привычке бросила взгляд в окно. Посмотрела на квартиру напротив – и так и замерла на месте, не веря своим глазам.

В квартире напротив горел свет. Но это было еще полбеды. Самое неожиданное было в том, что там находился «Сергей»! Бродил по квартире, накинув на плечи знакомый синий халат, зевал, потягивался, гладил собаку, ставил на кухне чайник...

– Этого не может быть... – тихо прошептала Ирина.

Но *это* было. Глаза ее не обманывали.

На цыпочках Ира вернулась в спальню. Сергей был там, где она его и оставила – на ее широкой испанской кровати. Лежал на правом боку, уткнувшись лицом в подушку, и сладко посапывал во сне.

Ирина прокралась мимо него к окну, тихонько отодвинула занавеску. И отсюда было видно то же самое, что и с кухни. Знакомый ей до мельчайшего жеста мужчина в квартире напротив, которого она привыкла называть Сергеем, жарил яичницу в кухне-столовой, натирал сыр и высыпал его в сковородку.

«Может, я сошла с ума от счастья? – мелькнуло в голове у Иры. – Вроде есть в психиатрии такой термин *раздвоение сознания*»...

– Ириш... – донесся с кровати сонный голос. – А ты чего подорвалась в такую рань? Еще и десяти часов нет. Иди, еще поспим...

– Сереж, – Ира одним прыжком оказалась у его кровати. – Сереженька, а какой у тебя номер квартиры?

– Тридцать первый, а что?

Тридцать первый... Ира судорожно пыталась подсчитать, где же находится тридцать первая квартира, но все время сбивалась со счета.

– Это на каком этаже?

– На последнем, девятом, окнами на улицу. – Он сладко зевнул.

– Вот оно что!.. – ахнула Ира и присела на кровать. Только сейчас до нее дошло, что мужчины-то оказались разные...

– Иди сюда. – Сергей притянул ее к себе, заставив повалиться на подушки, она, смеясь, отбивалась.

– Ой, Сереж, подожди... У меня еще вопрос к тебе.

– Ну давай, спрашивай. – Он приподнялся на локте, подпер голову рукой и сделал шутливо-серьезное лицо.

– Скажи, а ты любишь собак?

– Честно?

– Честно.

– Если честно, то терпеть не могу. Меня в детстве однажды собака укусила...

– Слава богу... – прошептала Ира и уткнулась носом в его голое плечо.

notes

Примечания

1

Популярная студенческая песня 1950–1960-х годов. Автор неизвестен.

2

Научно-исследовательский институт.

3

За плохого я не пойду, а хороший мене не берет (*укр.*)

4

Первые строки стихотворения Иннокентия Анненского.

5

Первые строки стихотворения Марины Цветаевой «Мой милый, что тебе я сделала?».

6

Стас Кириллов – один из главных героев романа Олега Роя «Дом без выхода».

Речь идет о новелле Стефана Цвейга «Письмо незнакомки», рассказе о женщине, всю жизнь, с юности и до самой смерти любившей писателя, своего соседа по дому, который почти не замечал ее и даже не знал ее имени.

Table of Contents

[Олег Рой Мужчина в окне напротив](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

